

Сиа

Матильда Кокс Стивенсон

SMITHSONIAN INSTITUTION—BUREAU OF ETHNOLOGY

THE SIA

BY

MATILDA COXE STEVENSON

The cover image was created by the transcriber and is placed in the public domain

Содержание

[СИА.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ.](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ.](#)

[ВВЕДЕНИЕ.](#)

[КОСМОГОНИЯ.](#)

[КУЛЬТОВЫЕ ОБЩЕСТВА.](#)

[ТЕУРГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ.](#)

[ЦЕРЕМОНИЯ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА ЗМЕИ.](#)

[ЦЕРЕМОНИЯ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ.](#)

[ЧЕТЫРЕХНОЧНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЬНОГО МАЛЬЧИКА.](#)

[ЦЕРЕМОНИЯ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА НОЖА.](#)

[ОБЩЕСТВО КВЕРРАННА.](#)

[ЦЕРЕМОНИЯ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА КВЕР'РАННА.](#)

[ДРУГИЕ ОБЩЕСТВА.](#)

[ОБЩЕСТВО ПУМЫ.](#)

[ОБЩЕСТВО ВОИНОВ.](#)

[ПЕСНИ.](#)

[ПЕСНЯ О ДОЖДЕ ОБЩЕСТВА ШУ-ВИ ЧАЙАН \(ЗМЕИНОГО ОБЩЕСТВА\).](#)

[ПЕСНЯ SHŪ'WĪ CHAI'ĀN \(ОБЩЕСТВА ЗМЕЙ\) ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЬНЫХ.](#)

[ПЕСНЯ О ДОЖДЕ СКО'ЙО ЧАЙ'АН \(ОБЩЕСТВО ГИГАНТОВ\).](#)

[ПЕСНЯ SKO'YO CHAI'ĀN \(ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ\) ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЬНЫХ.](#)

[ПЕСНЯ О ДОЖДЕ ОТ ОРГАНИЗАЦИИ NĪSTĪĀN CHAI'ĀN \(ОБЩЕСТВО НОЖЕЙ\).](#)

[ПЕСНЯ О ДОЖДЕ ОТ NĪSTĪĀN CHAI'ĀN \(ОБЩЕСТВО НОЖЕЙ\).](#)

[ФРАГМЕНТ ПЕСНИ О ДОЖДЕ ОТ ХИСТИАН ЧАЙАН \(ОБЩЕСТВО НОЖЕЙ\).](#)

[ПЕСНЯ О ДОЖДЕ QUER'RĀNNA CHAI'ĀN.](#)

[МОЛИТВА ЗА БОЛЬНОГО МЛАДЕНЦА.](#)

[Объяснение молитвы губернатора за своего больного ребенка.](#)

[РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА.](#)

[ПОВЕРЬЯ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПОХОРОНАМИ.](#)

[МИФЫ.](#)

[КОЙОТ СТАЛКНУЛСЯ С РАЗОЧАРОВАНИЕМ.](#)

[КОЙОТ И ПУМА.](#)

[КОЙОТ И ГРЕМЕЛЬНАЯ ЗМЕЯ.](#)

СКАТОНА.

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта Гутенберг «Сиа»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Сиа

Автор: Матильда Кокс Стивенсон

Дата выпуска: 10 сентября 2020 г. [электронная книга № 63175]
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Робертом Тонсингом, менеджером по проектам Бюро американской этнологии, Интернет-архивом (Американские библиотеки) и командой онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF/Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE SIA ***

СМИТСОНОВСКИЙ ИНСТИТУТ — БЮРО ЭТНОЛОГИИ.

СИА

МАТИЛЬДА КОКС СТЕВЕНСОН.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страница.
Введение	9
Космогония	26
Культовые общества	69
Теургические обряды	73
Церемония дождя общества Змеи	76
Церемония дождя общества Гигантов	91
Четырехдневный ритуал общества Великанов для исцеления больного мальчика	97
Церемония дождя общества Ножей	101
Общество Кверранна	112
Церемония дождя общества Керранна	113
Другие общества	116
Общество пумы	118
Общество воинов	121
Песни	123
Песня о дожде из репертуара Shū'wi Chai'än (Общество змей)	123
Песня Шуи Чайан (Общество Змеи) для исцеления больных	125
Песня о дожде от Sko'yo Chai'än (Общество гигантов)	126
Песня Sko'yo Chai'än (Общество гигантов) для исцеления больных	127
Песня о дожде общества Хиистиан Чайан (Общество ножей)	128
Фрагмент песни о дожде общества Хиистиан Чайан (Общество ножей)	129
Песня о дожде племени Керранна Чайан	130
Молитва за больного младенца	130

Роды	132
Погребальные обычаи и верования	143
Мифы	146
Койот сталкивается с разочарованием	147
Койот и пума	154
Койот и гремучая змея	156
Скатона	157

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	Страница.
ТАБЛ. I. Вид на Сиа, на котором видна часть разрушенной деревни	8
II. Площадь, Сиа	10
III. Сестры; самые талантливые художники-керамисты в Сиа	12
IV. Группа ваз из Сиа	14
V. Оракул	16
VI. Каменный дом с штукатуркой на внешней стороне	22
VII. Рабочие-штамповщики	24
VIII. Рабочие заканчивают работу	26
IX. I-är-ri-ko, фетиш Сиа	40
X. Личное украшение при получении третьей степени официального членства в культовом обществе (А, Ко-шай-ри; В, Кер-ран-на; С, Общество змей	70
XI. Хэ-ча-мо-ни до прикрепления перьевых подношений (А, хэ-ча-мо-ни и официальный посох, переданные на хранение Сус сис-тин-на-ко; В, hä'-cha-mo-ni и официальный посох, переданные на хранение солнцу; С, hä'-cha-mo-ni и официальный посох, переданные на хранение северному жрецу облаков; D, hä'-cha-mo-ni и официальный посох, переданные на хранение западному жрецу облаков; Е, hä'-cha-mo-ni и официальный посох, переданные на хранение жрецу облаков зенита)	74
XII. Хэ-ча-мо-ни с прикрепленными подношениями из перьев (F, хэ-ча-мо-ни, депонированные для женщины Сиа севера и запада; G, хэ-ча-мо-ни, поднесенные женщине облаков кардинальных точек; H, игровой блок, поднесенный народу облаков; I, хэ-ча-мо-ни и официальный посох, депонированные для змеи хо-на-ай-те севера)	76
XIII. Хэ-ча-мо-ни с прикрепленными перьями (А, посвященный северному жрецу облаков; В, посвященный Хо-чан-ни, верховному правителю жрецов облаков всего мира; С, посвященный северной женщине облаков; D, пучок перьев, поднесенный отдельно от хэ-ча-мо-ни; Е, пучок перьев,	78

поднесенный отдельно от хэ-ча-мо-ни)

XIV.	Алтарь и песчаная роспись общества Змеи	80
XV.	Алтарь общества Змеи	82
XVI.	Церемониальная ваза	84
XVII.	Вице-хо'-на-ай-те общества Змеи	86
XVIII.	Алтарь и песчаная роспись общества Великанов (А, алтарь; В, песчаная роспись)	90
XIX.	Алтарь общества гигантов, сфотографированный во время церемонии	92
XX.	Хо-на-ай-те общества гигантов	94
XXI.	Больной мальчик в церемониальной палате общества великанов	96
XXII.	Алтарь и рисунок на песке общества Ножей	98
XXIII.	Алтарь общества Ножа, сфотографированный во время церемонии	100
XXIV.	Хо-на-ай-те общества Ножа	102
XXV.	Алтарь общества Ножа, с хо-на-ай-те и вице-хо-на-ай-те по обеим сторонам	104
XXVI.	Храм общества Ножа	108
XXVII.	Храм общества Ножа	110
XXVIII.	Алтарь общества Кер-рэн-на	112
XXIX.	Алтарь общества Кер-ран-на	114
XXX.	Хо-на-ай-те общества Кер-ран-на	116
XXXI.	Маски Сиа (А, маски Ка-су-на; В, маска женского Ка-су-на; С, маски Ка-су-на)	118
XXXII.	Маски Сиа (А, маски Ка-су-на; В, маски женщин Ка-су-на)	120
XXXIII.	Молитва восходящему солнцу	122
XXXIV.	Личные украшения при принятии в третью степень официального членства в культовом обществе (А, паук; В, пума; С, огонь; D, нож и великан; Е, костюм, когда победитель принимается в общество воинов; F, тело воина, подготовленное к погребению, с раскрашенными только лицом, руками и ногами)	140
XXXV.	Церемониальные вазы для воды; Сиа (А, крест, символизирующий дождь со всех сторон света; В, лица мужчин-облаков; С, лица	146

женщин-облаков; D, облака и дождь; E, растительность; F, стрекоза, символизирующая воду)

Рис.	1. Женщины-сия по дороге к торговцу, чтобы продать керамику	12
	2. Женщины племени сия возвращаются от торговца с мукой и кукурузой	13
	3. Нищий	18
	4. Разрыхление земли под палаткой	21
	5. Женщины и девочки приносят глину	22
	6. Женщины и девочки, приносящие глину	23
	7. Укладка глины	24
	8. Смешивание глины со свежевспаханной землей	25
	9. Женщины, посыпающие землю	26
	10. Процесс выравнивания	27
	11. Штампы начинают работать	28
	12. Смешивание глины для штукатурки	29
	13. Детское любопытство	30
	14. Маска солнца, нарисованная теургом	36
	15. Схема Белого дома Севера, нарисованная теургом	58
	16. Игра Вашкаси	60
	17. Рисование песком, как показано на таблице XXV	102
	18. Песочная живопись, используемая в церемонии для больных обществом муравьев.	103
	19. Доктор Сиа	133
	20. Мать с четырехдневным младенцем	142

ВИД НА СИА, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ЧАСТЬ РАЗРУШЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

СИА.

МАТИЛЬДА КОКС СТИВЕНСОН.[\[1\]](#)

ВВЕДЕНИЕ.

Все, что осталось от некогда густонаселенного поселения Сиа, — это небольшая группа домов и всего несколько человек посреди одних из самых обширных руин Юго-Запада ([илл. 1](#)), живая реликвия почти исчезнувшего народа и печальная история о разрушительных последствиях войн и эпидемий. Эта картина еще более трогательна, чем детская колыбель или крошечные сандалии, найденные в скале на стене каньона. Сегодняшний Сиа находится примерно в том же состоянии, что и древние жители пещер и скал, когда мы восстанавливаем их деревни в своем воображении.

Космогония и мифы сиа указывают на нынешнее место как на их дом до переселения на плато, которое, однако, не было их первым домом на плато; их легенды упоминают о многочисленных деревнях на вершинах гор во время их путешествия с севера к центру земли.

Население этой деревни изначально было очень многочисленным, но из-за своего положения она стала мишенью во время межплеменных распрей. Однако настало время, когда межплеменные распри прекратились, и племена пуэбло объединили свои силы, чтобы противостоять общему врагу, противнику, который вселял ужас в сердца индейцев, поскольку он не только захватил их деревни и дома, но и был полон решимости искоренить религию предков, чтобы заменить ее римско-католической верой. Чтобы избежать этого, сиа бежали на плато и построили деревню, но враг не собирался так легко сдаваться, и деревня на плато была подчинена. О том, что эти люди снова боролись за свою свободу, свидетельствует отчет Варгаса о его посещении этого места в 1692 году:

Пуэбло было разрушено несколькими годами ранее Крузате, но не было восстановлено. На следующее утро войска вошли в него. Оно было расположено на плато Серро Колорадо, и единственный подход к нему был по склону плато по крутой и каменистой дороге. Единственной ценной вещью, найденной там, был колокол монастыря, который приказали закопать. Индейцы построили новую деревню рядом с руинами старой. Увидев приближающихся испанцев, они вышли им навстречу, чтобы поприветствовать их, неся в руках кресты, а во главе шествовали вожди. Таким образом они сопровождали Варгаса и его войска до площади, где были воздвигнуты арки « » и кресты, и им были предоставлены хорошие помещения. Он собрал жителей и объяснил им цель своего визита и то, как он намерен наказать всех мятежных индейцев. После этого состоялись обычные церемонии вступления во владение, крещения и отпущения грехов.[\[2\]](#)

И сиа снова оказались под испанским гнетом; но хотя они и демонстрировали внешнее подчинение новой вере, ни тогда, ни с тех пор они не отступили от своей преданности коренной религии.

Руины на плато, представляющие собой хорошо очерченные стены прямоугольных каменных сооружений к северо-западу от нынешней деревни, имеют значительные размеры и занимают много акров. ([Pl. II.](#)) Однако индейцы заявляют, что это были большие

сельскохозяйственные районы По-шай- -ян-не (квази-мессии), каждое поле было отделено от других каменной стеной, и что их деревня находилась на плато к востоку от нынешней.

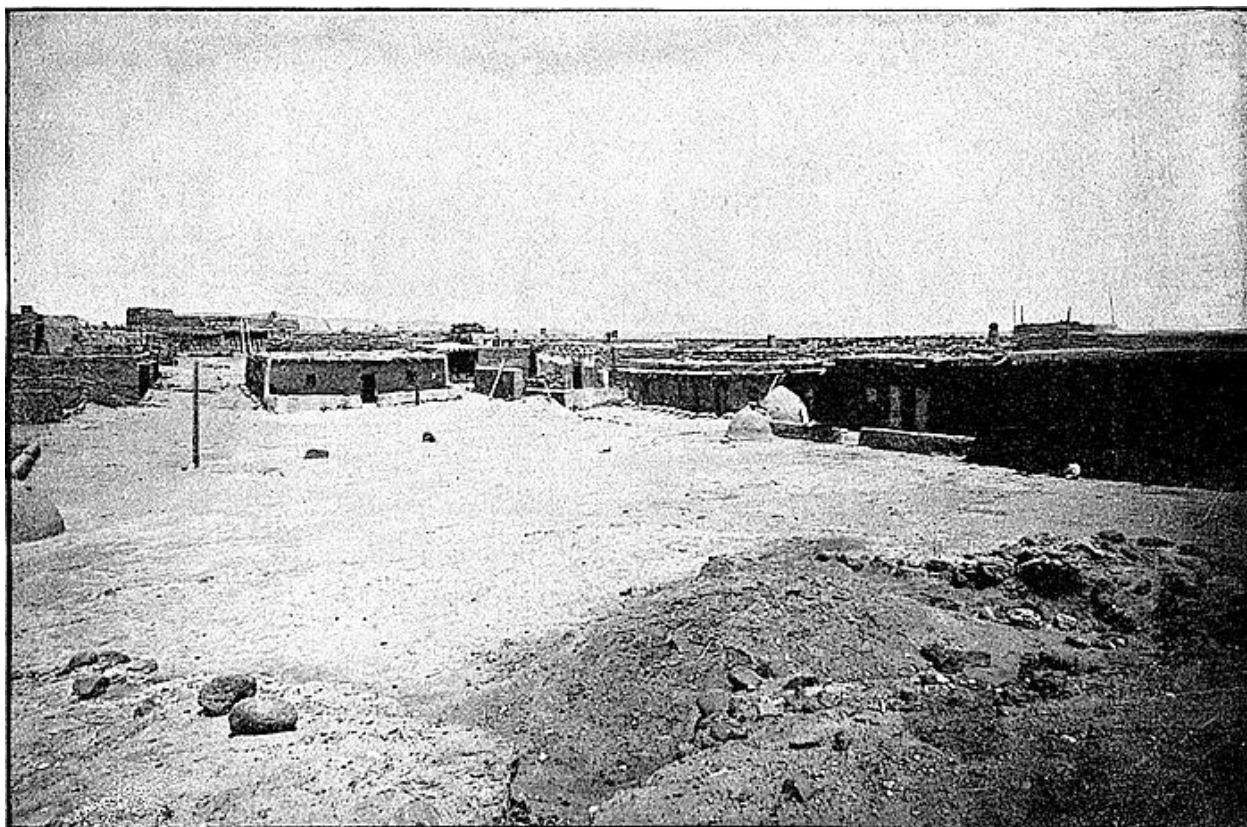
Расстояние от воды и поля побудило сиа вернуться в свой старый дом, но войны, эпидемии и угнетение, по-видимому, были их уделом. Когда они не сражались с грабителями-кочевниками и мексиканцами, они страдали от болезней, и между убийствами и эпидемиями численность этого народа сократилась до небольшого числа. Сиа заявляют, что такое положение дел продолжалось, в большей или меньшей степени, с короткими перерывами, пока убийства не были прекращены благодаря вмешательству нашего правительства. За это они глубоко благодарны и готовы выразить свою благодарность всеми возможными способами.

Согласно переписи 1890 года, сегодня число сиа составляет 106 человек, и хотя они больше не страдают от рук убийц-врагов, им приходится бороться с такими болезнями, как оспа и дифтерия, и еще несколько бедствий могут уничтожить этот остаток народа. Они по-прежнему подвергаются преследованиям со всех сторон со стороны грабителей, как и в старину, и длительная борьба привела не только к сокращению их численности, но и к ухудшению их психического здоровья.

Сья похожи на других индейцев пуэбло; на самом деле, они настолько похожи по физическому строению, цвету кожи и обычаям, что их можно было бы считать одним и тем же народом, если бы не было обнаружено в ходе филологических исследований, что языки индейцев пуэбло произошли от четырех различных языковых семейств.

Сиа расположен на возвышенности, у подножия которой течет река Джеме́з. Рио-Саладо впадает в Джеме́з примерно в 4 милях выше Сиа и насыщает воды Джемеза солью, так что они всегда имеют неприятный вкус, а в летний сезон, когда река выше по течению пересыхает, вода становится непригодной для питья, но для сиа это единственный источник воды.

Их соседями являются жители пуэбло Санта-Ана, расположенного в 6 милях к юго-востоку, которые говорят на том же языке, с небольшими вариациями, и пуэбло Джеме́з, расположенного в 7 милях к северу, язык которого, согласно классификации Пауэлла, принадлежит к другой группе, таньоанской.

площадь, сия.

Мексиканский город Сан-Исидро находится в 5½ милях выше Сиа, а к северу от Джемеса есть несколько мексиканских поселений. Мексиканский город Берналильо находится на восточном берегу Рио-Гранде, в 17½ милях к востоку.

Хотя протестантские миссионеры находятся в пуэбло Джемез с 1878 года, никаких попыток привлечь сия к протестантизму не предпринималось. Католический миссионер, проживающий в Джемезе, периодически посещает сия, где проводит богослужения, венчает, крестит младенцев и молится за умерших.

Миссии в Сиа и Джемезе были основаны до 1617 года и после 1605 года. Они существовали без перерыва примерно до 1622 года, когда навахо вынудили покинуть две церкви в Сан-Диего и Сан-Хосе-де-Джемез. Примерно четыре года спустя, благодаря усилиям Фрая Мартина де Арвиде, эти миссии были вновь заняты и продолжали бесперебойно функционировать до 10 августа 1680 года. Насколько мне известно, миссия в Сиа до этой даты не подвергалась никаким серьезным бедствиям. После восстания 1680 года миссия в Сиа оставалась незанятой до 1694 года. С тех пор она всегда поддерживалась, за исключением небольших временных перерывов, вплоть до наших дней. Миссия Сан-Диего-де-Хемес была занята в 1694 году Фраем Франциско де Хесусом, которого индейцы убили 4 июня 1696 года. В результате восстания в тот день Джемез покинули свою страну и вернулись, поселившись на нынешнем месте своего пуэбло только в 1700 году. Первым постоянным священником в Джемезе стал Фрай Диего Чабаррия в 1701 году. С тех пор я не нахожу дальнейших перерывов в списке миссионеров.[\[3\]](#)

Сья презираются индейцами Санта-Ана и Джемес, которые никогда не упускают возможности выразить свое презрение, будучи уверенными, что эта горстка людей из должна терпеть оскорбления без надежды на возмездие. Между племенами существуют ограниченные отношения, в основном с целью торговли.

Хотя у сиа есть значительные орошаемые земли, они располагают лишь скудными запасами воды, что связано с тем, что после того, как мексиканские города, расположенные выше по течению, и пуэбло Джемез забирают воду из реки Джемез, для сиа остается очень мало, и чтобы их урожай был успешным, они вынуждены сокращать площадь возделываемых земель. Таким образом, они никогда не выращивают достаточно зерна для удовлетворения своих потребностей, даже при самом строгом экономии, согласно индейскому пониманию, и поэтому зависят от своих более успешных соседей, которые не испытывают таких трудностей. У народа Джемес нет недостатка в воде, а Санта-Ана имеет свои сельскохозяйственные районы на берегах Рио-Гранде. Неудивительно ли, что два пуэбло прогрессируют, пусть и медленно, в направлении европейской цивилизации, в то время как Сиа, хотя и подвергаются небольшому влиянию мексиканцев, в силу своего окружения не только привязаны к автохтонной культуре, но и понизили свой социальный и умственный уровень?

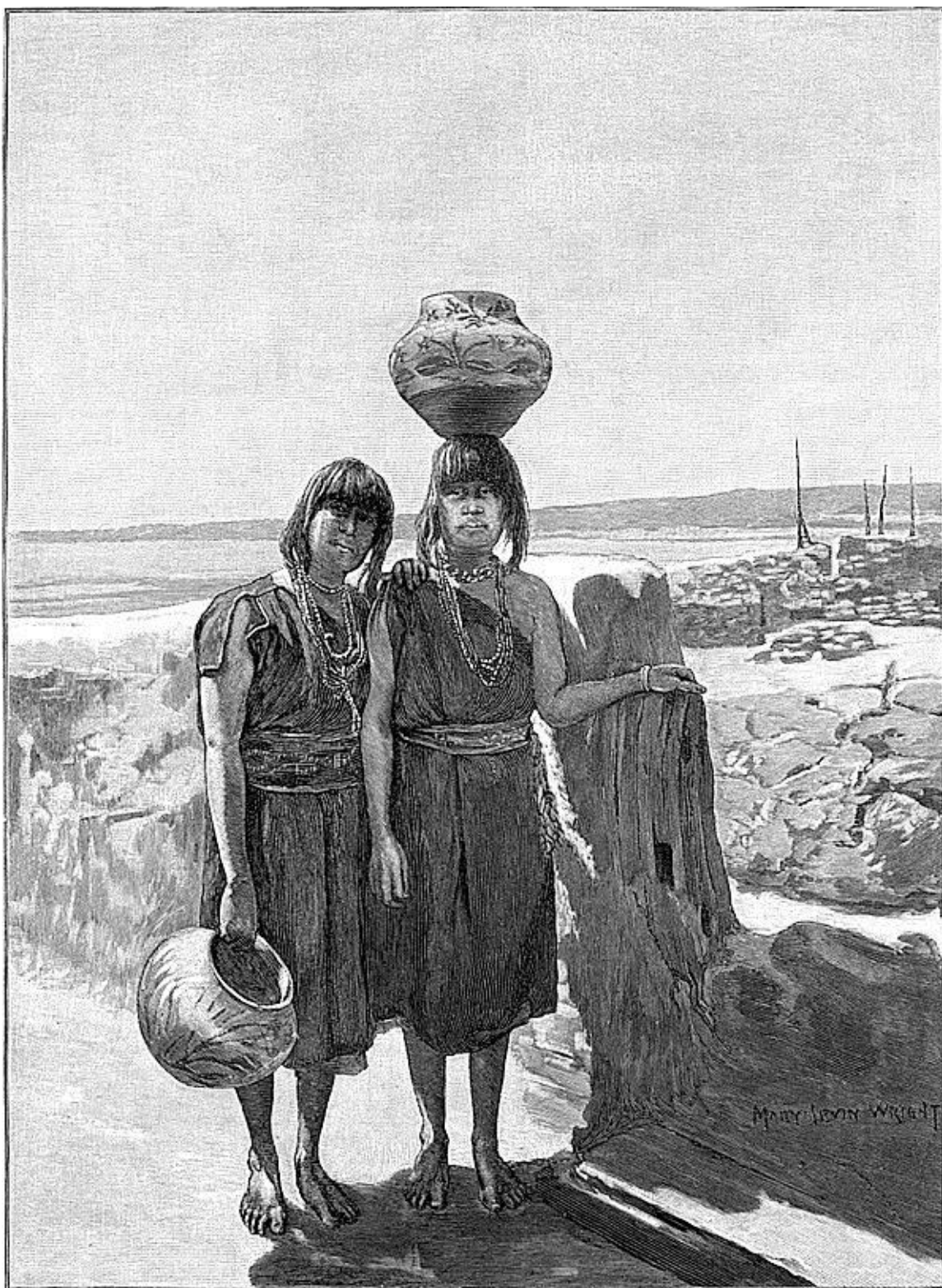
Женщины сиа усердно занимаются керамическим искусством, как только их запасы зерна уменьшаются, а мужчины несут изделия к своим недружелюбным соседям для обмена на пшеницу и кукурузу. Хотя Санта-Ана и Джемес изготавливают немного керамики, она очень грубая по текстуре и форме; фактически, их нельзя отнести к индейцам, занимающимся гончарным ремеслом. ([Илл. III.](#))

Пока сиа могут убедить торговцев из других регионов принимать их керамику, они воздерживаются от бартера с соседними индейцами. ([Илл. IV.](#)) Женщины обычно продают изделия торговцам ([рис. 1](#) и [2](#)), но никогда не отправляются в экспедиции к санта-ана и хемес.

Рис. 1. Женщины сиа по дороге к торговцу, чтобы продать керамику.

Каждый год, незадолго до сбора урожая, наступает период, когда их индейские соседи больше не нуждаются в керамике, и сиа вынуждены распределять свою еду настолько ограниченными порциями, что старики остаются голодными, чтобы накормить детей. Когда грозит голод, никто не думает о детях клана, а глава каждого домохозяйства заботится только о своих близких, и к страданиям соседей проявляется явное безразличие. Когда их спрашивают, они отвечают: «Мы сочувствуем нашим братьям и сестрам, но у нас не хватает даже на своих». Таким образом, в крайних ситуациях природа берет верх в ближайших кровных узах, и «клан» становится второстепенным. В такие моменты нет выражений недовольства и попыток со стороны более сильных воспользоваться более слабыми. Выражение лиц мужчин меняется на стоическое смирение, а лица женщин бледнеют при мысли, что для того, чтобы накормить своих детей, они сами должны быть накормлены. И все же, согласно их кодексу гостеприимства, гостям всегда предлагают еду, пока остается хоть кусочек.

СЕСТРЫ; САМЫЕ УМНЫЕ ХУДОЖНИКИ В КЕРАМИКЕ В СИИ.

Эти стоические и терпеливые люди так похожи на детей, что слезы печали быстро рассеиваются под лучами солнца успеха. Когда их урожай собран, они устраивают праздник в честь святых, когда индейцы из ближних и дальних мест (даже несколько недружелюбных индейцев, чье присутствие не приветствуется) объедаются за их столом. Эти публичные танцы и праздники благодарения в честь их покровителя, которые проводятся после сбора урожая во всех пуэбло Рио-Гранде, представляют собой странную смесь языческой и

христианской религий. Священник из Рио-Гранде обязан своим успехом в поддержании определенного влияния на этих людей с момента присоединения Нью-Мексико к Соединенным Штатам тем, что не вмешивается во внедрение их форм и танцев в богослужение, которому учит церковь. Таким образом, индейцы Рио-Гранде являются заведомо католиками; но тот факт, что эти индейцы и индейцы миссий Калифорнии сохранили свои религии, признавая, что они были в той или иной степени подвержены влиянию католицизма, и проводят свои церемонии в тайне, практикуя свои оккультные силы до настоящего времени, под пристальным вниманием церкви, свидетельствует не только об упорстве, с которым они держатся за свои древние обычаи, но и об их хитрости в поддержании полной изоляции.

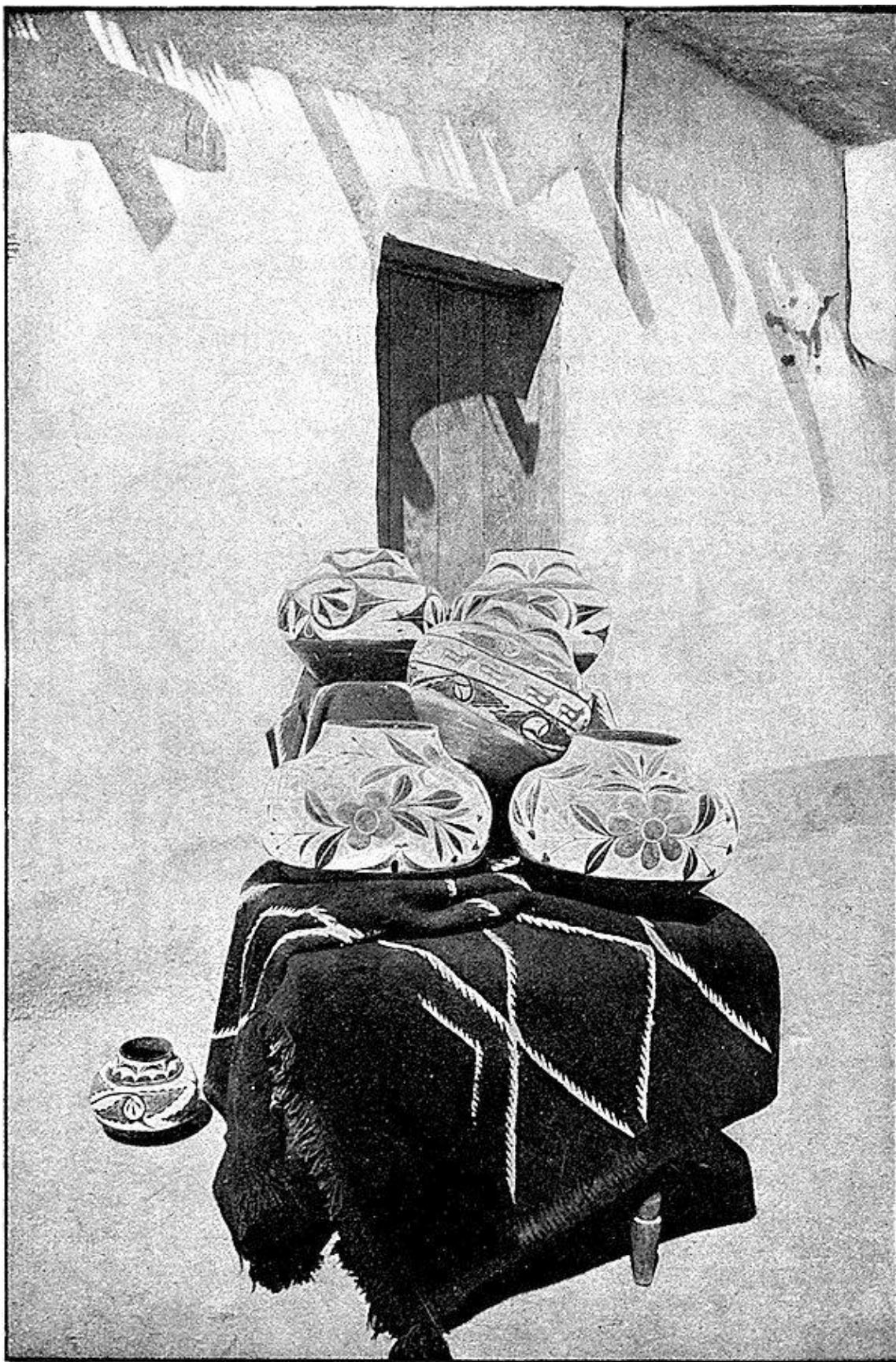
Рис. 2. Женщины племени сия возвращаются от торговца с мукой и кукурузой, обмененными на керамику.

Когда майор Пауэлл посетил Тусаян в 1870 году, индейцы приняли его с заметной доброжелательностью и разрешили ему присутствовать на тайных церемониях их культа «». Автор считает, что он был первым и единственным белым человеком, которому индейцы пуэбло предоставили эту привилегию до экспедиции в Зуни в 1879 году, организованной г-ном Стивенсоном из Бюро этнологии.

Автор сопровождал г-на Стивенсона в этой поездке и во время его последующих исследований среди пуэбло Зуни, Тусаян и Рио-Гранде. И всякий раз, когда пребывание было достаточно долгим, чтобы познакомиться с людьми, удавалось завоевать доверие священнослужителей и теургов, и после этого примирения все попытки присутствовать на самых тайных и священных обрядах, соблюдаемых и практикуемых этими индейцами, увенчивались успехом. Их социология и религия настолько тесно переплетены, что изучение одной из них невозможно без изучения другой, а ритуал начинается с рождения и заканчивается со смертью.

Хотя религия индейцев Рио-Гранде свидетельствует о контакте с католицизмом, на самом деле они так же не католические, как и до испанского завоевания. Однако их окружение европейской цивилизацией юго-запада медленно, но верно влияет на изменение их каббалистических обрядов. Например, пуэбло Лагуна было настолько обеспокоено прохождением Атлантической и Тихоокеанской железных дорог мимо его деревни, что сначала одна, а затем и другая семьи задержались в ранчо, не желая возвращаться в свой общинный дом, где они должны были соприкасаться с ненавистными нововведениями на своей земле; поэтому были сделаны пристройки, чтобы сделать летний дом более комфортным для зимы, и через некоторое время более прочное сооружение заменило временное жилище, и общинное жилище посещалось редко, за исключением случаев, когда это было необходимо для соблюдения религиозных обрядов. Некоторые из этих домов находились довольно далеко от деревни, и мужчины, постепенно увеличив свой скот, считали необходимым постоянно следить за ним, чтобы защитить его от уничтожения железной дорогой и руками ковбоев; и поэтому сначала один, а затем и другой из молодых мужчин рискнули пропустить церемонию, чтобы разыскать несколько заблудившихся голов скота, пока старики не закричали в ужасе, что их дети забывают религию своих предков.

Автор знал только об одном подобном правонарушителе среди зуни, когда она была там в 1886 году. Сын одного из самых фанатичных священников в деревне так сильно захотел заполучить американскую повозку и был настолько поглощен уходом за своим скотом с целью накопить средства на покупку повозки, что осмелился пропустить важнейшую и священную церемонию, несмотря на распространенное поверье, что за такое кощунство преступник должен умереть в течение четырех дней. Отец осудил его в самых резких выражениях, заявив, что он больше не является его сыном. И этот человек сказал писателю по возвращении в деревню, «что он боялся, потому что не пришел, и думал, что умрет в течение четырех дней, но часть его скота заблудилась, и он боялся ковбоя». Четвертый день прошел, а человек все еще был жив, и пелена спала с его глаз. С тех пор он пренебрегал своими религиозными обязанностями в своем стремлении накопить богатство.

ГРУППА ВАЗ СИА.

Таким образом, железная дорога, купцы и ковбои, не преследуя этой цели, вызывают изменения, которые постепенно, лист за листом, закрывают историю религиозных верований и обрядов индейцев пуэбло. У сиа эта история закрывается быстрее, но по другой

причине. Это не связано с христианизацией этих индейцев, поскольку среди них нет протестантизма, и, хотя они и исповедуют католицизм, они ждут только отъезда священника, чтобы вернуться к своим тайным обрядам. Католический священник крестит младенца, но ребенок уже прошел обряд крещения своих предков. Католический священник венчает помолвленных, но они уже были соединены в браке в соответствии с обрядами своих предков. Римский священник проводит мессу, чтобы умершие могли попасть в рай, но молитвы уже были вознесены, чтобы душа была принята Сус-сис-тин-на-ко (их создателем) в нижний мир, откуда она пришла. В целом эти люди преданны своей религии и ее обрядам, но, за редким исключением, они выполняют свои ритуалы, имея лишь смутное представление об их происхождении или значении. Каждая тень на циферблате приближает конец жизни тех, в чьих умах традиции, мифология и фольклор запечатлены так же неизгладимо, как пиктограммы и монохромные рисунки на скалистых стенах.

Пожилой теург, чьи знания были неоспоримы, он фактически считался их оракулом ([Pl. v](#)), скончался летом 1890 года. Велики были причитания по поводу того, что хранитель их традиций уснул, а вместе с ним уснуло многое из того, что они никогда больше не услышат. Сейчас осталось только пять человек, от которых можно получить какую-либо связную информацию об их космогонии и мифологии, и они уже не молоды. Двое из этих людей не являются уроженцами Сиа, но были приняты в племя в детском возрасте. Один из них — тусаянец, другой — индеец из Сан-Фелипе. Первый из них — нынешний губернатор, любезный, смелый и решительный человек, который, сожалея о том, что его народ не понимает американскую цивилизацию, уступает только оракулу в знании преданий Сиа. Индеец из Сан-Фелипе — человек похожий, и если бы в Сиа было еще несколько таких людей, у этого пуэбло еще было бы будущее.

Хотя мифология и культовые обряды в каждом пуэбло различаются, между ними все же существует поразительное сходство, причем зуни и тусаянцы предоставляют этнографам более богатую почву для исследования, поскольку их религия и социология практически не подвержены католическому влиянию.

Индийский чиновник обладает настолько проницательным, дипломатичным, хитрым и сдержанным характером, что только благодаря самым дружеским отношениям и длительному пребыванию можно что-то узнать о мифах, легендах и обрядах, которые так прочно проникли в жизнь этих людей и которые они так ревностно охраняют.

Теурги из нескольких культовых обществ, узнав, что цель второго визита писательницы в Сиа была аналогична цели предыдущего, любезно приняли ее на своих церемониях, раскрыв секреты, более ценные для них, чем сама жизнь. Когда они не могли предоставить ту информацию, которую она искала, они приводили своего оракула (пожилого теурга), чье старое морщинистое лицо просветлялось от умного интереса, когда он без колебаний рассказывал то, о чем его просили.

Форма правления всех пуэбло практически одинакова: это гражданские организации, разделенные на несколько департаментов, каждый из которых имеет своего официального руководителя.

В Сиа (как и в других пуэбло) тиамони, в силу своего священнического сана, является ех *officio* главой исполнительной и законодательной власти; воинский жрец (он и его викарий являются земными представителями близнецов-военных героев) имеет непосредственный контроль и руководство над военными и племенными охотами. Тайные культовые общества, касающиеся отношений индейцев с антропоморфными и зооморфными существами, контролируются каждым конкретным теургом. Военный вождь, местный

губернатор и магистрат, а также ти'амони и теурги имеют по викарию, который помогает им в выполнении официальных и религиозных обязанностей.

В то время как жречество зуни, отвечающее за дождь, состоит из нескольких жрецов и жрицы, причем жрец севера является верховным правителем, у сиа есть только один такой жрец. У зуни верховный правитель занимает свою должность по материнской линии, а у сиа это пожизненная должность. Тиамони сиа выбирается поочередно из трех кланов — кукурузного, койота и какого-то вида тростника. Хотя первый жрец был выбран матерью Утсет, которая распорядилась, чтобы эту должность всегда занимал член клана кукурузы, со временем он вызвал недовольство своими действиями по отношению к младенцам (см. космогония), и после его смерти народ решил выбрать тиамони из клана койотов, но он оказался недобросердечным, и люди облаков отказались посылать дождь, и земля стала сухой. Третий был назначен из клана тростника, но он тоже вызвал критику, и сиа решили, что будут подчиняться приказу своей матери Утсет, и вернулись к клану кукурузы, выбрав своего четвертого тиамони, но его правление принесло разочарование. Следующий правитель был выбран из клана койотов и оказался более удовлетворительным; но народ, решив, что лучше не ограничивать выбор своего тиамони одним кланом, назначил шестого из клана тростников, и с тех пор эта должность поочередно занималась представителями кланов кукурузы, койотов и тростников, пока последний не вымер. Нынешний клан тиамони — койотов, а его викария — кукурузы. Их будущие назначения будут обязательно происходить из этих двух кланов, так как практически они сократились до этих двух.

Тиамони и викарий назначаются двумя воинскими жрецами, викарий наследует должность тиамони.

Нынешний тиамони вступил в должность, не заполнив подчиненную должность, поскольку его предшественник, очень пожилой человек, и викарий, также лет, умерли примерно в одно и то же время. Когда выбор младшего брата или викария сделан, викарий военного жреца приглашает нового правителя, который сопровождает его в дом назначенного на должность викария тиамони. Младший военный священник, за которым следует избранный ти'амони, идущий перед викарием, направляется в родовую официальную комнату ти'амони, где собрались старший военный священник, теурги из нескольких культовых обществ со своими викариями, чтобы присутствовать на вступлении ти'амони в должность. Военный священник встает, чтобы встретить группу, и, с ти'амони непосредственно перед собой, говорит: «Этот человек теперь наш священник; он теперь наш отец и наша мать на все времена»; а затем, обращаясь к ти'амони, он продолжает: «Ты больше не должен работать в полях или приносить дрова, теурги культа и все твои другие дети будут трудиться для тебя, наш ти'амони, на все грядущие годы; ты не должен работать, но быть для нас как наш отец и наша мать». «Хорошо! Хорошо!» — повторяют теурги. Затем воинский жрец вручает тиамони знак его должности — тонкий посох, загнутый на конце, который, как полагают, является тем же самым, что был вручен первому правителю матерью Утсет — загнутый конец символизирует долголетие. Получив посох, ти'амони вдыхает из него священное дыхание, а воинский жрец обнимает его и сыплет посох мукой, молясь о том, чтобы мысли и сердце Ут'сет были переданы от посоха новоизбранному правителю (Ут'сет, подарив этот посох первому ти'амони этого мира, передала ему все свои мысли и свое сердце), и теперь он тоже вдыхает из посоха священное дыхание. Теурги поднимаются все вместе, каждый из них обнимает ти'амони и сыплет посох мукой, одновременно вдыхая из него священное дыхание. Затем гражданские власти, а затем и народ, включая женщин и детей, повторяют объятия, посыпание мукой и вдыхание священного дыхания.

ОРАКУЛ.

На следующий день все жители пуэбло, включая детей, собирают дрова для тиамони и складывают их рядом с его жилищем.

Сья очень огорчены тем, что их нынешний тиамони (который является молодым человеком) участвует в охоте, работает в полях и всегда готов присоединиться к прогулке по холмам. Это не соответствует племенным обычаям; ти'амони может контролировать свои стада и поля, но его ум должен быть поглощен религией и интересами своего народа, и он никогда не покидает свою деревню, за исключением паломничества к святыням или другим меккам. Этот молодой правитель — тщеславный человек, мало заботящийся о благосостоянии своего народа, но он очень щепетилен в своих требованиях по поводу почестей, которые ему полагаются.

Теурги занимают свою должность пожизненно, каждый викарий наследует функции своего теургиста, который, в свою очередь, с одобрения тиамони назначает члена, которого он считает наиболее подходящим для заполнения должности викария.

Для отбора гражданских и подчиненных военных чиновников тиамони () встречается со своим викарием, а также с военачальником и викарием в официальной палате тиамони в декабре месяце, чтобы обсудить несколько назначений, которые должны быть сделаны: военачальника и его помощника, губернатора и вице-губернатора, магистрата и его заместителя. После того, как имена определены, теурги из тайных культовых обществ получают уведомление и присоединяются к тиамони и его соратникам, когда им сообщают о решении и просят их согласия. Оно всегда дается, поскольку консультация с теургами является лишь вопросом вежливости. Затем собирается народ, и объявляются имена новых назначенцев. Эти назначения являются ежегодными; однако одна и та же партия может занимать должности любое количество сроков.

Рис. 3 — Нищий.

Военный вождь выполняет второстепенные обязанности, которые в противном случае возлагались бы на военного жреца. В обязанности военного вождя входит патрулирование города во время собраний культовых обществ и окружение деревни конными стражниками во время танца Ка'-^tсу-на. Мексиканец, в частности, не должен смотреть на одно из этих антропоморфных существ. Военный вождь также руководит охотой под руководством военного жреца и викария. Он не обязан участвовать в охоте; его викарий, как его представитель или другое его «я», может возглавлять охотников. Губернатор следит за исполнением гражданских законов, занимаясь более важными делами и оставляя мелкие дела в руках магистрата. Он назначает обязанности своего народа на предстоящий день, выкрикивая свои приказы на площади на закате солнца.

Волшебники и ведьмы судятся и наказываются военачальником; и всего несколько лет назад мужчина и его жена были казнены за занятие этим дьявольским ремеслом. Их ребенок, мальчик лет двенадцати ([рис. 3](#)), является нищим, который иногда просит милостыню от двери к двери, а иногда его принимают в какую-нибудь семью и используют,

пока они не устают от раздачи милостыни. Наблюдения автора привели ее к выводу, что мальчик зарабатывал все, что получал. В социальном плане он презирается старшими, но, похоже, пользуется популярностью у детей, хотя этому несчастному редко позволяют наслаждаться детскими забавами. Тем не менее, он является членом одного из самых важных культовых обществ (нож), принадлежащего к нескольким его подразделениям.

Кланы (há-notc), существующие сейчас среди этих людей, - это

Я-ка	Кукурузные
Шурты-йп-па	Койот
Та-се,	Кабачки
Ха-ми	Табак
Ко-хай,	Медведь
Ти-а-ми,	Орел

Есть только один член клана орла, один - медведя и один - клана сквоша, и эти люди преклонных лет. Есть еще один член клана сквош, но он тусайец по происхождению. Единственные кланы, которые хорошо представлены численно, - это корн и койот. В табачном клане есть только одна семья.

Следующие кланы являются вымершими:

Ши-Кё	Звезда
Та-вак	Луна
О-шарц	Солнце
Танье	Олень
Курц	Антилопа
Мо-кайтик	Пума
Хан-на-ти	Облако
Шутаа	Журавль
Ха-пан-ни	Дуб
Ха-кан-ни	Огонь
Ша-ви-ти	Попугай
Вапон	Бусина из белой раковины
Цзы-и	Муравей
Кактус	из

Автору не удалось узнать, что когда-либо существовал более двадцати одного клана, и хотя в настоящее время в таблице указано шесть, из заявления видно, что фактически их всего два.

Вступление в брак с членом клана любого из родителей противоречит старому закону; но в настоящее время Sia ничего не остается, как нарушать эти законы, если они хотят сохранить остатки своего народа, и хотя на такие браки смотрят с неодобрением, это “неизбежно”. Старшие ревниво следят за молодыми людьми, чтобы они не искали невест среди других племен, и хотя красота девушек племени Сиа признана другими народами пуэбло, их редко ищут в браке, поскольку, согласно племенному обычаю, муж живет с женой; и мало что привлекает более прогрессивных индейцев из других пуэбло в Сиа, где стремление увековечить истощенную расу заставляет Сиа радоваться каждому рождению, особенно если это ребенок женского пола, независимо от того, законнорожденный ребенок или нет.

Когда девочка достигает половой зрелости, она сообщает об этом своей матери, которая приглашает женщин своего клана к себе домой, где устраивается неформальное застолье. Гости поздравляют девушку с достижением состояния женственности и говорят ей: “Пока ты как ребенок, но скоро ты соединишься с компаньоном и поможешь приумножить свой народ”. Единственный присутствующий мужчина - отец девочки. Однако новость вскоре разносится по деревне, и вскоре матери делают предложения о привилегии сексуальных отношений с девочкой. Первые предложения, как правило, отклоняются, мать отдает свою дочь-девственницу тому, кто предложит самую высокую цену. Это не обязательно предложения руки и сердца, чаще всего они носят иной характер и часто делаются женатыми мужчинами.

Хотя Sia являются моногамистами, как женатым, так и незамужним свойственно жить беспорядочно друг с другом; муж так же любит детей своей жены, как если бы он был уверен в их происхождении по отцовской линии. Однако то, что у этих людей есть своя доля скрытой ревности, очевидно из секретности, соблюдаемой женатым мужчиной или женщиной, чтобы предотвратить гнев супруга. Родители так же любят внебрачных отпрысков своих дочерей и так же гордятся ими, как если бы они были рождены в законном браке; и мужчина, который женится на женщине, имеющей одного или нескольких внебрачных детей, очевидно, испытывает к этим детям такую же привязанность, как и к тем, которых ему рождает жена.

Некоторые женщины рассказывают о своих отношениях такого характера с такой же гордостью, с какой цивилизованная красавица делала бы свои честные предложения руки и сердца. Одна из самых привлекательных женщин Сиа, хотя теперь и бабушка, однажды сказала писателю:

В молодости я была хорошенькой и привлекательной, а когда я стала женщиной, моей матери было сделано много предложений относительно меня (однако она не имела в виду замужество), но моя мать, зная о моей привлекательности, отказала нескольким, и первый мужчина, с которым я жила, был самым богатым человеком в пуэбло. До замужества я жила всего с тремя мужчинами, один из которых был нынешним губернатором деревни; мой старший ребенок - его дочь, и он очень высокого мнения о ней. Он часто делает ей подарки, и она всегда обращается к нему как к отцу, когда его жены нет рядом. Его жена, на которой он женился вскоре после того, как я прекратила с ним отношения, не знает, что ее муж когда-то жил со мной.

Эта женщина добавила в качестве доказательства своей великой преданности мужу, что с момента замужества она не жила ни с одним другим мужчиной.

Эти свободные брачные обычаи, несомненно, проистекают из того факта, что Сиа сейчас малочисленны и желательно их увеличение, и что, поскольку многие кланы в настоящее время вымерли, невозможно вступать в смешанные браки в соответствии с древними правилами.

Сиа не являются исключением из числа всех североамериканских аборигенов, с которыми знаком автор, поскольку мужчина является активной стороной в супружеских устремлениях. Если женщина ранее не была замужем и молода, мужчина разговаривает с ее родителями, прежде чем выразить девушке свое восхищение. Если его желание находит одобрение, на следующий день он сообщает девушке о своем желании для нее. Девушка обычно отвечает утвердительно, если такова воля ее родителей. На подготовку к свадьбе уходит около двух месяцев. Мокасины, одеяла, платье, пояс и другие предметы гардероба готовятся женихом и кланами его родителей по отцовской и материнской линии. Клань отца и матери девушки тщательно готовится к пиршеству, которое происходит после свадьбы. Жених идет один в дом девушки в сопровождении родителей и несет свои подарки, завернутые в одеяло. Мать девушки сидит справа от нее, а справа от этого родителя сидит мать жениха; слева от девушки есть место для жениха, а за ним сидит отец жениха, а рядом с ним отец девушки. Когда жених входит в комнату, девушка выходит ему навстречу и принимает сверток; затем ее мать выходит вперед и, взяв сверток, относит его в какую-нибудь часть той же комнаты, когда девушка возвращается на свое место, а жених садится рядом с ней. Отец девочки заговаривает первым и говорит паре: "Теперь вы должны быть как одно целое, ваши сердца должны быть как одно сердце, вы не должны говорить плохих слов, и каждый должен жить ради другого; и помните, теперь ваши два сердца должны быть как одно сердце". Затем отец жениха повторяет примерно то же самое, затем по очереди говорят мать девушки и мать жениха. После бракосочетания, которое является строго частным, все приглашенные гости собираются и наслаждаются застольем, изысканность которого зависит от богатства и известности семьи.

Рис. 4.—Разбивание земли под тентом.

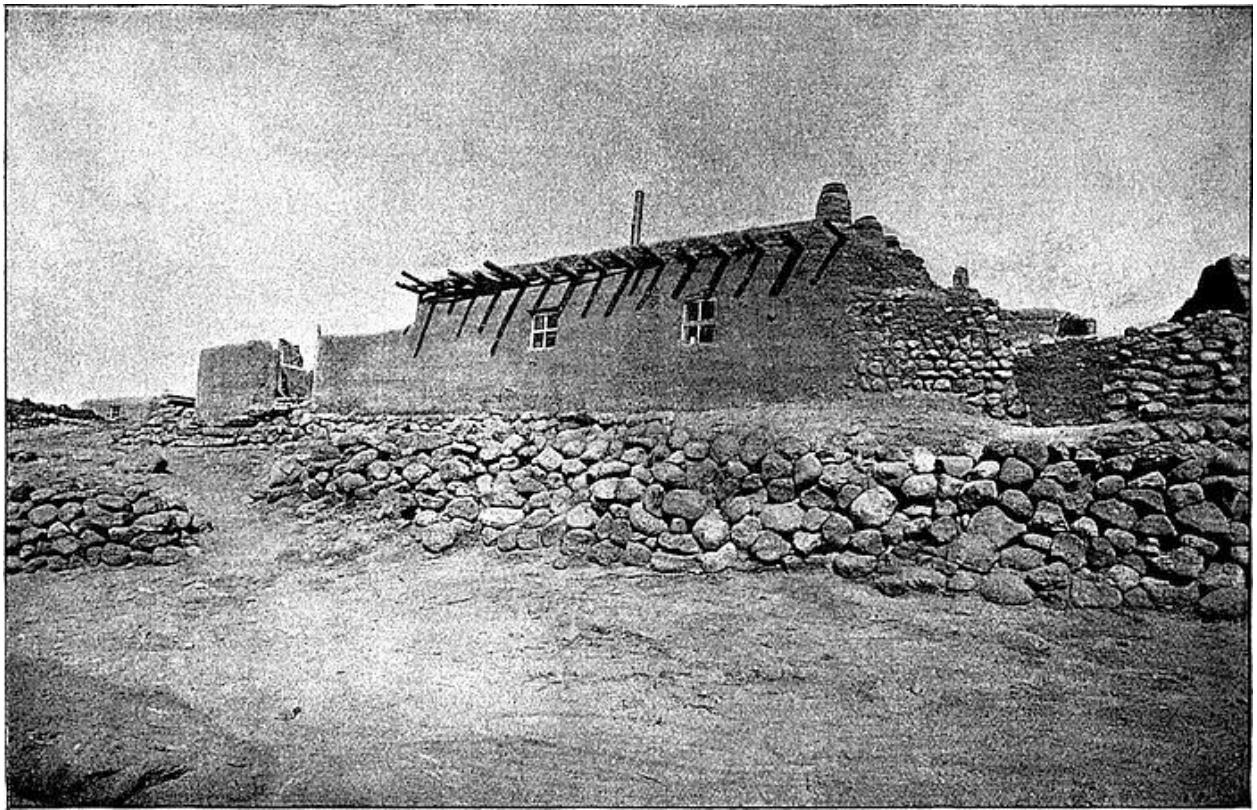
Племенной обычай требует, чтобы жених жил с семьей своей жены, пара спала в общей гостиной с остальными членами семьи; но у более прогрессивных пуэбло и в ограниченной степени у Сиа муж, если сможет, через некоторое время предоставляет дом для своей семьи.

Сиа в целом носят традиционную одежду пуэбло. Волосы женщин зачесаны на брови, а боковые пряди подстрижены ровно до середины щеки. Волосы на затылке оставлены длинными и собраны в пучок, хотя некоторые женщины помоложе в настоящее время переняли мексиканский способ разделять волосы на затылке, скрещивать их петлей на шее и обматывать пряжей. Мужчины стригут волосы одинаково по линии бровей, их боковые пряди подводятся к центру подбородка и подстригаются, а волосы сзади укладываются так же, как у женщин.

Рис. 5.— Женщины и девушки, несущие глину.

Дети - трудолюбивые и терпеливые маленькие создания, мальчики помогают своим старшим в ведении сельского хозяйства и пастушеских занятиях, а девочки выполняют свою долю домашних обязанностей. Отличительной чертой их характера является любящая доброта и забота о младших братьях и сестрах. У каждой маленькой девочки есть своя ваза с водой, как только она становится достаточно взрослой, чтобы сопровождать свою мать на реку в качестве помощницы водоноса, и, таким образом, они начинают в очень раннем возрасте водружать вазу по египетскому обычаю себе на голову.

КАМЕННЫЙ ДОМ, СНАРУЖИ ВИДНА ШТУКАТУРКА.

В жизни пуэбло нет занятия, которое, по-видимому, так нравилось бы женщинам и детям, как строительство домов. (Рис. 5.) Выполнять большую часть этой работы - прерогатива женщины. (Рис. 6.) Мужчины изготавливают саманные кирпичи, когда их нужно использовать. В Сиа дома представляют собой саман и небольшие котлованы, собранные из руин, среди которых они живут. Лишь изредка строятся новые дома. Старые дома реконструированы, и они всегда гладко оштукатурены снаружи и внутри, так что нет никаких признаков каменной стены. (Pl. VI.) Мужчины выполняют всю плотницкую работу, и Sia удивительно искусны в этой области машиностроения, учитывая их грубые инструменты и полное отсутствие иностранного обучения. Они также укладывают тяжелые балки и иногда помогают в других работах по строительству. Когда стало известно, что писательница пожелала, чтобы земля затвердела под ее палатками и перед ними, все женское население явилось в лагерь готовым к работе, и в течение нескольких дней ветры разносили над равниной веселую болтовню и смех молодых и старых.

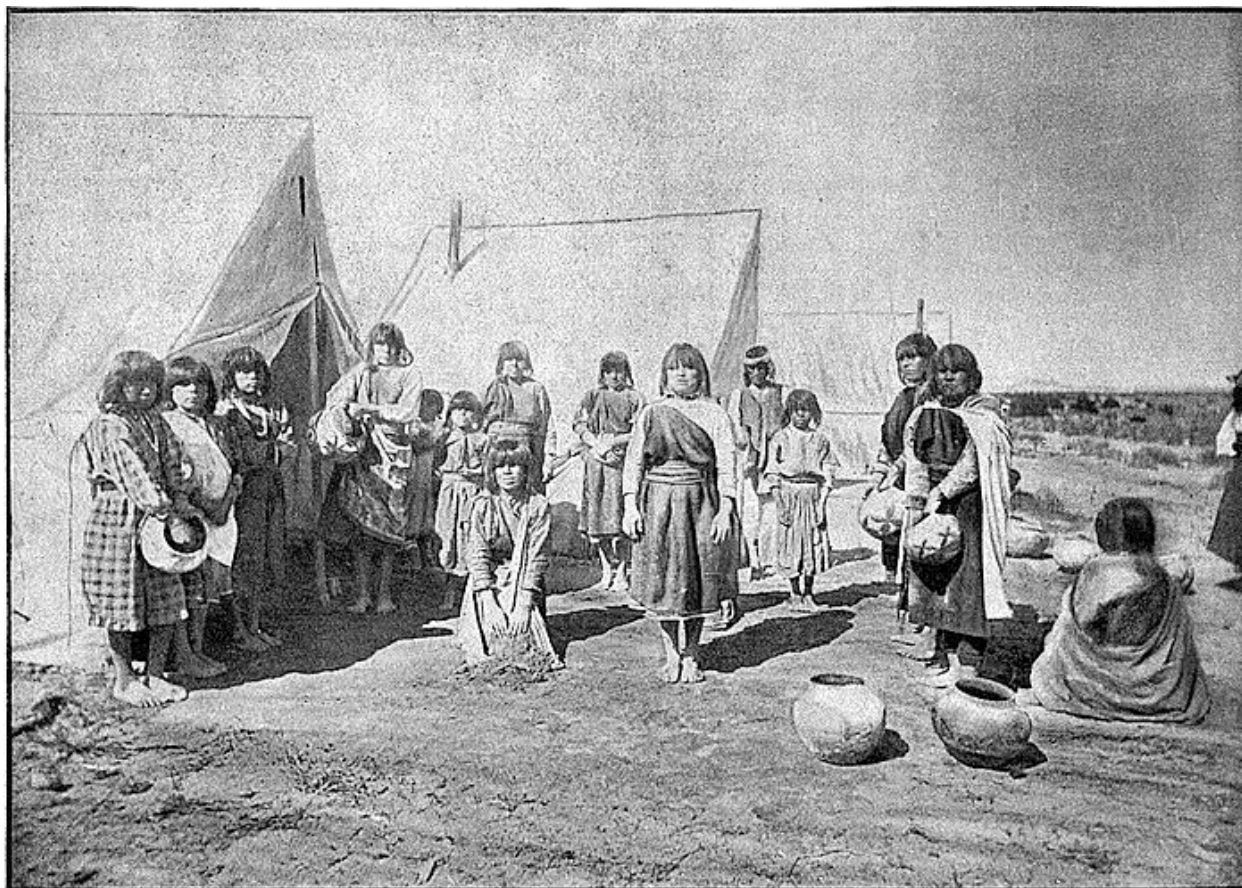

Рис. 6.— Женщины и девушки, несущие глину.

Процесс укладки полов в палатках был таким же, как в Sia при устройстве полов в своих домах. Мотыгой вскапывают землю примерно на восемь дюймов в глубину и разрыхляют все камни, которые могут быть найдены (рис. 4). Затем камни убираются, и чужеродную землю, своего рода глину, девочки приносят на спине в одеялах или квадратных кусках ситца, которые свисают с их плеч (рис. 5 и 6) и укладывают поверх обработанного грунта (рис. 7). Мотыгой снова смешивают глину со свежеразрытой землей (рис. 8); после этого пространство зачищают щетками и посыпают (рис. 9), пока земля не пропитается на глубину нескольких дюймов. При выравнивании пола соблюдается особая осторожность (рис. 10), и кое-где приходится добавлять дополнительное количество глины. Затем начинается процесс штамповки (рис. 11). Когда пол становится настолько гладким, насколько это возможно сделать штамповкой (стр. VII), в дело вступают молотки, у каждого из которых камень плоский с одной стороны и гладкий, как полировальный камень. (Pl. VIII.) Многие подобные образцы были найдены в руинах на юго-западе. По завершении этой работы полу дают частично высохнуть, когда штукатурку из той же глины (рис. 12), которая долго и тщательно обрабатывалась, вручную распределяют по полу, и после завершения работы все выглядит таким же гладким, как цементный пол, но он не такой прочный, такие полы требуют частого ремонта. Однако пол можно улучшить, покрыв говяжьей или козьей кровью, и этот процесс обычно применяется в домах (рис. 13), когда малыши наблюдают за работой старших внутри палатки.

Рис. 7. Нанесение глины.

ШТАМПОВЩИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Стадами овец владеют только двое мужчин, но несколько единиц крупного рогатого скота находятся в индивидуальной собственности многих Sia.

Скот пасется не коллективно, а каждым отдельным владельцем. Иногда мальчики из разных семей собираются вместе, чтобы пасти свой скот, но деревенские власти не обращают на это никакого внимания, пока к нему не пристают посторонние.

Sia владеет примерно 150 лошадьми, но редко или вообще никогда не использует их в качестве вьючных животных. Всю неделю их держат на пастбище, и каждую субботу военный вождь определяет шесть домов, в которых должны быть пастухи для облавы. Если у главы дома есть сын достаточно крупного роста, сын может быть отправлен вместо него. Только такие дома выбираются в качестве собственных лошадей. Пастухи отправляются в путь в субботу утром; их возвращение зависит от успеха в отлове животных, но обычно они возвращаются в воскресенье утром.

Рис. 8.— Смешивание глины со свежерасколотой землей.

Обнаружив приближение пастухов и лошадей, многие женщины и дети, слишком нетерпеливые, чтобы ждать, когда их соберут в загоне, спешат в долину, чтобы присоединиться к кавалькаде, и, добравшись до отряда, сразу же бросаются за древесными крысами (*неотомами*), которые свисают с шей лошадей и жеребят. Мужчины деревни тоже очень взволнованы, но они могут и не участвовать в веселье. С того момента, как пастухи покидают деревню, и до своего возвращения они находятся в поисках *неотомы*, которая, должно быть, очень многочисленна, судя по количеству, собранному во время этих поездок. Крысы подвешены на ленте из юкки, обвязанной вокруг шеи животных. Волнение усиливается по мере того, как лошади взбираются на холм; а после входа в загон оно достигает высшей точки, и женщины и дети бегают среди лошадей, совершенно не боясь возбужденных животных, в своих попытках сорвать крыс с их шей. Многие спасаются бегством, но один из них редко бывает ранен. Женщины бросают аркан, некоторые из них довольно искусны, и, подогнав лошадей поближе к ним, вытаскивают крыс из их шей. Численный состав подводит, но всегда находятся избранные, которые с триумфом покидают загон с таким количеством крыс, сколько могут унести их две руки. С крыс снимают шкуру, запекают в жире и употребляют в пищу как отличный деликатес.

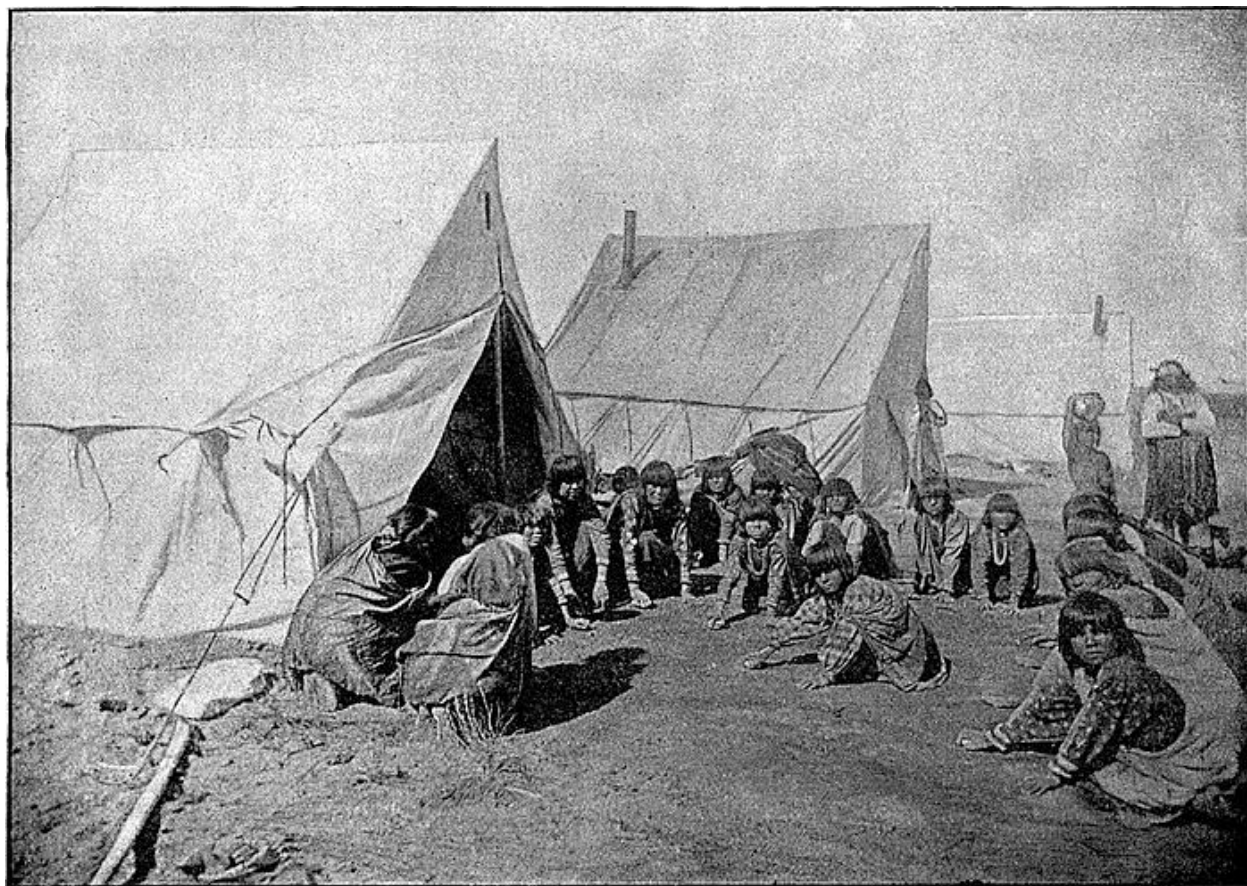

Рис. 9.— Женщины, посыпаящие землю.

КОСМОГОНИЯ.

У Сиа сложная космогония, сильно окрашенная героическими подвигами мифических существ. То, что автор здесь представляет, - это просто ядро их веры, из которого вырастает бесконечное количество историй, в которых объясняется каждое явление природы, известное этим людям. Переживаниям каждого мифического существа, упомянутого в космогонии, можно было бы посвятить целые главы.

Вначале в нижнем мире было только одно существо, Сусси-Иннакоа, паук. В то время не было других животных, птиц, рептилий или какого-либо другого живого существа, кроме паука. Он провел линию муки с севера на юг и пересек ее посередине с востока на запад; и он поместил два маленьких свертка к северу от линии пересечения, по одному с каждой стороны линии, идущей на север и юг. Эти посылки были очень ценными, но люди по сей день не знают, из чего они состояли; никто никогда не знал, кроме творца, Суссестиннакоа. Расставив свертки по местам, Суссестиннакоэ сел на западной стороне линии, идущей с севера на юг, и к югу от линии пересечения, и начал петь, и вскоре два свертка сопровождали его песню, покачиваясь, как погремушки. Музыка была тихой и приятной, и через некоторое время появились две женщины, по одной из каждой посылки; и через короткое время вокруг начали ходить люди; затем появились животные, птицы и все одушевленные предметы, и Суссестиннакоэ продолжал петь, пока его творение не было завершено, когда он был очень счастлив и доволен. Там было много людей, и они держались поближе друг к другу и почти не ходили, боясь наступить друг на друга; не было света, и они ничего не могли видеть. Две женщины, созданные первыми, были матерями всех; одну, созданную на восточной стороне линии трапезы, Суссестинако называли Ūt[]сат, и она была матерью всех индейцев; другую он назвал Now[]tstsět, она была матерью других народов. Суссестиньяко разделил людей на кланы, сказав некоторым из них: "Вы из клана кукурузы, и вы первый из всех"; а другим он сказал: "Вы принадлежите к народу койотов, медведей, орлов" и так далее.

ФУНТОВЫЕ МАШИНЫ ЗАВЕРШАЮТ РАБОТУ.

Рис. 10.—Процесс выравнивания.

После того, как Суссестиннакоэ почти довел до совершенства свое творение для Хаартса (земли), он подумал, что было бы неплохо иметь дождь, чтобы поливать землю, и поэтому он создал людей облаков, молний, грома и радуги, чтобы они работали на народ Хаартса. Это второе творение было разделено на шесть частей, по одной из которых было отправлено в каждую из сторон света, а также в зенит и надир, каждая часть обосновалась в источнике в сердце огромной горы, на вершине которой росло гигантское дерево. Ша-ка-ка (ель) росла на горе на севере; Шви-ти-ра-ва-на (сосна) - на горе на западе; Май-чи—на (дуб) —*Quercus undulata*, разновидность Gambelii - на горе на юге; Шви-си-ни-ха-на-ве (осина) - на горе на востоке; марш-ти-тя-мо (кедр) - на горе в зените, а Мор-ри-тя-на (дуб), разновидность остролистный, на горе надир. В то время как у каждого подразделения был свой дом в источнике, Суссестиннакоэ отдал этим людям Ти-ни-а, срединную равнину мира (мир был разделен на три части: Хаартс, земля; Тиния, срединная равнина, и Ху-ва-ка, верхняя равнина), не только как поле для работы на благо народа Хаартса, но и как место их развлечений.

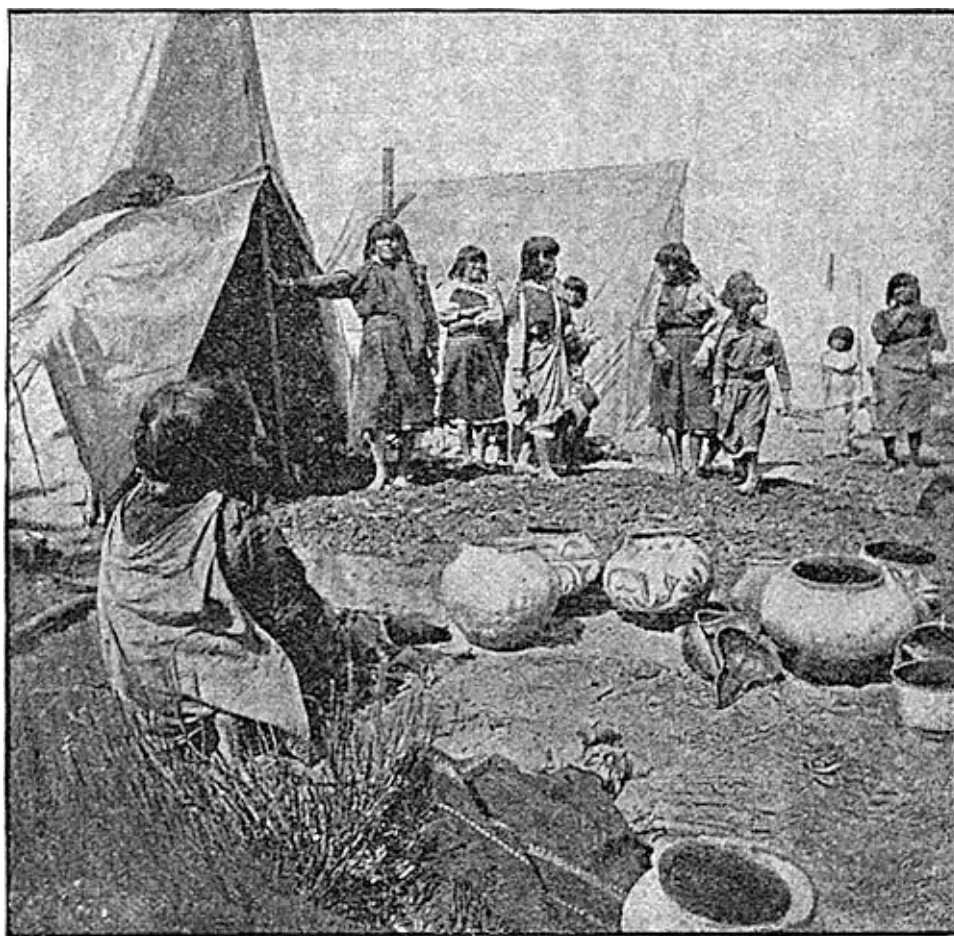

Рис. 11.—Начало работы штампов.

Не желая, чтобы это второе творение было замечено жителями Хаартса, когда они будут пролетать над Тинией, он приказал Sia закурить, чтобы облака могли подняться и послужить масками, защищающими жителей Тинии от взглядов жителей Хаартса.

Жители Хаартса строили себе дома, выкапывая ямы в камнях и земле. Они не могли строить дома так, как делают сейчас, потому что не могли видеть. Через короткое время две матери, Юцат и Новутсат (последняя была старше и крупнее, но у первой были лучшие ум и сердце), которые жили на севере, отправились в читу (устье реки) и много разговаривали друг с другом, и они решили, что сотворят свет, и сказали: "Теперь мы сотворим свет, чтобы наши люди могли видеть; мы не можем сейчас сказать людям, но завтра будет хороший

день, и послезавтра тоже будет хороший день” - имея в виду, что их мысли были о другом. хорошо, и они говорили на одном языке, и что их будущее будет светлым, и они добавили: “Сейчас все покрыто тьмой, но через некоторое время у нас будет свет”. Эти две женщины, вдохновленные SûSsîStinnako, создали солнце из белой ракушки, тюрков, красного камня и ракушки морского ушка. Сотворив солнце, они отнесли его на восток и там разбили лагерь, так как там не было домов. На следующее утро они взошли на высокую гору и опустили солнце за нее, и через некоторое время оно начало подниматься, и когда люди увидели свет, их сердца возрадовались. Когда он был далеко, его лицо было голубым; по мере того как он приближался, оно становилось все ярче. Они, однако, видели не само солнце, а маску, такую большую, что она закрывала все его тело. Люди увидели, что мир велик, а страна прекрасна, и когда женщины вернулись в деревню, они сказали людям: “Мы матери для всех”.

Рис. 12—Замешивание глины для штукатурки.

Хотя солнце освещало мир днем, оно не давало света ночью, когда возвращалось в свой дом на западе; и поэтому две матери создали луну из слегка черного камня, множества разновидностей желтого камня, тюркиса и красного камня, чтобы мир мог быть освещен ночью, и чтобы луна могла быть спутницей и братом солнца; но луна путешествовала медленно и не всегда давала свет, и поэтому они создали звездных людей и сделали их глаза из прекрасного сверкающего белого хрусталя, чтобы они могли мерцать и освещать мир ночью. спокойной ночи. Когда звездные люди жили в нижнем мире, они были собраны в группы, которые были очень красивы; они не были разбросаны повсюду, как в верхнем мире. Снова две женщины вошли в читу и решили построить четыре дома — один на севере, один на западе, один на юге и один на востоке — дом в данном случае означает пуэбло или деревню. Когда эти дома были достроены, они сказали: “Теперь у нас есть несколько прекрасных домов; сначала мы отправимся на север и будем много говорить обо всем хорошем”. Новутсет сказала своей сестре: “Давай приготовим другие хорошие вещи”, и сестра спросила: “Какие вещи ты хочешь приготовить?” Она ответила: “Мы матери всех

народов, и мы должны делать доброе дело". "Хорошо, - ответила младшая сестра, - завтра я пройду по другим моим домам, а ты останешься здесь".

Рис. 18.— Детское любопытство.

После того, как Осет объездила весь мир, посетив дома запада, юга и востока, она вернулась в свой дом на севере и была любезно принята Новусет, которая, казалось, была счастлива видеть свою младшую сестру, и после теплого приветствия пригласила ее присесть. У Новутсет была фотография, которую она не хотела показывать сестре, и она накрыла ее одеялом и сказала: "Угадай, что у меня здесь?" (указывая на фотографию в обложке) "и когда ты угадаешь правильно, я покажу тебе". "Я не знаю", - сказала Отшт, и снова старшая спросила: "Как ты думаешь, что у меня здесь?" и другая ответила: "Я не знаю". В третий раз спросили Отшт, и она ответила, что не знает, добавив: "Я хочу говорить прямо, и поэтому я должна сказать тебе, что я не знаю, что у тебя там". Тогда Новутсет сказала: "Это верно". Через некоторое время младшая сестра сказала: "Я думаю, у тебя под этим одеялом есть картинка, с которой ты будешь разговаривать, когда останешься одна". "Ты права," сказала старшая сестра, - у тебя хорошая голова, чтобы разбираться во всем". Новутсет, однако, была очень недовольна мудростью, проявленной Отт. Она показала фотографию Отст, и через некоторое время Отст ушла, сказав: "Сейчас я вернусь к себе домой и больше не буду путешествовать; завтра ты придешь навестить меня".

После возвращения Отшат к себе домой она поманила Часку (чапарального петуха) подойти к ней и сказала: "Ты можешь пойти завтра рано утром в дом солнца на востоке, а затем следовать оттуда по дороге к его дому на западе, и когда ты достигнешь дома на западе, оставайся там, пока моя сестра не придет ко мне домой, чтобы поговорить со мной, когда я позову тебя". Ранним утром старшая сестра пришла в дом младшей. "Садись, сестра моя", - сказала младшая, и через некоторое время она сказала: "Давай выйдем и прогуляемся; Я видела, как мимо пролетала красивая птица, но я не знаю, где она живет", - и она указала на следы птицы на земле, которые были мягкими, и следы были очень четкими, и было видно, что следы шли по прямой линии от дома солнца на востоке к его дому на западе. "Я не могу сказать, - сказала младшая сестра, - возможно, птица прилетела из дома на востоке и направилась к дому на западе; возможно, он прилетел из дома на западе и

направился к дому на востоке; поскольку лапы птицы указывают в обе стороны, трудно сказать. Что ты думаешь, сестра? “Я не могу сказать”, - ответила другая. Четыре раза Отст задавал этот вопрос и получал один и тот же ответ. В четвертый раз старшая сестра добавила: “Как я могу определить? Я не знаю, где передняя часть стопы, а где пятка, но я думаю, что птица улетела в дом на востоке”. “Твои мысли ошибочны”, - ответила младшая сестра. “Я знаю, где птица, и она скоро будет здесь”, - и она крикнула, и через некоторое время Часка прибежала к ней с запада.

Старшая сестра была огорчена своим незнанием и сказала: “Приходи ко мне завтра; сегодня ты больше меня. Я думал, птица улетела в дом на востоке, но ты знал, где она, и она прилетела на твой зов; завтра ты придешь ко мне”.

На следующий день младшая сестра пришла в дом старшей, и ее попросили сесть. Затем Новутсет сказал: “Сестра, на пару слов с тобой; как ты думаешь, что это такое?” указывая на фигуру, закутанную в одеяло, так что видны были только ноги, которые были скрещены. Этот вопрос был задан четыре раза, и каждый раз младшая сестра отвечала, что не может сказать, но в конце концов добавила: “Я думаю, что ноги скрещены; та, что справа, должна быть левой, а левая - правой”. “Кому принадлежат эти ноги?” - спросила старшая сестра. Ее бабушка, Суссестиннакоа^[4], женщина-паук, побудила младшую сестру сказать: “Я не думаю, что это мужчина или женщина”, имея в виду существ, созданных Суссестиннакоа, “но что-то, что ты создала”. Старшая сестра ответила: “Ты права, моя сестра”. Она сбросила одеяло, обнажив человеческую фигуру; затем младшая сестра ушла, попросив старшую заехать к ней завтра, и всю ночь Отс была занята приготовлением алтаря под руководством, однако, Суссестиннакоа. Она накрыла алтарь одеялом, и утром, когда позвонила старшая сестра, они немного посидели вместе и поговорили; затем Осет сказала, указывая на накрытый алтарь: “Как ты думаешь, что у меня там?” Новутсет ответила: “Я не могу сказать; возможно, у меня есть свои мысли по этому поводу, но я не знаю”. Новутсет спрашивали четыре раза, и каждый раз она давала один и тот же ответ. Затем младшая сестра сбросила одеяло, и они обе посмотрели на алтарь, но ни одна не произнесла ни слова.

Когда старшая сестра ушла, она сказала Осет: “Завтра приходи ко мне домой”, и всю ночь она была занята приготовлениями к утру, а утром Осет поспешила в дом своей сестры. (Ее сопровождала Суссестиннакоэ, которая невидимо следовала рядом с ее ухом.) Новутсет спросила: “Что у меня там?”, указывая на прикрытый предмет, и Отс ответила: “Я не могу сказать, но я подумала, что у вас под этим одеялом есть все, что необходимо на все грядущие времена; возможно, я говорю неправильно”. “Нет, - ответила Новутсет, - ты говоришь правильно”, и она сбросила одеяло, сказав: “Сестра моя, может быть, я и крупнее и первая, но у тебя мудрая голова и сердце; ты много знаешь; я думаю, что моя голова, должно быть, слаба”. Тогда младшая сестра сказала: “Завтра ты приходи ко мне домой”. и утром, когда старшая сестра пришла в дом младшей, ее приняли в гостиной и попросили сесть, и они немного поговорили; затем младшая сказала: “Как ты думаешь, что у меня есть?” вон в той комнате?” - указывая на дверь внутренней комнаты. Этот вопрос задавался четыре раза, и каждый раз Новутсет отвечал: “Я не могу сказать”. “Пойдем со мной”, - сказала Отс и крикнула, распахивая дверь: “Все это мое, когда ты хорошенько присмотришься, мы уйдем”. Комната была заполнена существами-камсунами с головами монстров, которых Отст создал под руководством Суссестиннакоа.

Творение Суссестинако можно разделить на три категории:

1. Пай-э-тэ-мо: Все люди Хаартса (земли), солнца, луны, звезд, Ко-шай-ри и Кер-ран-на.

2. Ко-пшай-а: Облако, молния, гром, радужные народы и вся животная жизнь, не включенная в первую и третью главы.
3. Камсуны: Существа с человеческими телами и головами монстров, которых в Sia олицетворяют мужчины и женщины в масках.

Через некоторое время младшая сестра закрыла дверь, и они вернулись в гостиную. Никто, кроме младшей, не произнес ни слова. Уходя, старшая сестра сказала: “Завтра ты придешь в мой дом”. Суссестинако прошептала на ухо младшей: “Завтра ты увидишь прекрасные вещи в доме твоей сестры, но они не будут хорошими; они будут плохими”. Новутсет тогда сказала: “Прежде чем Солнце покинет свой дом, мы пойдем вместе посмотреть на него; у каждого из нас на голове будет палочка, сделанная из длинных белых пушистых перьев из подхвостья орла, и мы поместим их вертикально над нашими головами, чтобы они могли видеть. солнце, когда оно впервые выходит”; и младшая сестра ответила: “Ты старшая и должна идти раньше, и твои перья первыми увидят солнце; мои не смогут увидеть его, пока оно не уйдет далеко, потому что я такая маленькая; ты больше и должна идти раньше”. Хотя она и говорила это, она знала лучше; она знала, что, хотя она была меньше ростом, она была более великой и важной женщиной. В тот вечер Суссестиннакоэ много разговаривала с Отст. Она сказала: “Теперь, когда вы создали Камсуна, вы должны создать мужчину в качестве посланника между солнцем и Камсуной, а другого - в качестве посланника между луной и Камсуной”.

Первого сотворенного человека звали Кошайри; он не только является курьером между солнцем и Камсуной, но и спутником солнца, шутом и музыкантом (его инструментом является флейта); он также является посредником между людьми земли и солнцем; выступая в качестве курьера между солнцем и Камсуной и наоборот, а также в качестве посредника между людьми земли и солнца, он является главным для солнца; сопровождая солнце в его ежедневных путешествиях, он снабжает его музыкой и развлечениями; тогда он слуга солнца. Вторым сотворенным человеком был Кверранна, его обязанности были идентичны обязанностям кошайри, за исключением того, что луна является его особым начальником, а не солнце, однако оба они подчинены солнцу.

После сотворения Кошайри и Кверранны Отс подозвала к себе Шу-а-кай (маленькую черную птичку с белыми крыльями) и сказала:

“Завтра мы с сестрой идем посмотреть на солнце, когда оно впервые выходит из своего дома. У нас на головах будут волшебные палочки, мы будем стоять бок о бок; она намного выше меня; солнце увидит ее лицо раньше, чем увидит мое, и это будет нехорошо; ты должен подойти завтра утром очень рано к дому солнца и снять перо со своего левого крыла, но не с правого; расправь крылья и отдохни перед солнцем, когда оно выйдет из своего дома”. Две женщины вышли очень рано утром, чтобы поприветствовать восходящее солнце. Их сопровождали все мужчины и юноши, вооруженные луками и стрелами. Пожилая женщина, после того как они остановились, чтобы дожидаться восхода солнца, сказала: “Мы здесь, чтобы наблюдать за солнцем”. (Народ разделился: одни были на стороне Новутсета, другие - с Новутсом). “Если солнце первым посмотрит на меня, все люди на моей стороне будут моими людьми и убьют остальных, и если солнце первым посмотрит на лицо моей сестры, все люди на ее стороне будут ее людьми, и они уничтожат мой народ”.

Когда солнце покинуло свой дом, птица Шуахкай расположилась так, чтобы заслонять свет, за исключением тех мест, куда он проникал через пространство, оставленное выщипыванием пера из его крыла, и свет сиял не только на жезле на голове младшей сестры, но и закрывал ее лицо, в то время как он едва касался макушки перьев старшей; и поэтому люди младшей сестры уничтожили перья старшей. Две женщины стояли неподвижно, пока мужчины дрались. Женщины остались на вершине горы, но мужчины

спустились в заросший травой парк, чтобы сразиться. Через некоторое время младшая сестра выбежала в парк и закричала: “Этого достаточно, больше не дерись”. Затем она вернулась на гору и сказала своей сестре: “Давай спустимся в парк и сразимся”. И они сражались как женщины — не стрелами, а боролись. Мужчины окружили их, а женщины боролись упорно и долго. Некоторые из мужчин сказали: “Давайте пойдем и разнимем женщин”; другие сказали: “Нет, оставьте их в покое”. Младшая женщина очень устала у нее на руках и закричала своим людям: “Я очень устала”, и они бросили старшую сестру на землю и связали ей руки; затем младшая женщина приказала своим людям оставить ее, и она ударила свою сестру кулаками по голове и лицу, когда та лежала на земле, и вскоре убила ее. Затем она разрезала грудку каменным ножом и вынула сердце, ее люди все еще стояли в кругу, но круг был настолько большим, что они находились на некотором расстоянии друг от друга. Она держала сердце в руке и кричала: “Послушайте, мужчины и юноши! Эта женщина была моей сестрой, но она вынудила нас сражаться; это она научила вас сражаться. Те немногие из ее народа, которым удалось спастись, находятся в горах, и это крысиный народ”; и она разрезала сердце на куски и бросила их на землю, сказав: “Ее сердце превратится в крысиное, потому что оно было очень плохим”, - и сразу же стало видно, как крысы разбегаются во все стороны. Она обнаружила, что центр сердца полон кактусов, и сказала: “Крысы вечно будут жить с кактусами”; и по сей день крысы так живут (имеется в виду *Неотома*). Затем она велела своим людям возвращаться по домам.

Примерно в это же время Суссестиннакои организовали культовые общества, обучив все общества песням о дожде, но только некоторым из них посвятив в секреты, с помощью которых болезнь извлекается с помощью процессов сосания и расчесывания.

В течение восьми лет после битвы (годы, относящиеся к периодам времени) люди были очень счастливы, и все процветало, но девятый год был очень плохим, вся земля была заполнена водой. Вода лилась не дождем, а текла реками между горными массивами и продолжала течь со всех сторон, пока люди и все животные не сбежали на горную гору. Вода продолжала подниматься, пока почти не сравнялась с вершиной горной горы, и Суссестиннакоэ воскликнул: “Куда пойдет мой народ? Где дорога на север, он смотрит на север, дорога на запад, он смотрит на запад, дорога на юг, он поворачивает на юг, дорога на восток, он смотрит на восток? Увы, я вижу, что вода повсюду”. И все его теургисты пели четыре дня и ночи перед своими алтарями и приносили множество подношений, но вода продолжала подниматься, как и прежде. Суссестиннакоа сказал солнцу: “Сын мой, ты взойдешь и пройдешь над небесным миром; твой путь будет пролегать с севера на юг, и ты вернешься и скажешь мне, что ты об этом думаешь”. По возвращении солнце сказал: “Мама, я сделал, как ты мне велела, и мне не понравилась дорога”. Он снова велел ему подняться и пройти над миром с запада на восток, а по возвращении Суссестиннакоа спросил, нравится ли ему эта дорога. “Может быть, кому-то это и полезно, мама, но мне это не понравилось”. “Ты снова поднимешься и пройдешь по прямой дороге с востока на запад”, и после возвращения солнца отец спросил, что он думает об этой дороге. Его ответ был таким: “Я очень доволен; мне очень нравится дорога”. Затем Суссестиннакоа сказал: “Сын мой, ты будешь восходить каждый день и проходить над миром с востока на запад”. Во время каждого дневного путешествия солнце останавливается на полпути от востока к центру мира, чтобы позавтракать, в центре - чтобы пообедать, и на полпути от центра к западу - чтобы поужинать, оно никогда не пропускает трехразовый прием пищи, останавливаясь в этих конкретных точках, чтобы получить ее.

Солнце носит рубашку из выделанной оленьей шкуры и такие же леггинсы, доходящие до бедер; рубашка и леггинсы отделаны бахромой; его мокасины также из оленьей шкуры, расшитые желтым, красным и турецким бисером; на нем килт из оленьей шкуры, на килте нарисована змея; он носит лук и стрелы, колчан из кожи пумы перекинут через плечо, и он

держит лук в левой руке, а стрелу в правой; он все еще носит маску, которая защищает его от посторонних взглядов. люди земли. Орлиный плюмаж с перьями попугая по обе стороны украшает верхнюю часть маски, а орлиный плюмаж находится по обе стороны маски и один - внизу; волосы вокруг головы и лица красные, как огонь, и когда они двигаются и встряхиваются, люди не могут пристально смотреть на маску; не предполагается, что они должны пристально наблюдать и, таким образом, знать, что вместо того, чтобы видеть солнце, они видят только его маску; жирная линия, окружающая маску, желтая и указывает на дождь. (Рис. 14.)

Луна пришла в верхний мир вместе с солнцем, и он тоже носит маску.

Каждую ночь солнце проходит мимо дома Суссестиннакоа, который спрашивает его: "Как там мои дети наверху, сколько из них умерло сегодня и сколько родилось сегодня?" Он задерживается с ним ровно настолько, чтобы ответить на его вопросы. Затем он отправляется в свой дом на востоке.

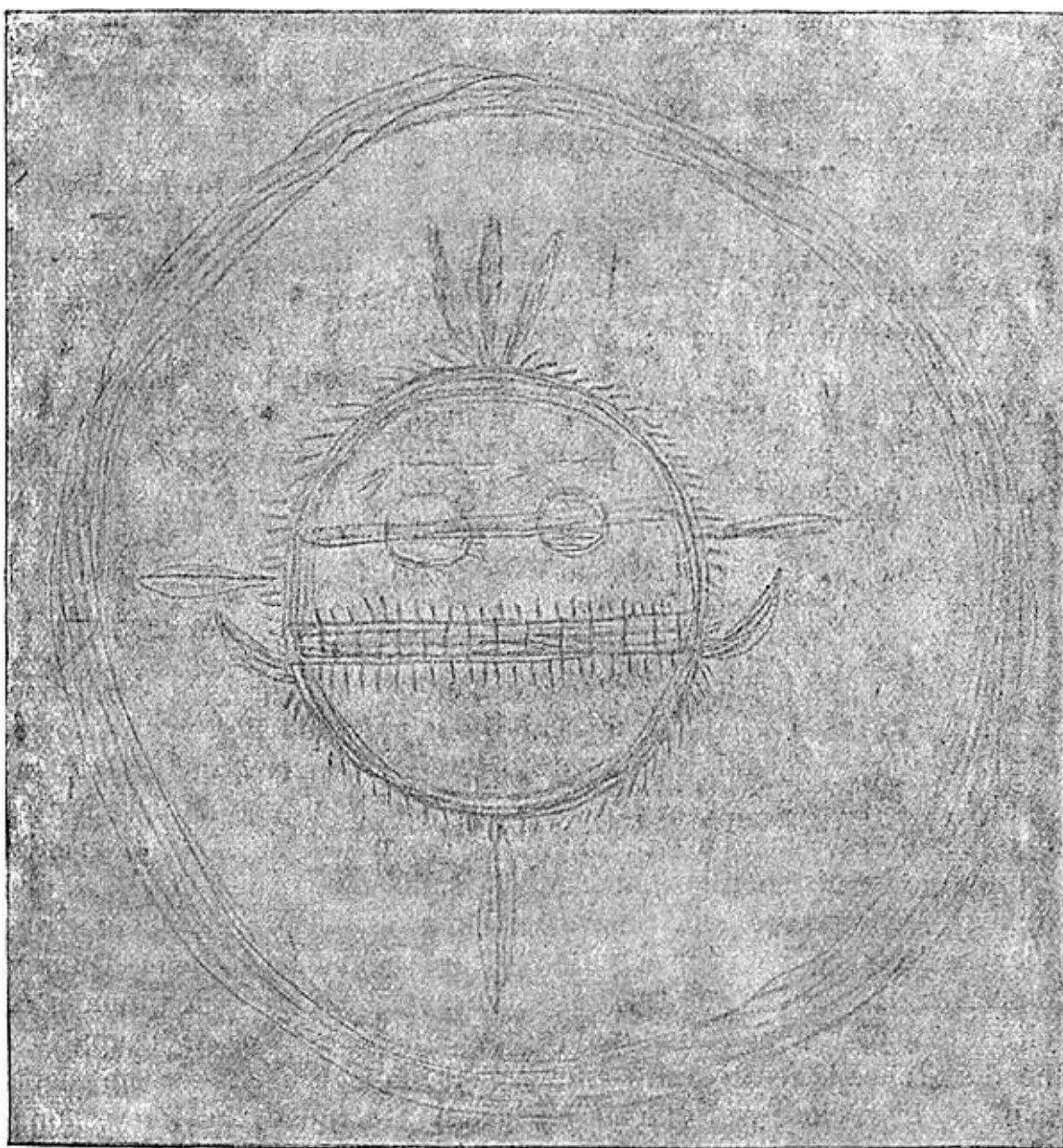

Рис. 14.— Маска Солнца, нарисованная теургом.

Суссестиннакоэ положила огромную трость на вершину холма и сказала: "Мой народ поднимется через это в верхний мир". Отшт шла впереди, неся мешок, в котором было много звездного народа; за ней следовали все теурги, которые несли свои драгоценные изделия в священных одеялах на спине; затем следовали миряне и все животные, змеи и птицы; индейка была далеко позади, и пена воды поднялась и достигла кончиков его перьев, и по сей день они носят знак вод. Когда они добрались до верхушки тростника, твердая земля преградила им выход, и Отшт позвал Шику (саранчу), сказав: "Человек, иди сюда". Саранча поспешила к ней, и она сказала ему, что земля помешала их исходу. "Ты лучше всех знаешь, как пройти сквозь землю; иди и сделай для нас дверь". "Очень хорошо, мама, - ответил он, - я сделаю это, и я думаю, что смогу проложить путь". Он начал работать ногами и через некоторое время прошел сквозь землю, войдя в другой мир. Как только он увидел мир, он вернулся ктстсет, сказав: "Наверху хорошо". Ётсет тогда позвал Туо пи (барсука) и сказал ему: "Сделай для нас дверь; Шика сделала одну, но она очень маленькая". "Очень хорошо, мама; я сделаю это", - ответил барсук; и после долгих трудов он ушел в верхний мир и, вернувшись, сказал: "Мама, я открыл путь". К Ётсет в настоящее время обращаются как к отцу и матери, ибо она действует непосредственно для Суссестинако, творца. Барсук сказал: "Мама, папа, мир наверху хорош". - Затем он позвал оленя и сказал ему: "Ты иди первым, и если ты пройдешь нормально, если ты сможешь просунуть голову, другие смогут пройти". Поднявшись, олень вернулся со словами: "Отец, все в порядке, я прошел без проблем". Затем она позвала лося и сказала ему, что если он сможет просунуть голову в дверь, все пройдет. Он вернулся, сказав: "Отец, это хорошо; я прошел без проблем". Затем она велела буйволу попробовать, и он вернулся, сказав: "Отец, мать, дверь в порядке; я прошел без проблем".

Затем Отшт позвал I-shits (*Скарабея*) и дал ему мешок со звездами, сказав, чтобы он первым отключился с этим мешком. Маленький зверек не знал, что находится в мешке, но он очень устал нести его, и ему стало интересно, что могло быть в мешке. Войдя в новый мир, он очень устал и, положив мешок на землю, решил заглянуть в него и посмотреть на его содержимое. Он проделал лишь крошечное отверстие, но сразу же из него начали вылетать звезды и заполнять небеса повсюду. Маленькое животное слишком устало, чтобы возвращаться к Отс, которая, однако, вскоре присоединилась к нему, а за ней последовали все ее соплеменники, которые пришли в указанном выше порядке. После того, как индейка вышла, дверь была плотно закрыта большим камнем, чтобы вода внизу не могла последовать за ними. Когда Осет поискала свой мешок, она была поражена, обнаружив, что он почти пуст, и она не могла сказать, куда подевалось содержимое; маленькое животное сидело рядом, очень испуганное и печальное, и Осет рассердилась на него и сказала: "Ты очень плохой и непослушный, и с этого времени ты будешь слепым" (и именно по этой причине у скарабея нет глаз, так говорят старики). Малыш, однако, спас несколько звезд, схватив мешок и крепко держа его; они не были распределены по небесам. В одну группу она поместила семь звезд (большая медведица), в другую три (часть Ориона), в другую группу она поместила Плеяды и, отбросив остальные далеко в небеса, воскликнула: "Все хорошо!"

Народы облаков, молний, грома и радуги последовали за Сиа в верхний мир, построив свои дома в источниках, подобных тем, которые они занимали в нижнем мире; эти источники также находятся по сторонам света, в зените и надире, и находятся в сердцевинах гор с деревьями на их вершинах. Однако не все жители Тинии покинули нижний мир; только часть была отправлена Суссестиннакои работать на людей верхнего мира. Облачный народ так многочислен, что, хотя потребности людей земли велики, всегда есть много людей, путешествующих по Тинии ради удовольствия; эти люди катаются на колесах, маленькими колесами пользуются дети, а большими - старшие. Говоря об этих колесах, Sia добавляет: "Американцы украли секрет колес (имея в виду велосипеды) у людей из облака".

Облачные люди старательно скрывают свои маски, которые принимают различные формы в зависимости от количества людей и выполняемой работы; например, хуннати - это белые плывущие облака, за которыми люди прогуливаются ради удовольствия. Хиаш - это облака, похожие на равнины, и за ними облачный народ трудится, поливая землю. Воду приносят из источников у подножия гор в тыквенных кувшинах и вазах мужчины, женщины и дети, которые поднимаются от этих источников к основанию дерева, а оттуда по сердцевине или стволу на вершину дерева, которая достигает Тинии; затем они проходят к назначенному месту для окропления. Хотя народы молнии, грома и радуги шести сторон света^[5] имеют у каждого своих жрецов-правителей и теургов в своих культовых обществах, они подчиняются жрецу облачного народа, а облачные люди каждой стороны света имеют свои отдельные религиозные и гражданские организации. Опять же, эти правители подчиняются Хочанни, верховному правителю облачного народа мира, облачный народ проводит церемонии, аналогичные Sia; и предполагается, что фигуры на планчатых алтарях Sia расположены так же, как сидят облачный народ на своих церемониях, фигуры на алтарях представляют членов культовых обществ народов облака и молнии. Сиа при выполнении своих обрядов занимают относительно схожие позиции за алтарями.

Когда жрец облачного народа желает помощи от народов грома и молнии, он приказывает их тиамони уведомить теургов, чтобы те проследили за выполнением работы, он отдает свой облачный народ под руководство определенных своих теургов, сам осуществляя общий надзор за всеми. Жители Тинии получают компенсацию от жителей Хаартса за свои услуги. Эти подношения размещаются в святилищах, которых здесь много, которые больше не видны, а зарыты с глаз долой. Сигареты изготавливаются из тонкого тростника и наполняются пухом колибри и других птиц, крошечными количествами драгоценных бусин и кукурузной пылью, и предлагаются правителям-жрецам и теургам Тинии.

Люди-молнии пускают свои стрелы, чтобы дождь был тем сильнее, чем меньше вспышек вылетает из детских луков. Люди грома имеют человеческий облик, с крыльями-ножами, и, взмахивая этими крыльями, они производят сильный шум, таким образом пугая людей облаков и молний, заставляя их работать еще усерднее. Радужные люди были созданы для работы в Тинии, чтобы сделать ее более красивой для жителей Хаартса; не только старейшины, делающие красивые луки, но и дети, помогающие в этой работе. Sia понятия не имеют, как и из чего изготавливаются луки. Однако они знают, что герои войны путешествовали на этих луках.

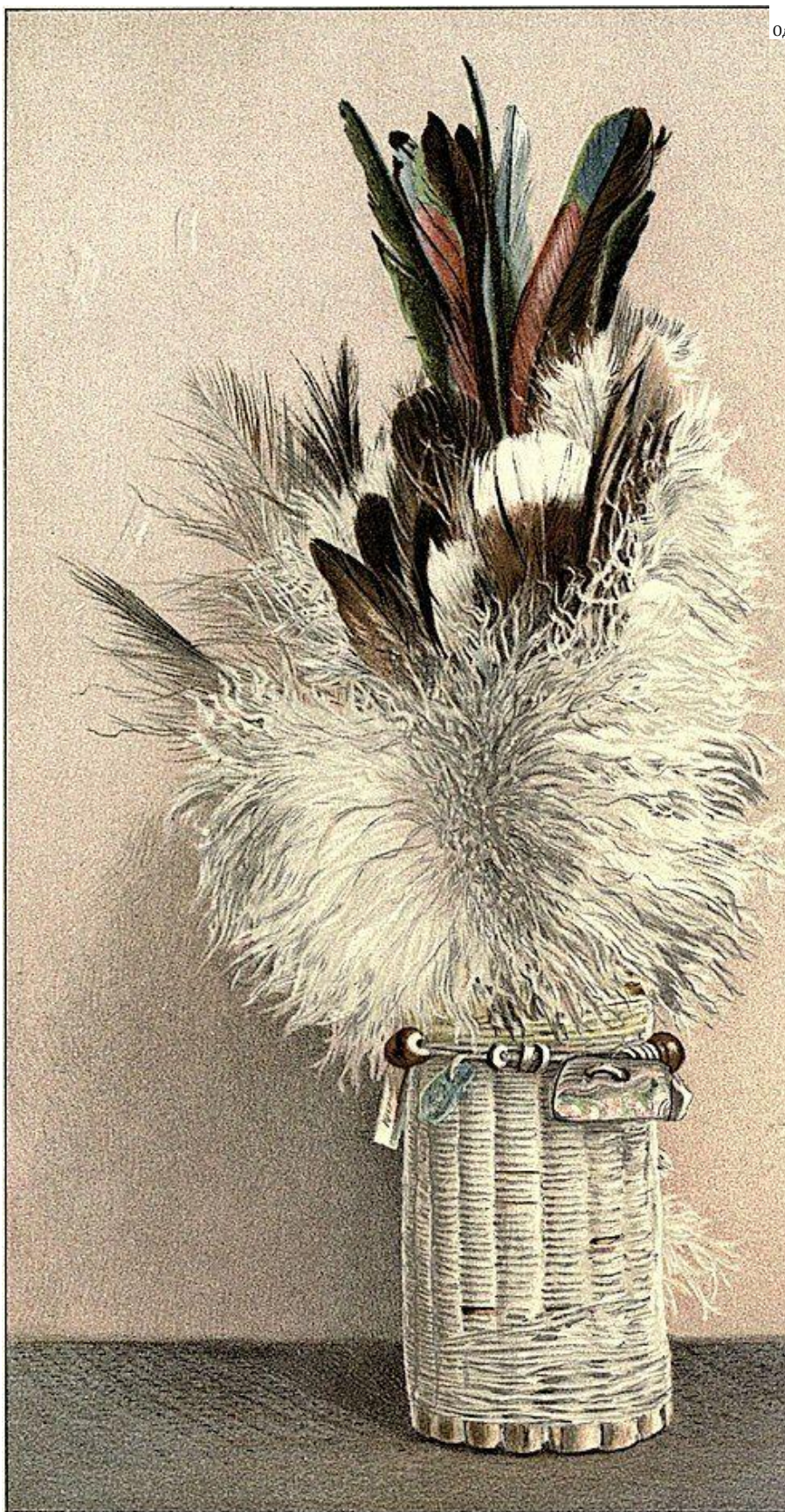
Сиа вошли в этот мир на крайнем севере, и отверстие, через которое они вышли, известно как Ши-па-по. Они разбились на лагеря, так как у них не было домов, но вскоре отошли на небольшое расстояние и построили деревню. Их единственной пищей были семена определенных трав, и Отст, желая, чтобы у ее детей была другая пища, разбила поля к северу, западу, югу и востоку от деревни и засеяла частичками своего сердца, и была выведена кукуруза (хотя Отст всегда знала название кукурузы, сама кукуруза была неизвестна, пока не появилась на этих полях), и Отст заявила: "Эта кукуруза - мое сердце, и она будет для моего народа молоком из моих грудей".

После того, как Сиа пробыли в этой деревне год (имеется в виду определенный период времени), они захотели перейти к центру земли, но земля была очень влажной, и Отст был озадачен, не зная, как ее укрепить.

Она приказала позвать кугуара и спросила, нет ли у него какого-нибудь лекарства, чтобы укрепить дорогу, по которой они могли бы пройти. Кугуар ответил: "Я попытаюсь, мама", - но, пройдя небольшое расстояние по дороге, он провалился по плечи в мокрую землю, вернулся очень испуганный и сказал Отс, что дальше идти не может. Затем она послала за медведем и спросила его, что он может сделать; и он, подобно пуме, попытался укрепить

землю; он прошел совсем небольшое расстояние, когда тоже опустился на плечи и, побоявшись идти дальше, вернулся, сказав: “Я ничего не могу сделать”. Затем барсук предпринял попытку с тем же результатом; затем землеройка (*Sorex*), а затем волк, но они также потерпели неудачу. Затем Осет вернулась в нижний мир и спросила Суссестиннакоа, что она может сделать, чтобы земля затвердела, чтобы ее народ мог путешествовать по ней. Суссестиннакоэ спросил: “У вас нет лекарства, чтобы сделать землю твердой? Просили ли вы пуму и медведя, волка, барсука и землеройку использовать их лекарства” чтобы укрепить землю? И она ответила: “Я перепробовала все это”. Тогда, сказал Суссестиннакоэ, “Другие поймут”; и он сказал Отс, чтобы она попросила женщину из общества Капана (пауков) использовать ее лекарство для этой цели. По возвращении Отсёт в высший мир она потребовала присутствия женщины-члена этого общества. По прибытии этой женщины Отс сказал: “Моя мать, Суссестинако, сказала мне, что общество Капана понимает секрет того, как сделать землю сильной”. Женщина ответила: “Я не знаю, как сделать землю твердой”. Отс трижды спрашивал женщину о том, затвердевает ли земля, и каждый раз женщина отвечала: “Я не знаю”. Когда вопрос был задан в четвертый раз, женщина сказала: “Что ж, думаю, я знаю; я попробую”; и она созвала членов общества Капана и сказала им: “Наша мать, Суссестиннакоэ, повелевает нам работать на нее и укрепить землю, чтобы люди могли проходить по ней”. Женщина сначала сделала дорожку из тонкого хлопка, который она произвела из своего тела (следует помнить, что общество Капана состояло из людей-пауков), подвесив ее в нескольких футах над землей, и сказала людям, что они могут ходить по ней. теперь двигайтесь дальше; но когда они увидели дорогу, она показалась им такой хрупкой, что они побоялись довериться ей. Тогда Осат сказал: “Я хочу, чтобы на меня работал мужчина, а не женщина из Капаны”. Затем появился член общества мужского пола и выбросил змею (фетиш из решетчатого дерева, собранный таким образом, что его можно было растягивать и сжимать); и когда он был вытянут, то достиг середины земли. Сначала он бросил его на юг, затем на восток, затем на запад. Затем Напакатсу (фетиш, состоящий из тонких палочек, расходящихся от центра, скрепленных тонкой хлопчатобумажной паутиной; к хлопку прикреплен орлиный пух; в раскрытом виде он имеет форму зонтика, а в закрытом имеет ту же форму, за вычетом ручки) бросили на землю и растоптали (первоначальная Напакатса была сделана из хлопка с тела паука); ее поместили сначала на юг, затем на восток, запад и север. У людей, живших на крайнем севере, Напакатсу клали близко к спине.

Теперь, когда земля стала твердой, чтобы люди могли путешествовать, Осет выбрала для тиямони, которая должна была занять ее место среди людей и вести их к центру земли, человека из клана кукурузы, сказав ему: “Я, Осет, скоро покину тебя; я вернусь в дом, откуда я пришел. Ты будешь для моего народа как я сам; ты пройдешь с ними прямой дорогой. Я останусь в своем доме внизу и буду слушать все, что ты мне скажешь. Я отдаю тебе всю свою мудрость, свои мысли, свое сердце и все остальное. Я наполняю твою голову своим разумом”. Затем она подарила своему новоназначенному представителю кривой посох в качестве знака отличия его должности, сказав: “Это как у меня; храни его всегда”. “Спасибо тебе, мама”, - ответил он, и все люди сжали посох и перевели дух. “Я отдаю тебе все драгоценные вещи, которые я принес в этот мир [ÛЦт принесла эти вещи в священном одеяле на спине]. Будьте уверены, что будете следовать одной прямой дороге все годы и на все грядущие времена. Вы будете известны как Тиямони [что означает верховный правитель]. Я прошу тебя прислушиваться ко всему хорошему, и трудиться ради всего хорошего, и отворачиваться от всего плохого”. Он ответил: “Хорошо, мама; я сделаю, как ты говоришь”. Затем она поручила этому правителю сделать Яррико^[6] ([Pl. IX](#)), который должен был представлять ее саму, чтобы они могли всегда иметь ее с собой и всегда знать ее. И снова Юцат сказал: “Когда ты чего-нибудь пожелаешь, приготовь хачамони и посади их, и они передадут твои послания твоей матери в нижний мир”.

Нарисован Дж. Л. Риджуэем.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Ī-ĀR-RĪ-KO.
ФЕТИШ СИА

Прежде чем Осет покинула этот мир, она выбрала шесть женщин Сиа, отправив одну на север, одну на запад, одну на юг, одну на восток, одну в зенит и одну в надир, чтобы они навсегда поселились в этих точках, чтобы они могли быть рядом с облачными правителями сторон света и ходатайствовать за народ Хаартса; и Осет приказала своему народу не забывать просить этих женщин в случае необходимости обращаться за ними к облачному народу.

Только Сиа последовали приказу Отта и пошли прямой дорогой, в то время как все остальные пуэбло продвигались различными путями к центру земли. После отъезда TsëT Sia проехала некоторое расстояние и построила деревню из красивого белого камня, где они прожили четыре года (годы относятся к периодам времени). Sia заявляет, что их пребывание в белом доме было длительным. Здесь родители сильно пострадали от руки тиамони, который, возражая против увеличения численности своего народа, на какое-то время предал смерти всех детей. Едва Sia оправилась от этого бедствия, как между мужчинами и женщинами возникли серьезные разногласия. Многие женщины сидели, перемалывая муку и напевая; они усердно работали весь день, и на закате, когда мужчины вернулись в дома, женщины начали ругать их, говоря: "Вы никуда не годитесь; вы не любите работать; вы хотите все время быть с женщинами. Если бы вы позволили пройти четыре дня между ними, женщины больше заботились бы о вас". Мужчины ответили: "Вы, женщины, хотите быть с нами весь день и всю ночь; если бы вы, женщины, могли принимать мужчин только каждые четыре дня, вы были бы очень несчастливы". Женщины возразили: "Это вы, мужчины, были бы несчастливы, если бы могли проводить время с женщинами только раз в четыре дня".

И мужчины и женщины очень рассердились друг на друга. Мужчины кричали: "Будь это десять дней, двадцать дней, тридцать дней, мы могли бы оставаться вдали от вас и не быть несчастными". Женщины ответили: "Мы думаем, что нет, но мы, женщины, были бы очень довольны, если бы держались подальше от вас, мужчин, в течение шестидесяти дней". И мужчины сказали: "Мы, мужчины, были бы счастливы оставаться вдали от вас, женщин, в течение пяти лун". Женщины, все больше возбуждаясь, закричали: "Вы говорите неправду; мы, женщины, были бы довольны разлукой с вами на десять лун". Мужчины возразили: "Мы, мужчины, могли бы оставаться вдали от вас, женщин, двадцать лун и быть очень счастливы". "Вы говорите неправду, - сказали женщины, - потому что хотите быть с нами все время, днем и ночью".

Три дня они ссорились, а на четвертый день женщины отделились от мужчин и отправились на одну сторону пуэбло, мужчины и мальчики собрались на другой стороне. Все женщины отправились в один ресторан, мужчины - в другой. Женщины отлично поговорили, а мужчины держали совет. Мужчины и женщины были очень злы друг на друга.

Тиамони, председательствовавший на совете, сказал: "Я думаю, что если вы и женщины будете жить отдельно, каждая из вас будет довольна". И на следующее утро он приказал всем мужчинам и детям мужского пола, которых не кормили их матери, переправиться через большую реку, протекавшую мимо деревни, а женщинам остаться в деревне. Мужчины ушли на рассвете, и женщины были в восторге. Они сказали: "Мы можем выполнять всю работу; мы понимаем работу мужчин и можем работать, как они". Мужчины сказали друг другу: "Мы можем делать то, что женщины делали для нас". Покидая деревню, мужчины крикнули женщинам: "Мы предоставляем вас самим себе, возможно, на один год, возможно, на два, а возможно, и дольше. В течение одного года вы можете быть счастливы разлуки с нами. Возможно, мы будем счастливы разлуки с вами; возможно, нет; мы не можем сказать. Мы, мужчины, более влюбчивы, чем вы."

Мужчинам потребовалось некоторое время, чтобы переправиться через реку, поскольку она была очень широкой. Тиамони повел мужчин и остался с ними. Тиамони вынудили женщин отправлять своих младенцев мужского пола за реку, как только они перестали их кормить. В течение десяти лун мужчины и женщины были очень счастливы. Мужчины много охотились, и у них было много дичи в пищу, но у женщин не было животной пищи. По истечении десяти лун некоторым женщинам стало грустно вдали от мужчин. Мужчины расплоднили, а женщины очень похудели. По прошествии второго года все больше женщин хотели мужчин, но мужчины были совершенно удовлетворены вдали от женщин. По прошествии трех лет женщины все больше и больше желали мужчин, но мужчины испытывали лишь слабое влечение к женщинам. Когда прошла половина четвертого года, женщины обратились к тиамони со словами: “Мы хотим, чтобы мужчины пришли к нам”. Дети женского пола выросли как тростинки; на них не было плоти. На следующее утро после того, как женщины попросили тиамони вернуть мужчин, они переправились через реку, чтобы снова жить с женщинами, и через четыре дня после их возвращения женщины восстановили свою плоть.

Дети рождались у женщин, когда они были отделены от мужчин, и когда они родились, они были совершенно непохожи на Сиа и были другим народом. Матери, видя, что их дети не похожи на них самих, не заботились о них и выгоняли их из своих домов. Эти неестественные дети повзрослели за короткое время, став скойо (гигантскими каннибалами). Как только они выросли, они начали есть Сиа. Они ловили детей так же, как койот ловит свою добычу. Они развели большие костры между большими камнями и, бросив в них детей, зажарили их заживо, а потом съели. Когда родители отправились в лес искать своих потерявшихся детей, великаны поймали их и поджарили. Никто так и не вернулся в деревню, чтобы рассказать эту историю. Сиа были съедены не только скойо, но и теми животными, которые поссорились со своим народом во время разрыва между мужчинами и женщинами Сиа, разъяренные животные присоединились к скойо в их нападениях на Сиа.

Хотя детей уничтожали всякий раз, когда они отваживались покидать свои дома, бдительность некоторых родителей спасла расу, и, несмотря на многочисленные смерти, число людей увеличилось, и они построили много домов. Четыре года (имеются в виду периоды времени) скойо и животные захватывали и поедали Сиа всякий раз, когда те покидали свои деревни, но Сиа не всегда страдали от этого великого зла.

Отец-солнце решил избавить людей от их бед и поэтому стал отцом мальчиков-близнецов.

Кочинако, девственница (желтая женщина севера), отправляясь в путешествие, чтобы посетить центр земли, прилегла отдохнуть. Ее обнял Солнце, и от этих объятий она забеременела. Через четыре дня у нее появились явные признаки своего состояния, через восемь дней оно стало еще более заметным, а через двенадцать дней она родила близнецов мужского пола. Во время беременности ее мать, женщина-паук, была очень зла и настаивала на том, чтобы узнать отца ребенка, но дочь не могла ей сказать; и когда мать спросила, когда она забеременела, она не смогла ответить на вопрос, и мать сказала: “Я не хочу видеть ребенка, когда он родится; я хочу быть далеко”. И как только дочь пожаловалась на приближающиеся роды, мать ушла, но ее сердце смягчилось по отношению к своему ребенку, и она вскоре вернулась. Через четыре дня после рождения мальчиков они смогли ходить. Когда рождаются близнецы, первенца называют Кацая, а второго Катче.

Кочинако назвала своего первенца Ма-а-се-ве, а второго У-юуююё. Эти дети быстро росли в интеллекте, но всегда оставались маленькими. Однажды они спросили свою мать: “Где

наш отец?" Мать ответила: "Он далеко; не задавайте больше вопросов". Но они снова спросили: "Где наш отец?" И получили тот же ответ от матери. В третий раз они спросили, и в четвертый раз, когда мать сказала: "Бедные дети, ваш отец живет далеко на востоке". Они заявили, что пойдут к нему, но она настаивала, что они не могут; что, чтобы добраться до него, им придется пройти к центру большой реки. Мальчики были так настойчивы в своих просьбах разрешить им навестить отца, что мать в конце концов согласилась. Их бабушка (женщина-паук) сделала каждому из них лук и стрелы, и мальчики отправились в путь, продолжая свой путь. Добравшись до реки, они были озадачены, не зная, как войти в дом их отца. Пока они стояли и думали, появилась их бабушка (женщина-паук) и сказала: "Я сделаю для тебя мост". Она плела паутину взад и вперед, но когда мост был закончен, мальчики побоялись переходить по нему; он казался таким хрупким. Затем бабушка проверила мост, чтобы показать им, что он безопасен. Теперь, удовлетворенные, они перешли мост и спустились к середине реки, где нашли дом своего отца. Жена их отца спросила мальчиков: "Кто вы и откуда пришли?" "Мы пришли, чтобы найти нашего отца". Тогда женщина спросила: "Кто твой отец?" и они ответили: "Солнце - наш отец"; и жена рассердилась и сказала: "Ты говоришь неправду". Она дала им миску с едой, которая, однако, представляла собой всего лишь объедки, оставленные ее детьми.

Через некоторое время Солнце вернулся домой. Его жена была очень возмущена: "Я думала, ты путешествуешь только ради мира, но эти дети говорят, что ты их отец". Солнце ответило: "Они мои дети, потому что все люди - мои дети под моей рукой". Это удовлетворило жену, хотя дети обращались непосредственно к Солнцу как к отцу. Когда он увидел, что мальчики едят объедки, он взял миску, выплеснул содержимое и попросил свою жену накормить их как следует. Затем он позвал одного из своих людей, работавших на него, и сказал: "Разведи мне в доме большой огонь", имея в виду парилку, "выложенную тюрками, и нагрей ее горячими камнями", причем камни тоже были тюркскими. Он отправил детей в этот дом и закрыл за ними дверь. Затем Солнце приказало вылить воду на горячие камни через отверстие в крыше, но дети охлаждали парилку, выплевывая изо рта крошечные ракушки.

Когда Солнце приказало открыть дверь парилки, он был удивлен, обнаружив, что дети все еще живы. Затем он велел бросить их в другой дом, который был очень большим и наполненным лосями, оленями, антилопами и буйволами; он заглянул в отверстие в стене и увидел мальчиков, ехавших верхом на спинах лосей и оленей, очевидно, очень счастливых и довольных. Затем Он приказал поместить их в дом, полный медведей, кугуаров и гремучих змей, и он заглянул внутрь и увидел детей верхом на спинах медведя и кугуара, и они были счастливы и не боялись, и он сказал: "Конечно, это мои дети", и он открыл двери, и выпустил их, и спросил: "Дети мои, чего вы от меня хотите?" "Ничего, отец, - ответили они, - мы пришли только для того, чтобы найти нашего отца". Он дал каждому из них лук и стрелы и каждому по три палки (кроличью палку), которыми он велел им не пользоваться, пока они не доберутся до дома, потому что если они бросят одну из них, намереваясь, что она пролетит совсем немного, то пролетит очень далеко. Когда они прошли совсем небольшое расстояние, Масеве сказал Уйуеве: "Давай попробуем наши палки и посмотрим, как далеко они уйдут", но Уйуеве отказался, сказав: "Нет, наш отец сказал нам не пользоваться ими до возвращения домой". Масеве продолжал умолять своего младшего брата, но тот был мудр и не уступал. Наконец Масеве бросил одну из своих, и она отлетела на большое расстояние, но он остановил ее, выбросив ракушки изо рта.

Мать и бабушка были рады снова увидеть мальчиков и рады, что все оказались под одной крышей, но мальчикам, особенно Масеве, вскоре захотелось путешествовать. Они захотели испытать луки, которые подарил им отец, и, пробыв дома четыре дня, отправились на охоту. Мать сказала мальчикам: "Дети, я не хочу, чтобы вы уходили далеко; внимательно

выслушайте то, что я хочу сказать. Далеко на востоке есть озеро, где живет много скойо и их животных-компаньонов, и когда солнце стоит над серединой мира, эти люди идут к озеру за водой. Они очень плохие люди, и ты не должна приближаться к озеру". Масеве ответил: "Очень хорошо, мама; я не хочу идти той дорогой и поищу поблизости от дома". Но когда мальчики отошли немного, Масеве сказал своему младшему брату: "Пойдем к озеру, о котором говорила мама". Уйуевё ответил: "Я не хочу туда идти, потому что наша мать сказала нам не ходить в ту сторону"; но Масеве уговорил своего младшего брата пойти, и Уйуевё ответил: "Очень хорошо". Затем они пошли по дороге, указанной их матерью, пока не обнаружили озеро.

Была уже середина дня, и Масеве сказал: "Здесь нет людей, совсем нет; я думаю, мама рассказала нам сказку"; но вскоре он увидел большого волка, приближающегося к озеру; затем они увидели, как он вошел в озеро; ему захотелось пить, и он напился; оба мальчика увидели его на дне озера и воскликнули: "Смотрите! он прекрасно выглядит на дне озера". Масеве сказал: "Я думаю, он выпьет всю воду; видите, воды становится все меньше и меньше". А когда вся вода ушла, волка на дне озера уже не было, и тогда мальчики обнаружили волка на невысоком холме, потому что это было всего лишь его отражение, которое они видели в озере. Мальчики нацелили на него свои стрелы, но они не попали в него, и волк бросил в них большую палку, но они склонили головы, и она пролетела над ними. Масеве сказал Уйуевуё: "Я думаю, что это те люди, о которых говорила мама; смотри, - сказал он, - эта палка такая же, как та, что дал нам наш отец". Мальчики несли свои кроличьи палки огромных размеров, и Масеве нацелил одну из них на волка, который был одет в каменную рубашку, пробить которую можно было только в определенных местах. Волк снова бросил палку, но мальчики высоко подпрыгнули от земли, и палка прошла под ними. Масеве сказал Уйуевуё: "Теперь, младший брат, попробуй ты". До этого времени Уйуевё не пользовался своими стрелами или палками. Он ответил: "Хорошо", - и, бросив одну из своих палок, ударил волка в бок, и защитная рубашка на мгновение была уничтожена. Затем Масеве бросил палку, но каменная рубашка снова появилась, защищая волка. Ууююё, бросив вторую палку, убил волка. Тогда Масеве сказал: "Младший брат, волк уничтожен; давай вернемся; но сначала мы добудем его сердце"; и каменным ножом он разрезал волку грудь по прямой линии и вынул сердце, которое он сохранил, сказав: "Теперь мы вернемся в наш дом".

Когда они вернулись домой, их мать спросила: "Где ты был, где ты был?" "Мы были на озере", - сказали мальчики. "Мальчики мои, вы дурачите меня". "Нет, мы говорим правду". "Зачем вы туда пошли?" Масеве ответил: "Мы очень хотели увидеть озеро". Мать спросила: "Ты не видел никаких скойо?" "Да, - сказал Масеве, - мы видели одного; по крайней мере, мы видели большого волка", и мать воскликнула: "О, мои мальчики, вы нехорошие мальчики, что идете туда". Тогда Масеве сказал своей матери, что они убили волка. Сначала она отказывалась ему верить, но когда Масеве заявил, что он говорил правду, мать прижала мальчиков к груди и сказала: "Все хорошо, дети мои". Вскоре мальчики отправились в другое путешествие. Прежде чем покинуть дом, они спросили у своей матери, где можно раздобыть хорошую древесину для древков стрел. "Далеко на севере в каньоне есть хорошее дерево для стрел, но рядом на дороге сидит плохой человек; эта тропинка очень узкая, и когда кто-то проходит мимо, этот плохой человек сбрасывает его в каньон и убивает". Масеве заявил своей матери, что ему не хочется туда идти, но он был недалеко от ее глаз, прежде чем уговорил Уйуевуё сопровождать его в этот каньон, сказав: "Пойдем туда, где мы сможем найти лучший лес".

Это потребовало некоторого убеждения от Масеве, поскольку Уйуевё сначала заявил, что не слушается свою мать. Они проделали долгий путь, прежде чем добрались до плохого старика, кугуара, но когда они увидели его, то приблизились очень осторожно, и Масеве

спросил его, не может ли он сказать ему, “где найти хорошую древесину для древков стрел”. “Да, я знаю”, - ответил кугуар. “Там внизу много всего”, - указывая на каньон внизу. Масеве спросил: “Как мне добраться до каньона?” Кугуар сказал: “Пройди мимо меня, это лучший способ”. Масеве заявил, что он не должен идти впереди старших, но кугуар настоял, чтобы мальчики прошли перед ним. Однако они были полны решимости пройти позади. Наконец кугуар сказал: “Хорошо”. Масеве попросил его подняться, когда они проходили мимо, но он только немного наклонился вперед; тогда Масеве сказал: “Наклонитесь еще немного вперед, тропинка узкая”; и кугуар еще немного наклонился, когда Масеве положил руки на плечи кугуара, подталкивая его вперед, говоря: “О! путь такой узкий; наклонись еще немного; видишь, я не могу пройти”. Уйуев, который был рядом с Масеве, положил обе руки на правое плечо пумы, в то время как его брат положил свои на левое, они сказали ему: “Еще немного вперед”, и совместными усилиями они сбросили его в каньон внизу, Масеве закричал: “Вот так ты служил другим”. Кугуар погиб при падении.

Затем мальчики спустились в каньон и набрали побольше дров для своих стрел. Когда их мать увидела дрова, она закричала: “Вы непослушные мальчишки! где ты был? Они ответили: “Мы убили пуму”. Мать отказалась им верить, но Масеве заявил, что они говорили правду. Затем она с гордостью и радостью обняла своих детей.

Два дня мальчики были заняты изготовлением древков, к которым они прикрепляли свои стрелы. Затем Масеве пожелал иметь перья для древков. “Мама,” сказал он, - ты не знаешь, где мы можем найти орлиные перья?” “Да, я знаю, где их можно найти. Далеко на краю каньона на западе есть много плюмов, но там живет очень плохой человек”. Масеве сказал: “Ну, я не хочу туда идти. Мы поищем плюмажи в другом месте”. Но едва он вышел из дома, как попросил Уйуеву проводить его до края каньона. “Нет,” сказал Уйуев, “я не хочу туда идти. Помимо плохого человека, о котором говорила мама, есть много других медведей”; но Масеве в конце концов убедил Уйуеву сопровождать его.

Через некоторое время Масеве крикнул: “Смотри, вот и дом; младший брат, держись немного позади меня, и когда медведь пройдет мимо, пусти в него стрелу”. Масеве приблизился к дому, и когда медведь обнаружил мальчика, он бросился за ним. Как раз в тот момент, когда медведь проходил мимо Уйуева, он выстрелил ему в сердце. Масеве провел ножом по груди медведя, вынул его сердце и разрезал его на куски, сохранив кусочки. - А теперь, - сказал Масеве, - давайте поторопимся и закрепим плюмажи.

Они нашли много красивых перьев. Затем, вернувшись к медведю, они содрали с него кожу, сохранив нижнюю часть лап с когтями отдельно от остальной шкуры. Они набили тело травой и обвязали веревкой шею и туловище, и Масеве шел впереди, держа один конец веревки, он тащил медведя, а Уйуев держал другой конец веревки, чтобы удерживать животное. Приближаясь к своему дому, они закричали: “Мама, мама, смотри!” Их мать, услышав крик, крикнула: “Что случилось, дети мои?” - и пошла им навстречу, но, обнаружив медведя, быстро вернулась в дом, воскликнув: “Отпустите медведя; не приводите его сюда; зачем вы привели сюда плохого медведя?” Мальчики, последовав за матерью, сказали: “Мама, медведь мертв”.

Мальчики два дня оставались дома, готовя стрелы. Затем Масеве сказал своей матери: “Мама, мы хотим поохотиться на оленя. Наши стрелы хороши, и нам нужно мясо. “ Это хорошо, дети мои, но послушайте. Далеко на юге на высокой скале живет орел. У нее двое детей. Отец тоже живет там, и эти родители очень крупные, и они съедают всех малышей, которых находят”. Масеве ответил: “Мы туда не пойдем”. Но едва он скрылся из виду матери, как объявил, что они должны отправиться в дом орла. Пройдя немного, они увидели оленя, и Масеве натянул свой лук и выстрелил ему в сердце. Они разрезали оленю грудку, вытащили кишки и, очистив их от крови, мальчики обернули их вокруг шеи, рук и груди,

через правое плечо и вокруг талии. “Теперь, ” сказал Масеве, “ мы можем приблизиться к дому орла”. Когда мальчики приблизились, орлы слетели на землю. Один орел, поймав Масеве и пролетев далеко над домом, уронил его на острый каменный выступ перед его домом. Камень был острым, как лезвие ножа, и он разорвал внутренности оленя, которые защищали его от камня, и кровь полилась дождем. Масеве лежал неподвижно, и орел подумал, что он мертв. Затем помощник спустился, поймал Юуеве и, пролетев над ее домом, тоже уронил его на скалу. Он тоже лежал совершенно неподвижно, и орлы подумали, что он мертв. “Теперь, - сказали орлы, - наши дети будут счастливы и довольны, потому что у них вдоволь мяса”. Вскоре эти птицы отправились в долгое путешествие.

Молодые люди, узнав от своих родителей, что они хорошо обеспечены едой, которую можно найти перед их дверью, когда они проголодаются, отправились за мясом. Масеве и Юйуев удивили их, заговорив с ними. Они спросили: “Когда вернется твоя мама?” Дети ответили: “Наша мама вернется до полудня”. “Когда твоя мать вернется, она придет в этот дом?” “Нет, - ответили орлята, - она отправится в тот, что наверху, а сюда придет позже”. “Когда прибудет твой отец?” “Он прилетит чуть позже”. “Он прилетит сюда?” спросили они. “Нет, он отправится в дом наверху”. Затем Масеве уничтожил молодых орлов. Убив их, он сбросил их на землю вниз. Когда мать вернулась, она стояла на скале наверху, и Масеве направил на нее свою стрелу и пронзил ей сердце, и она упала на землю мертвой; а позже, когда вернулся отец, его постигла та же участь.

Итак, мальчики уничтожили злых орлов мира. Тогда Масеве сказал: “Младший брат, как мы спустимся отсюда? Дорога к земле очень долгая, - и, посмотрев вверх, он сказал: “ Дорога к скале наверху тоже очень долгая. Вскоре Масеве увидел маленького Ке-оу-уча, или суслика (*Tamias striatus*), и он позвал его, сказав: “Мой младший брат, мы не можем спуститься отсюда. Если вы поможете нам, мы заплатим вам; мы дадим вам красивые орлиные перья”.

Белка посадила орех пиньон прямо под мальчиками, и за короткое время — почти сразу, — поскольку белка разбиралась в медицине, получилось высокое дерево. “Ну вот, ” сказала белка, “ хорошей тебе дороги. Все в порядке, видишь?” И зверек взбежал на дерево, а потом снова спустился, когда мальчики последовали за ним.

Когда они вернулись домой, их мать спросила: “Где вы были?” и когда они сказали ей, что посетили дом орла, она сказала: “Вы вели себя очень глупо”. Сначала она не поверила их заявлению о том, что они уничтожили орлов; но в конце концов они убедили ее, и она с гордостью обняла своих мальчиков. Бабушка тоже была очень довольна.

Мальчики пробыли дома всего два дня, Масеве не терпелось уехать, и он сказал своему брату: “Давай снова отправимся в путешествие”. Дом мальчиков находился недалеко от центра земли, и Кочинако оставалась здесь некоторое время после их рождения. Когда мать узнала, что они снова собираются путешествовать и охотиться, она стала умолять их не уходить далеко, потому что поблизости все еще были плохие люди, и Масеве пообещал, что они будут держаться поближе к своему дому. Они прошли совсем небольшое расстояние, когда увидели приближающуюся женщину (скойю), несущую большой рюкзак, который был прикреплен к ее спине веревками, проходящими вокруг ее рук у плеча. Масеве прошептал своему брату: “Смотри! вон идет скойю”. Мальчики стояли бок о бок, когда она подошла и спросила: “Что вы, дети, здесь делаете?” Масеве ответил: “Мы просто осматриваемся, ничего больше”. Скойю, проведя руками по мальчикам, сказала: “Какие красивые мальчики! Какие красивые дети! Пойдем со мной в мой дом”. “Хорошо, мы пойдем”, - заявил Масеве. “Забирайся в рюкзак ко мне на спину, и я понесу тебя”. Когда мальчики были спрятаны, скойю направилась к своему дому.

Через некоторое время она вышла на широкую, ровную, поросшую травой местность, и Масеве позвал ее: “Женщина! не ходите далеко в эту страну, где нет деревьев, потому что солнце жаркое, а когда нет тени, у меня сильно болит голова. Видишь, женщина, ” продолжал он, - там, в горах, растут деревья, и там самая лучшая дорога. Скойо крикнул: “Хорошо”, - и направился к горам. Она дошла до того, что ей пришлось наклониться, чтобы пройти под свисающими ветвями, на которых покоились ветви, упавшие с других деревьев. Масеве прошептал Ююю: “Когда она наклонится, чтобы пройти под деревом, мы ухватимся за него и будем висеть там, пока она не скроется”. Мальчики ухватились за упавшую древесину, которая лежала поперек ветвей дерева, и скойо двинулись дальше, не подозревая о своем побеге. Отойдя на некоторое расстояние, она удивилась, что не слышит ни звука, и позвала: “Дети!” - и никто не ответил; и снова она позвала: “Дети!” - и, не получив ответа, закричала: “Не ложитесь спать”, - и продолжала звать: “Не ложитесь спать”. Не услышав от мальчиков ни слова, она встряхнула рюкзак, чтобы разбудить их, так как думала, что они крепко спят. Не получив ответа, она положила рюкзак на землю, и, к ее удивлению, мальчиков там не было. “Плохие мальчики! плохие мальчики!” - закричала она, возвращаясь по своим следам, чтобы найти их. “Где они могут быть? где они могут быть?”

Когда она обнаружила их висющими на дереве, она крикнула: “Вы плохие мальчики! почему вы там?” Масеве сказала: “Нет! женщина, мы не плохие. Мы только хотели остановиться здесь и посмотреть на этот лес; он очень красивый”. Она заставила их сесть в рюкзак и снова тронулась в путь, сказав детям: “Вы не должны ложиться спать”. Путь был долгим, прежде чем они достигли дома скойо. Она сказала: “Я рада снова быть дома”, - и поставила рюкзак на пол, велел мальчикам убираться. “Дети мои, я очень устала и проголодалась. Сбегай и принеси мне дров для костра. Масеве прошептал своему младшему брату: “Пойдем за дровами”.

Через некоторое время мальчики вернулись с охапками дров на спинах. Указав на небольшой конический домик неподалеку, она сказала: “Дети, отнесите дрова туда”, и скойо развел в доме костер и позвал мальчиков посмотреть на него, сказав: “Дети, идите сюда и посмотрите на огонь; он хороший и теплый”. Масеве прошептал своему младшему брату: “Чего хочет эта женщина?” Когда они приблизились, скойо сказал: “Смотрите! Я развела большой огонь, и здесь хорошо и тепло; заглядывайте”, - и когда дети проходили перед ней, она втокнула их в дом и закрыла дверь. Ей захотелось приготовить мальчиков себе на ужин, и она удовлетворенно причмокнула губами в предвкушении уготованного ей пиршества. Но ее ждало разочарование, так как мальчики выбрасывали изо рта ракушки, которые мгновенно защищали их от жары.

Закрыв за мальчиками дверь, женщина вошла в свой дом и вымылась с ног до головы в очень большой миске с мыльной пеной из юкки, предварительно вымыв голову, и, усевшись, сказала себе: “Все хорошо. Я очень доволен и счастлив”. Мальчики тоже были довольны. Женщина, решив, что ей пора готовить ужин, убрала камень, который она заложила в дверной проем и закрепила штукатуркой. Мальчики спрятались в одной части дома, где вели себя тихо. То, что она приняла за их плоть, оказалось ииса (экскрементами), которые мальчики оставили там. Женщина с большой осторожностью извлекла это и начала есть. (У этой женщины не было мужа, и она жила одна.) Она сказала себе: “Это восхитительная еда, и приготовлена она так хорошо”, - и снова и снова отмечала про себя восхитительный вкус мяса мальчиков. Наконец Масеве воскликнула: “Ты ешь не нашу плоть, а нашу иису”, - и она огляделась вокруг, но никого не увидела. Тогда Уйууев крикнула: “Ты ешь нашу айсу”, - и снова она прислушалась и огляделась по сторонам, но никого не увидела. Мальчики продолжали звать ее, но прошло некоторое время, прежде чем она обнаружила их сидящими

в дальнем конце комнаты. “Какие же вы плохие мальчики, - воскликнула она, - я думала, что ем вашу плоть”. Женщина поспешила выйти из дома, и, пощекотав горло пальцем, ее вырвало потрохами.

Она снова послала мальчиков за дровами, велев им принести побольше, и они вернулись с большими грузами на спинах, и она послала их во второй раз, и они вернулись с другим количеством. Затем она снова развела огонь в маленьком домике и ушла из него, и двое мальчиков воскликнули: “Какой большой огонь!” и Масеве позвал женщину: “Иди сюда и посмотри на этот огонь; посмотри, какая теплица; я думаю, на этот раз мы с братом умрем”; и женщина наклонилась, чтобы посмотреть на огонь, и Масеве сказал ей: “Отвернись туда. Смотри, на этот раз мы точно умрем. Смотри! там самое горячее место!” он стоял позади женщины и указывал через ее плечо, женщина наклонила голову еще ниже, чтобы лучше видеть, и сказала: “Да, огонь лучше всего разводить там”. “Да, ” сказал Масеве, “ там очень жарко”, - и Скойо преисполнился интереса и внимательно заглянул в дом. В конце концов мальчики заставили ее наклониться очень низко, так что ее лицо оказалось рядом с дверным проемом, толкнули ее на горячие угли, и она сгорела заживо.

Мальчики обрадовались, и Масеве сказал: “Теперь, когда женщина мертва, давайте пойдем к ней домой”. Дом показался им очень большим, со множеством комнат и дверей. В середине этажа была маленькая круглая дверь, которую Масеве поднял и, заглянув внутрь, обнаружил, что внизу было очень темно. Указывая вниз, он сказал: “Хотя я не могу видеть, я думаю, что это самая красивая комната. Думаю, я спущусь вниз; возможно, мы найдем много хороших вещей”. Как только он вошел в дверь, он исчез из поля зрения и перестал слышать. Уйуев, не получив ответа на свои призывы, сказал себе: “Масеве нашел внизу много прекрасных вещей, и он не ответит мне; я пойду и посмотрю сам”. Войдя в дверь, он ничего не знал, пока не оказался рядом со своим старшим братом, и, проходя через дверной проем, мальчики снова и снова падали в нижний мир.

Когда Масеве добрался до этого нового мира, он был без сознания от падения, но через некоторое время он пришел в себя настолько, что смог сесть, когда увидел, что Уйуев падает, и он упал рядом с Масеве, который был почти мертв, и Масеве сказал: “Младший брат, почему ты последовал за мной?” Через некоторое время Уйуев смог сесть, и Масеве заметил: “Младший брат, мне кажется, мы попали в другой мир. Я не знаю, где мы находимся, и я не знаю, который сейчас час. Я думаю, что сейчас примерно середина дня. Что ты думаешь?” Уйуев ответил: “Тебе виднее, старший брат; все, что ты считаешь правильным”, и Масеве сказал: “Хорошо. Давайте теперь перейдем дорогу к дому, куда вечером заходит солнце, потому что я думаю, что это тот мир, куда наш отец, солнце, возвращается ночью”.

Вскоре после полудня Масеве шел впереди Уйуева, который шел совсем рядом, и сказал своему младшему брату, когда тот услышал какой-то шум: “Мне кажется, мы приближаемся к деревне”. Когда они подошли немного ближе, то услышали бой барабана и предположили, что на площади идет пир, и вскоре они увидели деревню и увидели, что там был большой пир. Все люди собрались на площади. “Чита” находилась недалеко от деревни, и в ней никого не было, как обнаружили мальчики, когда подошли к ней и поднялись по лестнице. Масеве сказал: “Это чита. Позвольте нам войти”. Способ входа показывает, что эта чита была построена над землей. Вторгнувшись в читу, они нашли ее очень большой и очень красивой, а на стенах висело множество прекрасных луков и стрел. Они взяли луки и, осмотрев их, сказали друг другу: “Какие прекрасные луки и стрелы! Все они прекрасны. Смотри”, и им не терпелось ими завладеть. Масеве предложил, чтобы каждый из них взял лук и стрелы и поспешил прочь, сказав: “Все люди на площади смотрят на танец, и никто нас не увидит”; и

они поспешили покинуть читу со своими сокровищами. Масеве сказал: “Младший брат, давай вернемся той дорогой, откуда мы пришли”.

Но прошло немного времени, когда одному человеку довелось посетить читу, и он сразу же обнаружил следы, а войдя, обнаружил, что луки и стрелы были украдены; поспешив на площадь, он сообщил людям о краже, сказав: “Двое мужчин вошли в читу. Я видел их следы”, и люди закричали: “Давайте последуем за ними”, - и побежали по дороге, по которой ушли мальчики. Мальчики почти достигли точки, в которой они зажглись, когда вошли в этот нижний мир, когда люди были совсем близко от них.

Малышам пришлось бежать изо всех сил, но они крепко держались за свои луки и стрелы, и как только они ступили на то место, где упали, когда спускались, а их преследователи были совсем близко, вихрь унес их наверх, через дверь, обратно в дом скойо. Масеве сказал: “Младший брат, давай поспешим к нашей матери. Ей, должно быть, грустно. Как ты думаешь, что, по ее мнению, с нами стало?” Уюевё ответил: “Я думаю, она думает, что нас убили”. Мальчики направились к своему дому. Когда они были еще далеко от своего дома, Масеве спросил: “Младший брат, как ты думаешь, где были сделаны эти луки и стрелы?” Держа их перед глазами, пока говорил, он сказал: “Я думаю, что они очень хороши”. Уюевё заметил: “Да, они прекрасны”.

Затем Масеве выпустил одну из стрел на большое расстояние, и она произвела много шума, и была очень красивой и красной. Уйуевё также выстрелил одной из своих. “Младший брат, - сказал Масеве, - это прекрасные стрелы, но они проделали большой путь”. Когда они были недалеко от дома своей матери, они снова воспользовались своими луками и были так восхищены светом, излучаемым стрелами, что каждый стрелял еще и еще. Мать и бабушка, услышав шум, выбежали из своего дома и сильно встревожились, когда посмотрели на Тинию и увидели вспышки света, а затем они обе упали как мертвые. До этого времени стрелы-молнии не были известны на этой земле, поскольку люди-молнии до настоящего времени не позволяли ни одной из своих стрел упасть на землю. Когда мать пришла в себя, она очень рассердилась и спросила мальчиков, где они нашли такие стрелы и почему принесли их домой. “О, мама, - воскликнули мальчики, - они такие красивые, и они нам очень нравятся”.

Мальчики оставались дома три дня, а на четвертый день они увидели множество хе'[а] ш (облаков, похожих на равнины), приближающихся и несущих стрелы, которые мальчики выпустили в сторону Тинии, и когда облачный народ оказался над домом мальчиков, они начали поливать землю; пошел очень сильный дождь, и вскоре начали падать стрелы. Масеве радостно воскликнул: “Смотри, младший брат, люди молнии вернули нам наши стрелы, давай пойдем и соберем их”. Облачный народ работал два дня, посылая дождь, а затем вернулся к себе домой.

Масеве сказал своей матери: “Мы пойдем сейчас и пройдемся по окрестностям”. Она умоляла их не уходить далеко. “На западе, ” сказала она, ” водится очень плохая антилопа. Он съест тебя.” Масеве пообещал матери, что они не уйдут далеко, но, оказавшись недалеко от дома, он сказал своему младшему брату: “Почему мама не хочет, чтобы мы шли туда?” - указывая на запад. “Пойдем”. Уйуевё ответил: “Нет, мама этого не хочет”. Масеве в конце концов убедил его, и, когда мальчики подошли к дому антилопы, они обнаружили его. Там не было ни травы, ни растительности, а только песчаная равнина без деревьев и камней. “Я думаю, он один из тех людей, которые, как сказала мама, съедят нас”. Уйуеве ответил: “Думаю, да”. Затем Масеве сказал: “Давай подойдем немного ближе, младший брат”. “Ты знаешь, что будет лучше всего, - ответил Уйуев, - я сделаю все, что ты скажешь, но я думаю, что если ты подойдешь ближе, он убежит”. Некоторое время они совещались, и пока они разговаривали, маленький китаец (крот) вышел из своего дома и сказал: “Мальчики, спускайтесь в мой дом”. “Нет, ” сказали они, “ мы хотим убить антилопу”, и Масеве добавил: “Я думаю, ты все о нем знаешь”. “Да, - сказал крот, - я был рядом с ним и обошел его”. Затем Масеве попросил его пойти в его дом и подготовить для них дорогу, чтобы антилопа не обнаружила их приближения. И крот проложил подземную дорогу к тому месту, где стояла антилопа (антилопа смотрела на запад), и просверлил крошечную дырочку в земле над этим туннелем, и, заглянув в нее, он посмотрел прямо на сердце антилопы; он мог видеть его пульсацию. “А, по-моему, это хорошо”, - воскликнул он и, вернувшись, поспешил сообщить об этом мальчикам. “Теперь все хорошо, ” сказал крот. “ ты можешь войти в мой дом и подойти к антилопе”. Когда они достигли крошечного отверстия в земле, Масеве поднял голову и сказал: “Смотри, младший брат, прямо над нами сердце антилопы; я выстрелю первым”; и, направив стрелу в сердце антилопы и сильно натянув лук, он пронзил сердце, древко почти до конца вошло в тело. “Мы убили антилопу”, - крикнул Масеве. - “Теперь давайте быстро вернемся по подземной дороге”. Пока мальчики были еще в этом туннеле, антилопа, которая не была убита выстрелом сразу, обезумела от ярости и побежала сначала на запад, чтобы найти своего врага, но никого не увидела; затем он побежал на юг и никого не нашел; затем он повернул на восток с тем же результатом, а затем на север и никого не увидел, и он вернулся к тому месту, где в него стреляли, и, посмотрев на землю, обнаружил крошечное отверстие. “А, - сказал он, - я думаю, внизу кто-то пытался убить меня”. К этому времени

мальчики были уже довольно далеко от отверстия, через которое прошла стрела. Антилопа просунула свой левый рог в отверстие и, разрывая землю, побежала над туннелем. Это было все равно что воткнуть нож под кусок шкуры; но он прошел совсем немного, когда упал замертво. Затем юноши вышли из дома крота и закричали: "Смотрите! антилопа мертва".

Масеве сказал: "Младший брат! пойдем и добудем мяса антилопы". Уйууей заметил: "Возможно, он еще не умер". Крот сказал: "Вы, мальчики, подождите здесь; я пойду посмотрю, жив ли он еще", и, осмотрев его и обойдя вокруг, он обнаружил, что тело совсем холодное, и, вернувшись к мальчикам, сказал: "Да, мальчики, антилопа мертва". "Возможно, вы говорите неправду", - сказал Масеве, но крот повторил: "Антилопа мертва". Однако Масеве настоял, чтобы крот еще раз осмотрел его, и маленькое животное нанесло повторный визит. На этот раз он окунул руки в кровь из сердца животного и растер ее по всему лицу, голове, туловищу, рукам и ногам, потому что Масеве обвинил его во лжи, и на этот раз он хотел иметь при себе доказательства смерти антилопы; и, вернувшись к мальчикам, он крикнул: "Смотрите, мальчики, я весь в крови, а я не лгал". Тогда Масеве предложил, чтобы они пошли втроем; и когда они добрались до антилопы, Масеве разрезал грудку своим каменным ножом, проведя ножом от горла вниз. Затем мальчики освежевали антилопу; Масеве разрезал сердце и плоть на кусочки, бросив куски на север, запад, юг и восток, заявив, что отныне антилопа не должна быть врагом его народа, сказав: "Ее мясо послужит пищей для моего народа". Обращаясь к антилопе, он приказал: "С этого момента ты будешь есть только растительность, а не мясо, ибо мое племя будет питаться твоим мясом". Затем он сказал кроту: "Кишки антилопы послужат тебе пищей", и крот был очень доволен и быстро ответил: "Спасибо, спасибо вам, мальчики".

Теперь мальчики вернулись домой к своей матери, которая, встретив их, спросила: "Где вы были? Тебя долго не было; я думал, ты умер; где ты был? Масеве ответил: "Мы были в доме антилопы, которая ест людей". Мать сказала: "Вы очень непослушные мальчики". Масеве продолжил: "Мы убили антилопу, и теперь все великаны, пожиравшие наш народ, уничтожены, и все жители деревень будут счастливы, и настанут хорошие времена".

После того, как Масеве и Уйуев уничтожили гигантских врагов мира, люди были счастливы и не боялись путешествовать; даже маленькие дети могли отправиться в любую точку земли, и во всех деревнях царили постоянные пиршества и ликование.

Ораиби устроили большой пир (в то время ораиби не жили в своем нынешнем пуэбло); Масеве и уйууей пожелали присутствовать на празднике, и, сказав своей матери об их желании, она согласилась на их посещение. Когда они были недалеко от деревни Ораиби, они обнаружили жилище пчелы, и Масеве сказал: "Посмотри, брат, на пчелиный дом; пойдем внутрь; я думаю, там много меда". Они нашли большие соты, полные меда, и Масеве предложил своему брату, чтобы они покрыли медом все свое тело, чтобы ораиби не узнали их и приняли за бедных, грязных мальчишек; "потому что такими, какие мы сейчас, нас знает весь мир, а сегодня пусть мы будем неизвестны". "Хорошо!" - сказал Уйууей, и они намазали себя медом. "Теперь, " сказали мальчики, - мы готовы к пиршеству. Это будет хорошо, потому что ораиби - очень хорошие люди ". Придя на площадь, они обнаружили большое скопление людей, а крыши домов были переполнены теми, кто смотрел на танец. Мальчики, которые подошли к площади с узкой улочки в деревне, некоторое время стояли у входа. Масеве заметил: "Я думаю, все люди смотрят на нас и думают, что мы очень бедные мальчики; посмотрите, как они ходят взад и вперед и не заговаривают с нами"; но через некоторое время он сказал: "Мы немного проголодались; давайте прогуляемся и посмотрим, где можно найти что-нибудь поесть". Они заглянули во все дома, выходящие окнами на площадь, и увидели пирующих внутри, но никто не пригласил их войти и поесть, и хотя они осмотрели каждый дом в деревне, их пригласили только в один. В этом доме женщина

сказала: “Мальчики, заходите и ешьте; я думаю, вы проголодались”. После ужина они поблагодарили ее, сказав: “Все было очень вкусно”. Тогда Масеве сказала: “Ты, женщина, и ты, мужчина, - обращаясь к своему мужу, - ты и вся твоя семья хороши. Мы ужинали в вашем доме; мы очень благодарны вам; а теперь послушайте, что я хочу сказать. Я хочу, чтобы вы и все ваши дети ушли подальше в другой дом; в дом, который стоит отдельно; круглый дом в стороне от деревни. Все вы побудете там некоторое время ”. Затем мальчики ушли. После того, как они ушли, женщина отпила из чаши, которой они пользовались, и, причмокнув губами, сказала своему мужу: “В этой чаше что-то очень сладкое”. Тогда все дети выпили из него, и вода показалась им сладкой, и женщина сказала: “Давайте исполним волю этих мальчиков; пойдем в дом”; и, когда муж согласился, они со своими детьми пошли в круглый дом и остались там на некоторое время.

Масеве и Уйуевё задержались неподалеку от деревни, а люди танцевали на площади и пировали в своих домах, как вдруг все они превратились в камень. Те, кто танцевал, и те, кто пировал, и матери, кормящие младенцев, все были одинаково окаменевшими; и существа, покинув эти тела, немедленно вознеслись и сразу же стали пиньонеро (канадской сойкой). Мальчики, вернувшись к себе домой, сказали: “Мама, мы хотим есть; мы голодны”. Их мать спросила: “Почему ты голоден; ты что, недостаточно наелся на пиру?” “Нет, мы очень голодны и хотим что-нибудь съесть”. Мать снова спросила, хороший ли это был пир. “Да, - сказал Масеве, “ но мы голодны”. Мать, заподозрив неладное, заметила: “Боюсь, вы были плохими мальчиками; боюсь, вы разрушили ту деревню перед тем, как уехать”. Масеве ответил “Нет”. Четыре раза мать выражала свои опасения по поводу того, что они разрушили деревню. Затем Масеве признался: “Да, мы действительно уничтожили деревню. Когда мы отправились на праздник в Ораиб, у нас весь день были голодные желудки, и нас не просили есть нигде, кроме как в одном доме ”. И когда мать услышала это, она рассердилась, и Масеве продолжил: “И это причина, по которой я разрушил деревню [P1: ошибка принтера]”, и мать воскликнула: “Это хорошо! Я рад, что ты уничтожил этих людей, потому что они были подлыми и плохими”.

Когда мальчики пробыли дома всего два дня, их сердца подсказали им, что в деревне, расположенной в руинах примерно в 18 милях к северу от нынешнего пуэбло Сиа, должен состояться великий танец камсуны. Тиямони из этой деревни через своих чиновников пригласил всех жителей всех ближних и дальних деревень прийти на великий танец. Масеве сказал своей матери и бабушке (женщине-пауку): “Мы идем в деревню посмотреть танец камсуны”. Они ответили: “Мы не очень-то хотим, чтобы вы уезжали, потому что вы, Масеве и Уйуев, оба непослушные мальчики. Когда вы уезжаете в деревни, вы совершаете плохие поступки. В Ораиб ты обратила людей в камень, и, возможно, ты будешь вести себя в этой деревне так же, как в Ораиб ”. Масеве ответил: “Нет, мама, нет! Мы идем только посмотреть на Камсуну, и мы хотим пойти, потому что знаем, что это будет великий танец; мы очень хотим увидеть его и не будем поступать так, как мы поступили в Ораиб ”. Наконец мать и бабушка сказали: “Если вы согласны пойти и вести себя как хорошие мальчики, мы согласимся”. Это было далеко, и мальчики несли свои луки и стрелы, которые подарил им их отец, солнце. Они отошли совсем недалеко от своего дома, когда солнце велело каждому из них взять по стреле, и отец натянул свой лук, выпустив обе стрелы одновременно, и стрелы ударились о землю недалеко от того места, где должен был начаться танец. Мальчики слезли со своих стрел и пошли в деревню. Все удивлялись, как они могли добраться до деревни за такое короткое время. Мальчики остановились у двери одного дома и, заглянув внутрь, увидели множество людей, которые ели. Они постояли там некоторое время, но их не пригласили войти, и они переходили от двери к двери, как это было в Ораиб, и никто не пригласил их поесть. Это была очень большая деревня, и мальчики бродили по ней весь день, и они были очень сердиты. Обнаружив дом немного в стороне от деревни, Масеве

сказал: “Пойдем туда”, - указывая на дом; “Возможно, там мы сможем раздобыть еду”, и, подойдя к двери, они были встречены мужчиной, женщиной и детьми, живущими в доме, и приглашены поесть. Мальчики, как и прежде, были замаскированы медом, намазанным на их тела. После трапезы Масеве, обращаясь к мужчине и женщине, сказал: “Вы и ваши дети - первые и единственные, кто пригласил нас войти в дом и поесть, и мы счастливы, и мы благодарим вас. Мы были в этой деревне весь день и до сих пор ничего не ели. Я думаю, люди не хотят, чтобы мы ели с ними. Почему ваш тиямони пригласил людей из всех деревень приехать сюда? Он, конечно, не был рад нас видеть. Вы (обращаясь к мужчине и женщине) и ваши дети должны покинуть эту деревню и уйти подальше. Для вас будет лучше так поступить”.

И не успела эта семья подчиниться приказам мальчиков, как жители деревни превратились в камень, как раз когда они проходили мимо, Камсуны выстроились в очередь для танца, некоторые из них подняли руки. Никогда не было известно, что стало с существами камсун. Затем Масеве сказал: “Младший брат, что ты теперь думаешь?” Уйуев ответил: “Я вообще не думаю; ты знаешь”. “Да, - сказал Масеве, - и я думаю, что, возможно, я не вернусь в свой дом, в дом моей матери и бабушки. Я думаю, мы туда не вернемся; мы превратили жителей двух деревень в камень, и я думаю, наша мать будет очень несчастна”. И снова Масеве спросил: “Что ты думаешь?” и Уйуев ответил: “Я вообще не думаю; ты, Масеве, ты хорошо думаешь”. Затем Масеве сказал: “Хорошо; думаю, теперь я хотел бы пойти повидать нашего отца”. “Что ж, - сказал Уйуев, - пойдем к нему”.

В тинии была огромная радуга (Каш-ти-артс); ноги лука были на земле, а голова касалась небес. “Пошли отсюда”, - сказали мальчики. Они ступили на радугу, и за короткий промежуток времени мальчики достигли своего отца, солнца, которое было в середине небес. Лук летел быстро. Солнце увидел мальчиков, приближающихся на носу корабля, и понял, что это его дети. Он всегда присматривал за ними, и когда они приблизились, отец сказал: “Дети мои, я очень рад видеть вас. Ты уничтожил всех великанов земли, которые пожирали мой народ, и я доволен, что их больше нет; и хорошо, что ты обратил жителей двух деревень в камень. Они не были хорошими людьми”. Тогда Масеве сказал: “Отец, послушай меня, пока я говорю. Мы хотим, чтобы ты сказал нам, куда идти.” “Да, - сказал отец, - я так и сделаю; я знаю, где тебе лучше всего устроить свой дом. Теперь все люди на земле хорошие и будут хорошими с этого момента (имеется в виду уничтожение Sia каннибалами). Я думаю, для тебя будет лучше поселиться там, высоко над землей, - он указал на гору Сандия, “ и не возвращаться к людям земли”. “Хорошо, отец мой, - ответил Масеве. - мы довольны и счастливы сделать так, как ты говоришь”.

Прежде чем покинуть свой народ, Масеве организовали культовые общества верхнего мира. Затем эти крошечные герои поселились на горе Сандия, где с тех пор и остаются, путешествуя, как и прежде, на радуге.

Крошечные следы этих мальчиков можно увидеть у входа в их дом (кратер горы) по доброте душевной, но такая привилегия предоставляется только тиямони и некоторым теургам, только у них одних сердца совершенны; и они утверждают, что, заглянув через дверь в дом, они увидели дыни, кукурузу и другие продукты, которые были только что собраны.

По истечении четырех лет тиямони пожелали отправиться дальше, к центру земли, но, прежде чем они ушли далеко, они, к своему ужасу, обнаружили, что воды начали подниматься, как в нижнем мире, и вся земля превратилась в одну огромную реку. Вода доходила почти до края плато, на которое они поднялись в целях безопасности. Тиямони сделал много подношений из перьев и других драгоценных предметов, чтобы умиловить наводнение, но это не остановило разгневанные воды, и поэтому он одел юношу и девушку

в их лучшие одеяла, украсил их множеством драгоценных бусин и сбросил их с вершины горы; и сразу же вода начала отступать. Когда земля снова стала видна, она была очень мягкой, так что, когда животные спускались с плато, они проваливались по плечи. Земля была разгневана. Тиямони созвал Общество Капана и сказал: "Я думаю, вы знаете, как сделать землю твердой, чтобы мы могли пройти по ней", и теург этого ордена ответил: "Я думаю, что знаю". Для укрепления земли использовались те же средства, что и в предыдущем случае. Вернувшийся теург Капаны сказал: "Отец, я работал по всей земле, и теперь она затвердела". "Это хорошо," сказал тьямони, "я доволен. Через четыре дня мы отправимся к центру земли".

Во время путешествия Сиа из белого дома на север они построили много деревень. Эти деревни находились близко друг к другу, так как Sia не хотела уезжать далеко за один раз. Наконец, придя к выводу, что они почти достигли центра земли, они решили построить постоянный дом. Тиямони, желая, чтобы это была точная модель их дома из белого камня на севере, созвали совет, чтобы он мог получить информацию о строительстве белой деревни и т.д. "Я хотел бы, - сказал тиямони, - построить здесь деревню по образцу нашего белого дома на севере, но я не могу отчетливо вспомнить, как был построен этот дом", и в группе не нашлось никого, кто мог бы дать подробный отчет о плане. Совет проводился ночью, и тиямони сказал: "Завтра я отправлю кого-нибудь в белый дом и тщательно осмотрю его. Я думаю, что Сисика (ласточка) хороший человек; у него хорошая голова; и я думаю, что отправлю его в белый дом", - и, подзвав Сисику, он сказал: "Слушай внимательно; Я хочу, чтобы ты поехал и изучил структуру белого дома на севере; узнай все об этом и принеси мне все подробности о зданиях; как один дом соединяется с другим". Сисика ответил: "Очень хорошо, отец; я уйду рано утром". Хотя расстояние было большим, сисика посетил белый дом и вернулся в тиямони вскоре после захода солнца (в полдень). "Отец," сказал Сисика, "я внимательно осмотрел белый дом на севере, облетев его весь. Я хорошо осмотрел его и могу рассказать вам все о нем". Тиямони был доволен, потому что он много думал о белом доме, который был очень красив.

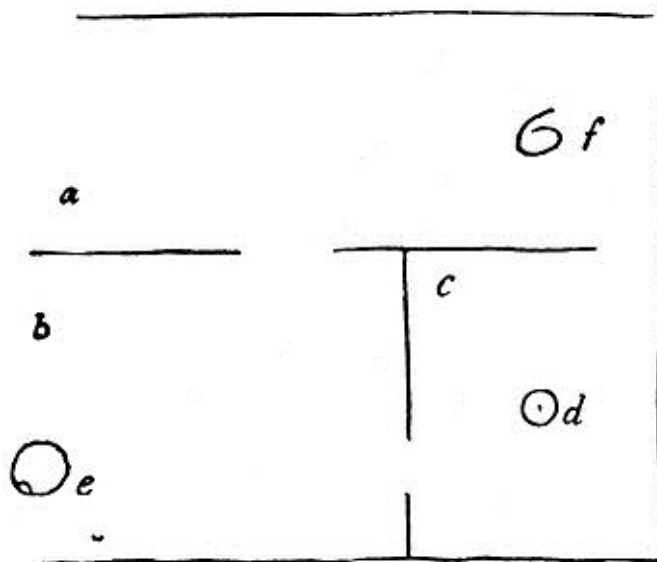

Рис. 15. Схема белого дома севера, нарисованная теургом.

Линиями обозначены дома.

Улица.

Площадь.

Площадь.

Дверь северного ветра.

Великая чита.

Кугуар, мать северной деревни.

Он сразу же приказал всем рабочим приступить к работе, поскольку строительство деревни по плану, изложенному Сисикой, требовало большого труда. После завершения строительства этой деревни тиямони назвали ее Коасайя. Она расположена на руинах примерно в 2½ милях к северу от нынешнего места Сии. (Рис. 15.) Это точная копия плана, составленного теургом, который первым рассказал о космогонии автору.

Теург объяснил, что кугуар не могла покинуть свой пост в деревне белый камень на севере; поэтому рысь была выбрана ее представителем в этой деревне. И такого отверстия, как показано на *d*, в дублированной деревне не существовало, поскольку дверь северного ветра никогда не была в северной деревне. И тиямони со всеми своими людьми вошел в большую читу и провел благодарственные службы. Велика была радость по окончании строительства деревни, и люди посадили кукурузу, и вскоре у них были прекрасные поля.

Sia заняли эту деревню во время своего визита из Пошайянне, квазимессии, после того, как он достиг своего величия, и когда он совершил экскурсию по пуэбло перед отъездом в Мексику.

Пошайянне родился от девственницы в пуэбло Пекос, штат Нью-Мексико, которая забеременела, съев два ореха пиньон. Автор узнал от доктора Шилдса из Арчулеты, штат Нью-Мексико, что у индейцев Джемес есть похожая легенда. Когда нужда и голод выгнали индейцев пекос из их пуэбло, они искали убежища у джемесов. Филологи утверждают, что языки пекос и джемес принадлежат к одному и тому же племени. Женщина была очень огорчена рождением своего ребенка, и когда он был совсем маленьким, она бросила его и закрыла перед ним свои двери. Он добывал пищу и кров, как мог; из одежды у него не было ничего, кроме лохмотьев, сброшенных другими. Еще маленьким мальчиком он следовал за тьямони и теургами в читу и сидел отдельно у лестницы, слушая их мудрые разговоры, а когда они просили прикурить для своих сигарет, Пошайянне передавал марку от одного к другому. Но никто никогда не заговаривал с ним и не благодарил его, но он продолжал следовать за мудрецами в читу и зажигать их сигареты. Даже когда он достиг возраста, когда других юношей приглашали посидеть с тиямони и теургами и узнать о них побольше, с ним никогда не заговаривали и не приглашали покинуть свое место у входа.

Достигнув зрелого возраста, он, как обычно, сел в кресло и передал свет присутствующим. Велико было удивление, когда обнаружилось, что вокруг его правого запястья обвит шнурок из редчайших тюрок. После того, как он закурил все сигареты и вернулся на свое место у входа, тиямони подозвал к себе одного из своих людей и сказал: "Что это я вижу на запястье мальчика Пошайянне? Оно похоже на самые богатые тюрки, но, конечно, этого не может быть. Пойди и проверь это". Человек сделал, как ему было велено, и, вернувшись, сказал тиямони, что все действительно так, как он и предполагал. Тиямони попросил мужчину сказать юноше, что он хотел бы знать, где тот раздобыл тюрки, и что он хотел бы купить у него браслет. Когда мужчина повторил сообщение, Пошайянне сказал: "Я не могу рассказать ему, как оно оказалось у меня на запястье, и я не хочу его продавать". Когда ответ был доставлен тиямони, он сказал своему посыльному: "Возвращайся к юноше и скажи ему, что у меня есть прекрасный дом на севере. Она и все ее содержимое будут принадлежать ему в обмен на браслет. Присутствующие, услышав слова тиямони, пожалели о том, что он предложил свой дом и все, что в нем, за браслет, но они ничего не сказали, поскольку думали, что он знает лучше. Когда сообщение было доставлено Пошайянне, он сказал:

“Очень хорошо, я отдам браслет за дом и все, что в нем находится”. Затем тиямони позвал к себе Пошайянке и осмотрел браслет, и сердце его возрадовалось, потому что драгоценности были у него. Затем он попросил Пошайянке сесть, сказав: “Мы сыграем в игру Вашкаси”.^[7]

При игре в любимую игру Вашкаси (рис. 16) сорок камешков образуют квадрат, по десять камешков на каждой стороне, с плоским камнем в центре квадрата. Четыре плоские палочки, окрашенные в черный цвет с одной стороны и неокрашенные с другой, держат вертикально и бросают на камень. Тиямони бросил первым. Две черные и две неокрашенные стороны обращены вверх. Две из нарисованных сторон, лежащих вверх, давали игроку право передвинуть два камня вправо. Затем Пошайянке бросил, перевернув вверх четыре нарисованные стороны. Это давало ему право передвинуть десять камней влево. Тиямони бросил, и три раскрашенные стороны оказались обращены вверх. Это дало ему право передвинуть три камня вправо. Снова Пошайянке бросил, и все цветные стороны раскрылись, что дало ему право сделать еще десять ходов. Следующий бросок тиямони показал две цветные стороны, и он сделал еще два хода. Пошайянке бросил снова, все цветные стороны оказались открытыми; затем он сделал десятый ход. Затем тиямони бросил, и все четыре неокрашенные стороны оказались открытыми; это дало ему право на шестой ход. Пошайянке бросил, и снова все нарисованные стороны оказались открытыми, что дало ему право на десятый ход, который привел его к исходной точке и выиграл партию.

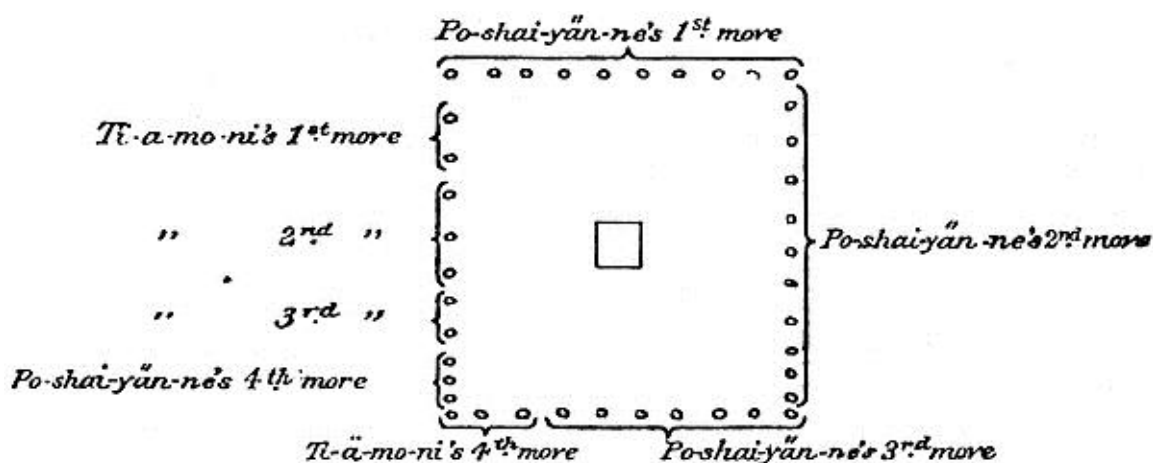

Рис. 16. Игра в Вашкаси.

На следующее утро, после того как тиямони поели, они, как обычно, отправились в читу; Пошайянке последовал за ними и занял свое место у входа, завернувшись в одеяло. Когда он подошел к тиямони, чтобы поднести зажженную палочку к его сигарете, изумление тиямони было велико, когда он обнаружил второй браслет из ко-ха-куа,^[8] на запястье Пошайянке. Каждая бусина была большой и красивой. Тиямони уговаривал Пошайянке не возвращаться на свое место у лестницы, а сесть с ними; но он отказался, и тогда был послан гонец осмотреть браслет, и рассказ этого человека пробудил в тиямони огромное желание заполучить себе этот второй браслет, а в обмен на браслет был предложен его дом на западе со всем, что в нем находилось. Этот дом был даже красивее, чем тот, что на севере. Пошайянке ответил, что если тиямони пожелает браслет, он обменяет его на дом на западе. Затем его пригласили сесть рядом с тиямони, который поставил между ними большую чашу с шестью двухдюймовыми кубиками, которые были тщательно отполированы и раскрашены с одной стороны. Тиямони сказал Пошайянке: “Возьми чашу каждой рукой и высыпь шесть кубиков. Когда выпадают три нарисованные стороны, игра выиграна; при выпадении только двух нарисованных сторон игра проиграна. Шесть раскрашенных сторон вверх эквивалентны маршу в юкре”. Пошайянке ответил: “Ты первый, не я. Ты - тиямони, а

я - никто". "Нет, " сказал тиямони, - ты играешь первым", но Пошайянке отказался, и тиямони подбросил кубики. Были подняты только две раскрашенные стороны; затем Пошайянке, взяв миску, подбросил кубики, и все раскрашенные стороны оказались поднятыми. тиямони снова попробовал свои силы, и три раскрашенные стороны оказались раскрытыми; затем Пошайянке бросил, и шесть раскрашенных сторон оказались раскрытыми. Тиямони снова бросил, открыв только две нарисованные стороны; затем Пошайянке бросил, добившись своего предыдущего успеха. Тиямони бросил, и снова две нарисованные стороны оказались открытыми. Пошайянке бросил, и шесть раскрашенных сторон, как и раньше, повернулись вверх, и таким образом ему достался второй дом. Тьямони сказал: "Мы разойдемся по домам и выспимся, а утром, после еды, вернемся в читу".

На следующее утро Пошайянке занял свое обычное место, но тиямони сказал ему: "Подойди и сядь среди нас; теперь ты больше, чем обычный человек, потому что у тебя есть два дома, принадлежавших тиямони", - но Пошайянке отказался и принялся зажигать палочку, чтобы передавать ее по кругу для прикуривания сигарет. Когда он протянул руку, чтобы прикоснуться палочкой к сигаретам, выяснилось, что на нем самый красивый браслет, красный, но не коралловый. Тиямони снова послали эмиссара для переговоров о браслете, предложив Пошайянке свой дом на юге в обмен на красный браслет. Пошайянке согласился, и снова была сыграна игра. Четыре круглые палочки длиной около 8 дюймов с полыми концами были выстроены в ряд и поверх них наброшено одеяло; затем тиямони вставил в конец одной из них круглый камешек и, сняв одеяло, попросил Пошайянке выбрать палочку с камешком. "Нет, отец мой, - сказал Пошайянке, " сначала ты. Кто я такой, чтобы выбирать раньше тебя?" но тьямони ответил: "Я положил камень; я знаю, где он". Затем Пошайянке выбрал палку и, подняв ее, увидел камешек. Затем Пошайянке набросил одеяло на палочки и положил камень в одну из них, после чего тиямони выбрал палку и поднял ее, но камня видно не было. Это повторилось четыре раза. Каждый раз тиямони терпели неудачу, а Пошайянке преуспевал, и снова дом на юге переходил к Пошайянке.

На следующий день, когда все собрались в "чите" и Пошайянке подошел, чтобы прикурить сигареты, на его запястье был замечен браслет из бусин из редких черных камней. Это заставило сердце тиямони забиться от зависти, и он решил заполучить браслет, даже если ему придется расстаться со своим домом на востоке; и он предложил его в обмен на браслет, и Пошайянке принял предложение. Затем тиямони соорудили четыре небольших холмика из песка и, накрыв их одеялом, положили в один из них небольшой круглый камень. Затем, приподняв одеяло, он попросил Пошайянке выбрать холмик, в который он положил камень. Пошайянке сказал: "Отец мой, кто я такой, чтобы выбирать раньше тебя?" Тиямони ответил: "Я положил камень и знаю, где он находится". Затем Пошайянке выбрал холм, и в том, который он выбрал, лежал камень. Установка камня повторялась четыре раза, и каждый раз тиямони терпел неудачу, а Пошайянке добивался успеха; и сердца всех людей были опечалены, когда они узнали, что этого дома больше нет, но они ничего не сказали, потому что верили, что их тиямони знает лучше. Тиямони сказал: "Сейчас мы разойдемся по домам и выспимся, а завтра, когда поедем, соберемся здесь".

Утром Пошайянке занял свое обычное место, войдя вслед за остальными. Когда он предложил зажженную палочку для сигарет, люди были поражены, потому что на запястье Пошайянке был еще один браслет из тюрков изумительной красоты, и когда тиямони обнаружил его, его сердце возгорелось жадой, и он послал одного из своих людей предложить его дому зенита. Пошайянке ответил, что отдаст браслет за дом. В этом доме было много драгоценных вещей. Тиямони попросил Пошайянке подойти и сесть рядом с ним; и они сыграли в игру Вашкаси, и, как и прежде, Пошайянке добился успеха, и дом зенита достался ему.

На следующее утро, когда люди собрались в чите и когда Пошайянке передавал палочку, чтобы прикурить сигареты, тиямони и все остальные увидели на его запястье еще один браслет из крупных белых бусин. Они были похожи не на сердцевину раковины, а на белые и полупрозрачные. Тиямони не мог устоять перед желанием заполучить эту редкую нитку бус и послал одного из своих людей предложить за нее свой дом надиров. Когда Пошайянке согласился на обмен, все люди были опечалены тем, что тиямони должен расстаться со своим домом, но они ничего не сказали, а тиямони был слишком доволен прекрасным сокровищем, чтобы сожалеть. Он попросил Пошайянке подойти, сесть рядом с ним и снова сыграть в игру с шестью кубиками в большой чаше. Игра прошла успешно со стороны Пошайянке, и он стал владельцем шестого дома.

На следующий день, когда все собрались в чите, тиямони сказал Пошайянке: “Приходи и сядь с нами; несомненно, теперь ты равен мне, и ты действительно богат, потому что у тебя все мои дома”, но он отказался, только проходя среди теургов и людей, чтобы предложить зажженную палочку для сигарет. Когда он протянул руку, был обнаружен браслет, более красивый, чем все остальные. Он был розовым, а камни очень крупными. Тиямони, увидев его, воскликнул: “Увы! увь! Этот дом прекраснее и драгоценнее всех остальных, но все мои дома и сокровища исчезли. У меня не осталось ничего, кроме моего народа; моих стариков и старух; юношей, девушек и малышей”. Обращаясь к людям, он сказал: “Дети мои, что бы вы подумали о своем тиямони, если бы он захотел отдать вас этому юноше за красивые бусы?” Они ответили: “Ты наш отец и правитель; ты мудр и знаешь все, что лучше для нас”; но на их сердцах были тяжесть и печаль, и тиямони колебался, ибо его сердце было тронутно мыслью о том, чтобы отказаться от своего народа, которого он любил; но чем больше он думал о браслете, тем сильнее становилось его желание заполучить его, и он во второй раз обратился к своему народу, и они ответили: “Тебе виднее, наш отец”, и люди были очень опечалены, но сердце тиямони, хотя и было тронутно, страстно желало завладеть браслетом. Он послал одного из своих людей предложить в обмен на браслет всех своих людей, и Пошайянке ответил, что отдаст браслет за людей. Затем тиямони подозвал юношу к себе, и они повторили игру в четыре палочки, выдолбленные на концах. Пошайянке увенчался успехом, и тиямони сказал: “Возьми всех моих людей; они твои; моему сердцу грустно расставаться с ними, и ты должен быть им хорошим отцом. Забирай все, что у меня есть, я больше ничего не значу”. “Нет, - сказал Пошайянке, “ я этого не сделаю, потому что, если я так поступлю, я потеряю свою власть над дичью”. Они остались вдвоем в чите и долго разговаривали, тиямони называл Пошайянке отцом, а Пошайянке называл тиямони отцом.

Через некоторое время Пошайянке решил посетить все пуэбло, а затем отправиться в Мексику.

Sia узнала его сразу по прибытии, потому что они знали о нем и пели о нем, и они искали его. Он вошел в читу в компании с тиямони (тем, кого назначил TsëT) и теургами. Только после визита Пошайянке в Sia они смогли поймать дичь. Тиямони часто отправляли этих людей на поиски дичи, но они всегда возвращались без нее, говоря, что видели животных и множество следов, но не могли поймать ни одного; и их правитель отвечал: “Увы! дети мои, вы отправляетесь за оленем и возвращаетесь ни с чем”; и так они охотились по всей земле, но безуспешно.

После разговора Пошайянке с тиямони и узнав, что он хочет дичи, он сказал: “Отец, что ты можешь для меня сделать?” И тиямони ответила: “Мои дети повсюду искали оленя, но не смогли найти ни одного; они видят много следов, но не могут поймать оленя”. “Что ж, ” ответил Пошайянке, “ я пойду поищу дичи”. Он посетил высокую гору на западе, с вершины которой ему была видна вся земля, и, посмотрев на север, он увидел на вершине большой горы белого оленя. Олень шел на юг, и он сказал себе: “Почему Сиа не может поймать

оленя?” И, посмотрев на запад, он увидел желтую антилопу на вершине высокой горы. Он тоже направлялся на юг, и Пошайянке сказал себе: “Почему они не могут поймать антилопу?” И он посмотрел на юг и увидел на великой южной горе овцу, которая тоже шла на юг, и он посмотрел на восток, и там, на высокой вершине, он увидел буйвола, который шел на юг; а затем, оглядев всю землю, он увидел, что она покрыта кроликами, крысами и всевозможными мелкими животными, и что воздух был наполнен птицами всех видов. Затем, вернувшись к тиямони, он сказал: “Моя мать, мой отец, почему ваши дети говорят, что они не могут поймать дичь? Когда я впервые посмотрел на гору на севере, я увидел оленя, а на западе я увидел антилопу, а на юге - горного барана, а на востоке - буйвола, и земля и воздух были наполнены животными и птицами”. Тьямони спросил, как он может видеть всю землю. Он усомнился в словах Пошайянке. Тогда Пошайянке сказал: “Через четыре дня я пойду и поймаю для тебя оленя”. “Хорошо, - сказал тиямони, - когда ты приведешь оленя, я поверю. До тех пор я должен думать, что, возможно, вы говорите неправду.

В течение трех дней мужчины были заняты изготовлением луков и стрел, и в течение этих дней они соблюдали строгий пост и практиковали воздержание. На четвертое утро, на восходе солнца, Пошайянке в сопровождении Масеве и Уююева, которые спустились на землю, чтобы поприветствовать Пошайянке, и мужчин деревни отправились на охоту. Они поели перед тем, как покинуть деревню, и после еды Пошайянке спросил: “Вы все готовы к охоте?” И они ответили: “Да, мы готовы”. Пошайянке, Масеве и Уююеве отправились в путь впереди остальных, и когда они были на некотором расстоянии впереди, Пошайянке развел костер и рассыпал муку на север, запад, юг и восток, чтобы олени могли прийти к нему по дорогам, по которым едят. Затем он сделал круг из еды, оставив отверстие, через которое могла пройти дичь и охотники, и когда это было сделано, все мужчины деревни сбились в группу недалеко от Пошайянке, который затем заиграл на своей флейте и, подняв ее вверх, заиграл сначала на север, затем на запад, затем на юг, а затем на восток. Олень пришел к нему по четырем дорогам и вошел в большой круг трапезы. Масеве и Уююеве призвали всех людей прийти и убить оленя. Сейчас было еще до середины дня. В кругу было много оленей, и когда люди приблизились, они сказали друг другу: “Возможно, олени большие; возможно, они маленькие”.

(Олени, найденные Sia в этом мире, сильно отличаются от тех, что обитают в нижнем мире. Обитатели нижнего мира не пришли в этот мир; их называют ситста-нэ, водяные олени. Эти олени жили в воде, но паслись за горами. Они были очень большими, с огромными рогами. Олени в этом мире намного меньше, и у них рога поменьше.)

В круг входили с юго-востока, за Масеве, проходившим по кругу слева, следовала половина людей, Уююев, проходивший справа по кругу, предшествовал остальным. Как только все они вошли, Пошайянке закрыл проход; он не вошел в круг, а встал у входа. Оленей постепенно собрали в тесную группу, а затем расстреляли стрелами. Когда все олени были убиты, с них сняли кожу, а мясо и шкуры отнесли в деревню. Когда они уходили с круга, Пошайянке сказал: “Теперь несите свое мясо домой. Отдайте самых больших оленей тиямони, а тех, что поменьше, - жителям ваших домов”. После того, как Sia отправились в свою деревню, Пошайянке уничтожил тарелку с едой, а затем вернулся к тиямони, который сказал: “Ты, действительно, сказал правду, потому что мой народ принес много оленей, и я очень доволен. Завтра мы будем убивать кроликов”. Тиямони сообщил койоту о своем желании добыть кроликов, и утром был разведен большой костер, и койот заговорил с огнем, сказав: “Мы хотим много кроликов, но мы не хотим уходить далеко”. Затем он бросил еду по сторонам света, в зенит и надир, и помолился, чтобы отец-солнце заставил маленьких

и больших кроликов собраться вместе, чтобы им не пришлось преодолевать большое расстояние, чтобы найти их, ибо так, как он, отец, пожелал, так и будет, и Масеве, и койоту. сел, пока люди собирались вокруг костра, и пропустил свои кроличьи палочки через пламя. Затем Масеве приказал им начинать охоту. Они образовали обширный круг, окружив кроликов, и большое их количество было захвачено. Некоторые были убиты ударом прямо в сердце. Было уже очень поздно, когда люди вернулись в деревню, нагруженные кроликами.

Тиямони сказал: “Послезавтра у нас будет пир”. Пошайянке согласился и сказал: “Хорошо, отец”. Все женщины усердно готовились к празднику. Половина из них работала на тиямони, а половина - на Пошайянке. Тиямони, отправившись один в дом Пошайянке, сказал: “Послушай: завтра у тебя дома будет большой пир”. Пошайянке ответил: “Нет, отец; ты старший, и это должно быть у тебя дома”. Тиямони ответил: “Очень хорошо, у меня хороший и большой дом; я поселюсь там”.

Утром, когда солнце еще только светило, тиямони расставил праздничные тарелки с кашей, хлебом и мясом; и он сказал Пошайянке, который присутствовал при этом: “Отец, если у тебя есть еда, принеси ее в мой дом, и мы устроим наш совместный пир”. Пошайянке ответил: “Хорошо, отец”. И, ко всеобщему удивлению, еда для Пошайянке немедленно появилась. Оно было разложено на столах;^[9] чаши с едой были очень красивыми, каких никогда прежде не видели. Тиямони велел Масеве пригласить людей прийти на праздник; и все, включая самых пожилых мужчин, женщин и самых маленьких детей, присутствовали. Войдя в дом, они были удивлены увиденным

они увидели на столе Пошайянке, и все, кто мог, подошли к его столу, предпочтя сидеть перед столом тиямони. Даже вода на столе Пошайянке была намного лучше, чем у тиямони; и те, кто пил эту воду и ел пищу Пошайянке, немедленно менялись, их кожа становилась белее, чем раньше; но не все могли есть с стола Пошайянке, и многим приходилось принимать пищу тиямони, и внешне они оставались такими же, как прежде.

После этого праздника Пошайянке посетил все пуэбло, а затем отправился в Чиуауа в Мексике. Прежде чем Пошайянке покинул Sia, он сказал им: “Я покидаю вас, но в другой раз я вернусь к вам, потому что эта деревня моя навсегда, и я вернусь первым в эту деревню”. Обращаясь к тиямони, он сказал: “Отец, ты тиямони, и я тоже один; мы как братья. Все люди, мужчины, женщины и дети - мои, и они твои; и я вернусь к ним снова. Жди меня. Я вернусь; и он добавил: “Вскоре придут другие люди; но до этого времени, в любое время, которое вы можете выбрать, я хочу, чтобы вы покинули эту деревню, ибо мое сердце здесь, и нехорошо, когда сюда приходят другие люди; поэтому уезжайте из этой деревни, пока они не приблизились”.

Войдя на площадь в Чиуауа, Пошайянке встретил великого вождя, который пригласил его к себе домой, где он познакомился с его дочерью. Она была очень красива, и Пошайянке сказал вождю, что он очень доволен своей дочерью и хотел бы сделать ее своей женой. Вождь ответил: “Если ты хочешь жениться на моей дочери, а она хочет выйти замуж за тебя, это хорошо”. Когда отец спросил дочь, девушка ответила утвердительно. Тогда отец и мать долго разговаривали с дочерью и сказали: “Завтра ты выйдешь замуж”. Вождь послал одного из своих чиновников сообщить всему народу, что Пошайянке и его дочь должны были утром пожениться, и многие собрались, и в доме вождя был большой пир. Многие мужчины были довольны дочерью вождя и с завистью смотрели на Пошайянке; и они вместе говорили о том, чтобы убить его, и, наконец, воины пришли в дом Пошайянке, унесли его в свой лагерь и пронзили его сердце копьем, и его враги были довольны, но жена и ее отец были опечалены. На следующий день после смерти Пошайянке он вернулся в дом своей жены, и когда его увидели живым, те, кто пытался уничтожить его, были не только разгневаны, но и

сильно встревожены; и снова его схватили, и они привязали золото и серебро к его ногам, чтобы после того, как его бросят в озеро, его тело не поднялось; но белое пушистое орлиное перо упало к нему, и когда он коснулся пера, перо поднялось, и Пошайянные вместе с ним, и он снова ожил, и он все еще жив, и когда-нибудь он придет к нам. Так говорят в Sia. Имя Пошайянные пользуется величайшим почтением; фактически, он считается их культурным героем^[10], к нему обращаются в ежедневных молитвах, и люди не сомневаются в его возвращении. Они говорят: “Он может прийти сегодня, завтра, а может быть, и не при нашей жизни”.

Вскоре после отъезда Пошайянные из Sia тиямони решил покинуть свою нынешнюю деревню, хотя ему было очень больно расставаться со своим прекрасным домом. И они переехали и построили нынешнее пуэбло Sia, деревня которого была очень обширной. Сначала у тиямони была заложена каменная площадь, которую можно увидеть и по сей день, символизирующая сердце деревни (ибо сердце должно быть, прежде чем что-либо может существовать). После строительства этой деревни престарелый тиямони прожил еще много лет, и после своей смерти он был похоронен в земле в лежащем положении. Его голова была покрыта хлопком-сырцом с прикрепленным к нему орлиным пером; его лицо было разрисовано кукурузной пылью, а к подошвам ног была приложена вата, которая лежала поверх сердца. В могилу опускали миску с едой, а над дорогой на север, той, по которой ездят после смерти, было посажено множество хачамони. Миску с едой также ставили на дорогу. Всю ночь они пели и молились в доме усопшего тиямони, а ранним утром все, кто пел, были омыты мыльной пеной из юкки, приготовленной из холодной воды.

В разрушенной деревне есть два грубо вырезанных каменных животного, которых, как предполагается, посетил Пошайянные. О них Sia всегда говорит как о кугуарах, но они говорят: “На самом деле это не кугуар, а рысь, потому что кугуар остался в белом доме на севере”.

Эта космогония представляет собой главу философии Sia, и хотя эта философия полна абсурдов и противоречий, как и все рассуждения аборигенов, она полна поэтических концепций. Они продолжают:

“Час слишком торжественный для произнесенных слов; нам должна быть дана новая жизнь”.

Их религия основана главным образом не на умиловлении, а скорее на мольбах о милостях и плате за них, а также на исполнении воли существ, которым они молятся, и тем самым на угождении им. Это первостепенное занятие в их жизни; все остальные желаемые вещи достигаются благодаря его практике. Это основа их моральных и социальных законов. Детей с младенчества учат, что для того, чтобы угодить пантеону своих мифических существ, они должны говорить одним языком, таким же прямым, как молитвенная линия, по которой эти существа проходят, чтобы войти в образы самих себя.

Из космогонии следует, что sia не получили названия своих кланов от *предков* животных, и они не верят, что их народ произошел от животных, кроме самих Sia. Зуни придерживаются аналогичной веры. Ссылка зуни на черепаху и других животных как на предков объясняется в “Религиозной жизни ребенка Зуни”.^[11]

Я придерживаюсь мнения, что более тщательное изучение североамериканских индейцев покажет, что вера в происхождение народа от зверей, растений или небесных тел не является распространенной, хотя их мифологические герои часто были потомками союза какого-либо смертного с солнцем или другим объектом почитания. В таких союзах индийской философии нет никакой тайны, ибо, поскольку личностью наделены не только одушевленные, но и неодушевленные предметы и элементы, такие существа не только

являются братьями друг другу, но и имеют такое же родство с Сиа, исходя из того факта, согласно их философии, что все они живые существа и, следовательно, все братья. Это так же четко определено в индийском сознании, как и наше признание африканца братом.

Паук - важное действующее лицо мифологии сиа, зун и тусаян. Космогония Сиа говорит нам, что паук был праймусом, создателем всего сущего. Суссестиннакоэ упоминается как человек, или, более правильно, как существо, обладающее всей властью; и поскольку Суссестиннакоэ создал сначала человека, а затем других существ для служения своему первому творению, эти существа, хотя и наделены качествами, превосходящими человеческие, чтобы служить ему, вряд ли могут быть названы богами, а скорее агентами для исполнения воли Суссестиннакоэ в служении людям его первого творения.

О Суссестиньяко следует просить через посредника *ststsēT*, который присутствует в такие моменты в фетиш-Яррико. Кошайри и Кверранна появляются вместо солнца и луны. Герои войны и воины шести гор мира, женщины сторон света, а также животные, насекомые и птицы, владеющие секретами медицины, присутствуют, когда к ним обращаются, в образах самих себя. Нельзя сказать, что Сиа практикует поклонение предкам. В то время как дорога к Шипапо (входу в нижний мир) переполнена духами людей, возвращающихся в нижний мир, и духами нерожденных младенцев, приходящих из нижнего мира, Сиа не верят в возвращение предков, когда они однажды входят в Шипапо. В то время как многие кокко (олицетворяемые людьми в масках) являются непосредственными предками зун, камсуны Сиа, также олицетворяемые мужчинами и женщинами в масках, в целом являются отдельным творением и не могут рассматриваться как имеющие какое-либо отношение к поклонению предкам.

Однако у Сиа есть нечто столь же ужасное для них, как возвращение мертвых, поскольку они верят в колдовство, причем те, кто владеет этим ремеслом, способны принимать облик собак и других зверей; и они всегда настороже, путешествуя темными ночами, особенно если путешественник - человек состоятельный, поскольку ведьмы всегда завидуют финансовому успеху других. Они вызывают болезни, забрасывая в организм змей, червей, камни, кусочки ткани и т.д. Волосы должны быть сожжены, чтобы их не нашли волшебники или ведьмы, которые, соединив их с другими вещами, бросили бы их в человека, с головы которого они были срезаны, вызвав болезнь и, возможно, смерть. Однако существует панацея от таких недугов в эзотерической силе теургов тайных культовых обществ. Мужчина был избавлен от боли в груди змеей, извлеченной из тела выдающимся теургом во время пребывания писателя в Сиа. Эффект лечения верой в Сиа был таков, что, хотя мужчина на самом деле страдал от сильной простуды, его улучшение наступило с того часа, когда змея, как предполагалось, была извлечена.

КУЛЬТОВЫЕ ОБЩЕСТВА.

Отцит, во всем руководимый Суссестиннакоу, положил начало культовым обществам нижнего мира, передав некоторым из них секреты исцеления больных.

Общества упоминаются в порядке их преемственности, большинство из них были названы в честь животных, из которых они состояли.

Первым организованным обществом была Капана, в которую входили только люди-пауки, их хо-на-ай-те,^[12] или теург, которым был сам Суссестиннакоэ; и поскольку члены этого общества были напрямую связаны с Суссестиннакоэ, они знали секреты его медицины.

Затем последовали сообщества медведя, пумы, барсука, волка и землеройки (*Sorex*).

Histiän^[13] (нож) состоял из пумы и медведя, эти два общества были объединены. Суссестиннакоэ, обнаружив, что медведь всегда недоволен и склонен рычать и убегать от людей при их приближении, решил сделать кугуара первым, а медведя вторым, объяснив это тем, что, когда люди приближались к кугуару, он сидел спокойно и смотрел на них; он не рычал и не убегал, и люди не боялись; он вызывал у них уважение, но не страх, и по этой причине Суссестиннакоэ объединил эти общества, чтобы медведь мог быть вторым и под руководством кугуара.

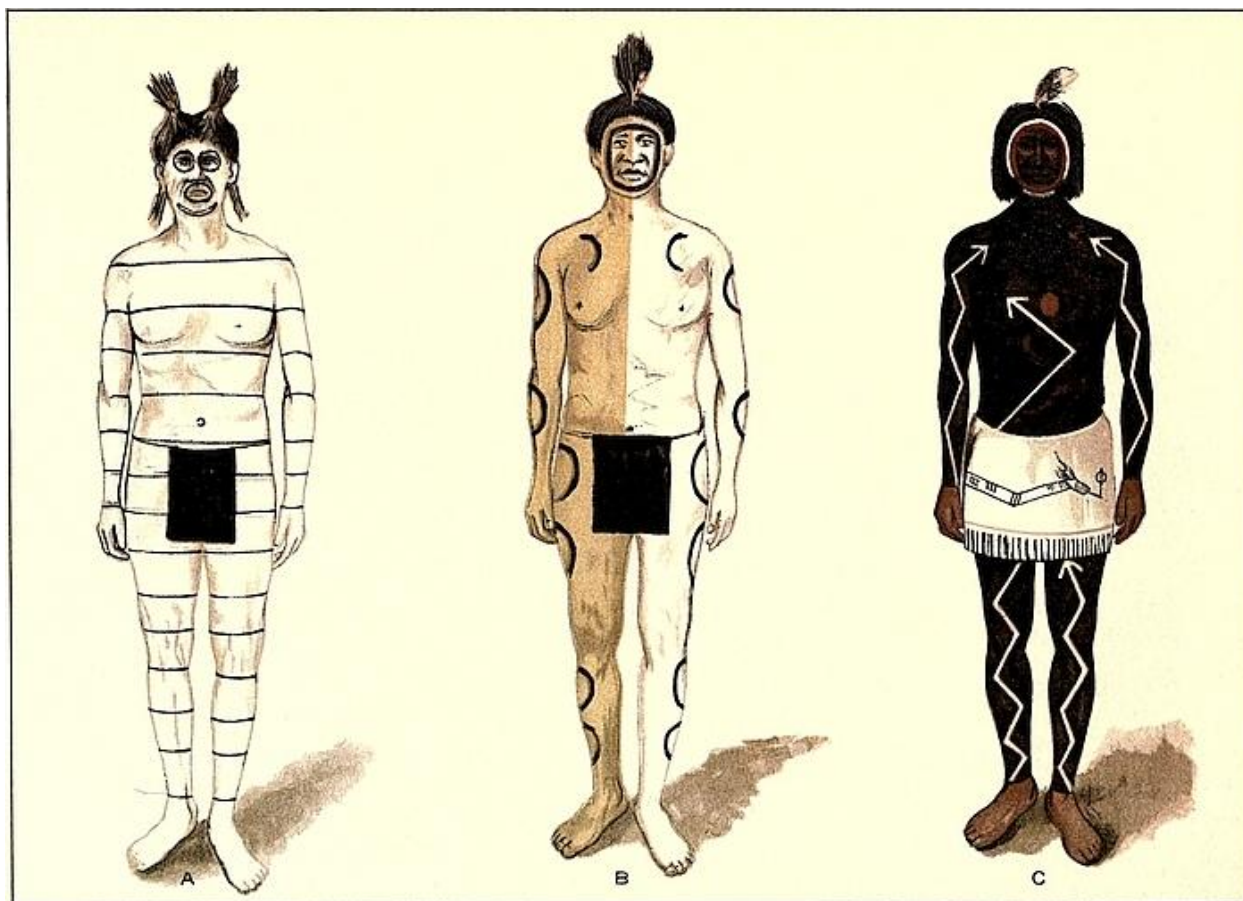
Следующими шестью организованными обществами были змеи, состоящие из змей сторон света, причем змеей севера был Скатоу (Пернатый змей), западной Каспанна, южной Кокуайры, восточной Куассры, небесной Хуваки, земной Яаи. Скатоу (Змей Севера) и Кокуайра (Змей Юга), оказывающие особое влияние на облачный народ, имеют на своих телах эмблемы облаков; Каспанна (Змей Запада) и Киссара (Змей Востока) поддерживают эзотерические отношения с солнцем и луной; следовательно, их тела раскрашены полумесяцем. Хувака (Небесный Змей) имеет тело, подобное кристаллу, и оно настолько блестящее, что глаза человека не могут остановиться на нем; он очень тесно связан с солнцем. Яай (Земной Змей) имеет особые отношения с Хаартсом (землей). Его тело покрыто пятнами, как земля, и он проходит по Хаартам, пока кто-нибудь не приближается, после чего он спешит в свой дом на земле.

Семь муравьиных сообществ последовали за змеями. Пять обществ животных, шесть обществ змей, первые три муравьиных общества и общество орла получили секреты лекарства для исцеления больных посредством процесса сосания, причем только муравей получал секрет лекарства, расчесываясь; последние четыре общества муравьев были обучены только песням для дождя. Причина такого разделения заключается в том, что только первые три муравья вызывали раздражение или припухлость от своих укусов, в то время как последние четыре были миролюбивыми муравьями. (Рис. 18.)

Следующие шесть сообществ были сообществами птиц сторон света, зенита и надира.— Ха-те-э, Птица Севера; Шас-то, Птица Запада; Ма-пе-ун, Птица Юга; Шу-ва-кай, Птица Востока; Тиами, Птица Небес (орел); Час-ка, Птица Земли (чапаральный петух). В то время как эти шесть обществ обучались песням о дожде, только орел выучил песни о врачевании. Следует отметить, что только те животные, которые считались опасными, были посвящены в секреты лекарства для исцеления больных. Все животные мира были подчинены обществам животных; все змеи мира были покорны шести обществам змей; все муравьи и другие насекомые были подчинены семи обществам муравьев, а все птицы мира - шести обществам птиц.

Следующим организованным обществом был хакан, "огонь". Суссестиннакоэ, желая иметь огонь для приготовления пищи, положил на пол круглый плоский камень и прикрепил небольшой заостренный камешек к одному концу тонкой круглой палки; затем он создал

хонаитов культовых обществ, жрецов-правителей Сиа и других индейцев, попросив каждого в надлежащей последовательности добыть огонь, растирая круглую палку между ладонями о круглый плоский камень. Когда каждый пытался развести огонь, на него и на камень набрасывали одеяло, чтобы он мог работать в совершенном уединении. Все, кто потерпел неудачу в своих усилиях (эта работа выполнялась в дневное время), были немедленно уволены. Затем он прошел через три комнаты, неся с собой огненный камень, и, войдя в четвертую, сел и долго думал, а через некоторое время попытался развести огонь, и ему это удалось. Затем Суссестиннакоа позвала Отсёт и ее главного офицера (мужчину из народа Сиа) и, вручив ей зажженную кедровую ветку, велела разжечь костер, и этот огонь горел четыре дня и ночи. Отшт, повинувшись приказу Суссестиннакоа, попросила своего офицера поставить хонаита общества змей у первой двери, хонаита Хастiana и его заместителя (кугуара и медведя) у второй и третьей дверей, а самого охранять внутреннюю дверь, чтобы никто не мог войти и увидеть огонь. На пятый день все люди обнаружили дым, который вырывался из комнаты, и они недоумевали, что бы это могло быть, потому что они еще не знали огня. На шестое утро Суссестиннакоа сказал офицеру Отс: “Теперь я организую пожарное общество и назначаю вас главным членом общества”. В это же утро хонаиты культовых обществ и жреческие правители индейцев были вызваны в зал, чтобы увидеть огонь и понять его суть. Затем хонаиты общества огня перенесли часть огня в дом правителя Сиа.

ЛИЧНОЕ УКРАШЕНИЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЧЛЕНСТВА В КУЛЬТЕ, ОБЩЕСТВЕ.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Кошайри получали непосредственно от солнца ценное лекарство от дождя, и поэтому песни кошайри - это в основном призывы к дождю, чтобы оплодотворить землю.

Должность Кверранны похожа на должность кошайри, хотя его одежда отличается, поскольку он происходит из дома луны, а не солнца. Помимо песен для дождя, солнце передало ему секрет лекарства, от которого беременели не только хаарты, но и женщины.

После того, как Сиа, животные и камсуны вошли в этот мир под предводительством матери Отт, Отт велела камсунам отправиться на запад и там поселиться. Однако перед их отъездом были изготовлены маски, изображающие их самих. Осет отправил Кошайри и Кверранну на восток, сказав первому построить свой дом рядом с домом солнца, а второму - немного севернее от дома солнца. Следует помнить, что Суссестинако послал солнце в этот мир еще до пришествия Сиа. Кошайри выполняет не только обязанности курьера между солнцем и Камсуной, но и является посредником между Sia и солнцем. (См. Стр. х.)

После ухода Кошаири и Кверранны Осат организовал два отряда, носящих их имена, чтобы они ожидали появления представителей Камсуны всякий раз, когда они должны были появиться. Предполагается, что представители Кошайри и Кверранны являются точными копиями оригиналов. Тело Кошайри окрашено в белый цвет с черными полосами; тело Кверранны наполовину желтое, наполовину белое, усеянное черными полумесяцами. Таким образом, мы видим полосы и разноцветные детали, указывающие на доисторическое происхождение арлекина. Волосы кошаири собраны спереди и перевязаны нарисованной черной и белой кукурузной шелухой. Набедренная повязка из черного хлопка ([размер x A](#)). Волосы Кверранны вытянуты вперед и завязаны так, чтобы они стояли торчком ([Рис. x B](#)).

Всякий раз, когда Камсуны появляются в Сиа, их сопровождают кошайри и Кверранна, они прислуживают Камсунам, поправляют любую из своих одежд, которая приходит в беспорядок, и т.д. Они также валяют дурака, их шутовство вызывает большое веселье у зрителей.

После избавления мира от разрушителей людей Масеве сказал тиямони из Сиа (Сиа все еще жили в белом доме): “Теперь, когда я убил плохих людей в мире, хорошо организовать общества, подобные тем, которые были учреждены *tsëT* в нижнем мире, и учиться у животных секретам медицины”. Надо понимать, что все животные были неплохими.

Первым обществом, созданным Масеве, был Хастиян, или Нож. Это общество было первым, потому что враги были уничтожены благодаря силе ножей или стрел, данных мальчикам отцом-солнцем; Хастьян, в данном случае, означает нож или стрелу молнии.

Следующим возникшим обществом было общество пумы, затем последовали общества медведя, скойо (гиганта), змеи и муравья. Хонаит каждого общества был снабжен лекарством двумя воинами, этим лекарством были кусочки сердец уничтоженных врагов; часть каждого сердца была передана каждому хонаитянину.

Затем Масеве организовал Общество Опе (Воины), назвав себя хонаитом ^[14] общества, а своего брата - его викарием. Затем Он назначил шесть человек членами общества, которые должны были постоянно проживать в шести высоких горах мира, чтобы они могли смотреть с шести сторон света и обнаруживать плохих людей, а также сообщать Сиа о приближающемся враге. Эти шестеро мужчин, совместно с Масеве и Уйуюеве, направляют стрелы Сиа, сражаясь с врагом. Следует помнить, что в “*Sia Cosmogony*” было указано, что Масеве и Ууюеве поселились в недрах горы Сандия.

Когда эти общества были сформированы, общества животных собрались в белом доме и научили хонаитов своим лечебным песням; до этого, когда Сиа болели, они получали свои лекарства непосредственно от животных, животные совершали богослужения и пели. Проинструктировав сиа в их песнях, они велели им сделать каменные изображения самих себя, чтобы, переходя дорогу трапезы, они могли войти в эти изображения; и поэтому индейцы уверены в присутствии животных. Существа проходят через очередь за едой, входя в фетиши, где они остаются до окончания церемонии, а затем уходят за линию.

Секрет огня не был принесен в этот мир, и таким образом здесь зародилось общество огня. Людям надоело питаться травой, подобно оленям и другим животным, и они вместе посоветовались, как добыть огонь. В конце концов тиямони решил, что койот - лучший человек, способный украсть огонь из нижнего мира, и он отправил за койотом гонца. Появившись, тиямони рассказал о своем желании и о том, что его народ желает огня, и что он хочет, чтобы он вернулся в нижний мир и принес огонь, и койот ответил: “Хорошо, отец; я пойду”. Дойдя до первого входа в дом Суссестиннакоа (была середина ночи), койот обнаружил, что змея, охранявшая дверь, спит, и он быстро и тихо проскользнул мимо; пума, охранявшая вторую дверь, тоже спала, и медведь, охранявший третью дверь, спал. Дойдя до четвертой двери, он обнаружил, что хонаит огня спит, и, проскользнув через нее, вошел в комнату и обнаружил, что Суссестиннакоэ также крепко спит; он поспешил к огню и, зажег кедровую головешку, которая была прикреплена к его хвосту, поспешил наружу. Суссестинако проснулся, протирая глаза, как раз вовремя, чтобы осознать, что кто-то выходит из комнаты. - Кто там? - спросил я. он закричал: “Здесь кто-то был”, - но прежде чем он успел разбудить тех, кто охранял вход, койот был уже далеко на своем пути в верхний мир.

После организации культовых обществ тиямони под влияниемёtsět приказали кугуару навсегда поселиться на севере; медведь также был отправлен на запад, барсук - на юг, волк - на восток, орел - на небеса, а землеройка - на землю.

ТЕУРГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ.

Только при знакомстве с тайными культовыми обществами можно кое-что понять из представлений индейцев о болезнях, их причинах и способах лечения. Предполагается, что он почти полностью вырабатывается одним или двумя факторами — оккультными способностями волшебников и ведъм и гневом определенных животных, часто насекомых. Следовательно, хотя этим индийцам известны некоторые растительные лекарства, можно сказать, что их *materia medica* является чисто фетишистской; ибо, когда теург использует что-либо лекарственного характера, оно должно быть дополнено фетишной медициной и магическим ремеслом.

В то время как у зуни существует тринадцать тайных культовых обществ, в Сиа их всего восемь, причем некоторые из них состоят из двух человек, а в одном случае и из одного. В то время как у зуни и сиа есть свое общество воинов, функции этих обществ несколько различаются.

Культовые общества Сиа, так же как и общества Зуни, имеют свои алтари и рисунки песком; но в то время как каждый алтарь Зуни с его лекарствами и фетишами охраняется во время церемоний двумя членами Общества Воинов, что дает право членам этого общества присутствовать на собраниях всех культовых обществ, в Сиа таких обычаев нет. Их алтари и фетиши защищены только теургами и вице-теургами соответствующих обществ. В настоящее время, из-за сокращения численности Общества Воинов зуни, у некоторых из их алтарей есть только один хранитель.

Общество воинов имеет своим руководителем и наместником, подобно зуни и другим пуэбло, представителей мифологических героев войны, которые, несмотря на небольшой рост, неуязвимы. “У них большие сердца, потому что у них сердце солнца”. Главу или директора общества называют старшим братом; викария - младшим братом.

Когда культовые общества призывают облачных людей орошать землю, присутствие определенных антропоморфных и зооморфных существ, оказывающих мощное влияние на облачных людей, обеспечивается проведением линии трапезы от алтаря ко входу в церемониальную комнату, по которой проходят эти существа, временно пребывая в своих каменных изображениях, стоящих перед алтарем. Этих существ призывают использовать свои мистические силы вместе с облачным народом для орошения матери-земли, чтобы она могла забеременеть и принести людям Хаартса (земли) плоды своего существования.

Чтобы получить их услуги, Сиа выплачивает им компенсацию. К хачамони (палочке с зазубринами), которую кладут на хранение для передачи послания, неизменно прикреплены перья, и эти подношения в виде перьев являются реальной компенсацией за желаемое. Делаются и другие подношения, среди которых игровые кубики, обручи, на которых могут кататься облачные люди, и сигареты, набитые пухом колибри, кукурузной пылью и кусочками драгоценных бусин. (Смотрите таблицу XI).

Орлов держат в клетках, а индеек одомашнивают с целью получения перьев для этих подношений.

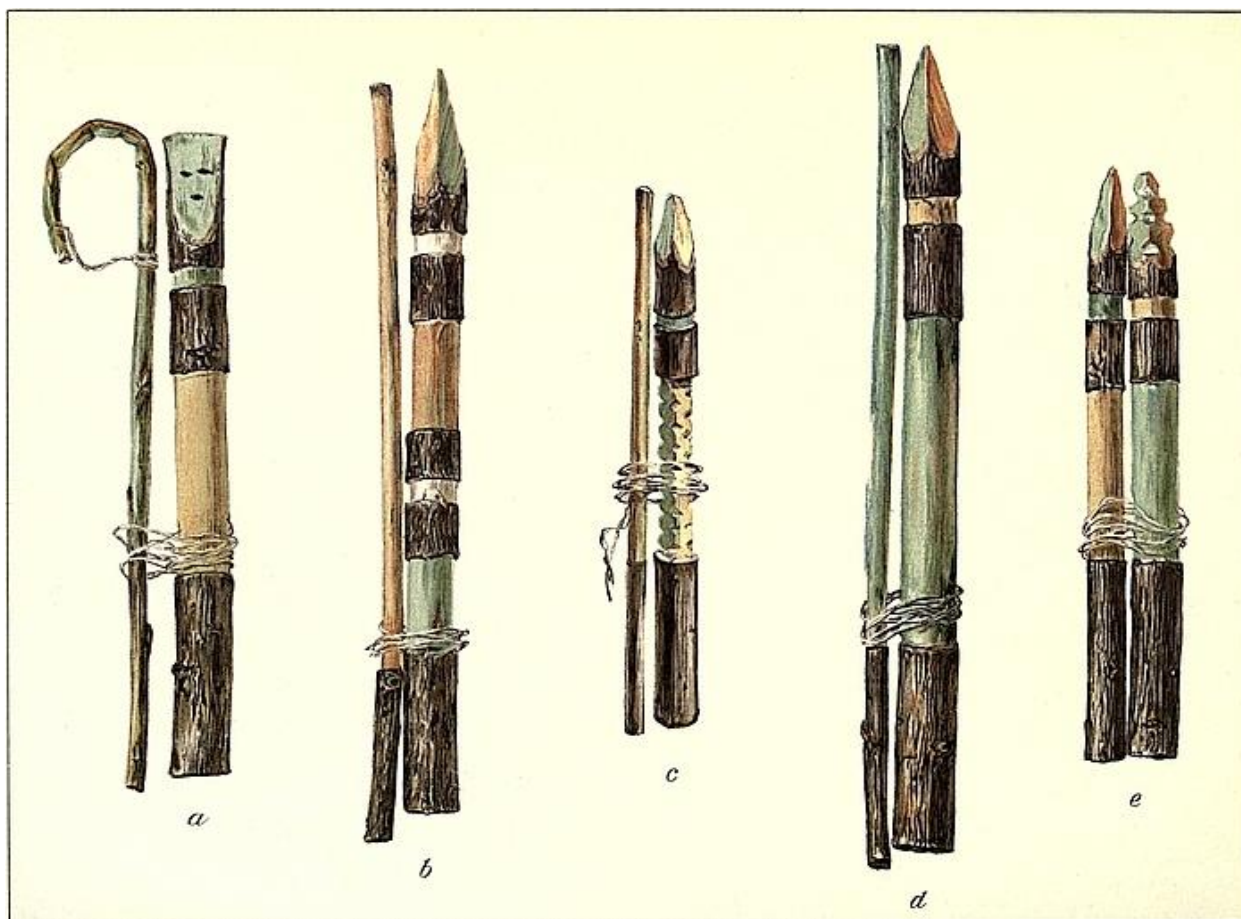
Определять время для собраний культовых обществ - прерогатива тиямони, за исключением церемоний исцеления больных по просьбе пациента или его друга. Эти собрания полностью находятся под юрисдикцией теурга, который не обладает внутри себя силой исцеления, он просто агент, действующий под влиянием тех существ, которые присутствуют в каменных изображениях.

Праздничное время - это начало нового года в декабре, когда культовые общества проводят синхронные церемонии, длящиеся четыре дня и ночи, во время которых готовятся фетишные лекарства; и те, кто страдает реальной или мнимой болезнью, собираются в зале общества, членами которого они являются, когда теурги и их последователи развивают свои мистические практики на своих подданных.

У культовых обществ есть два способа сохранить свой состав членов. Взрослый или ребенок присоединяется к обществу после восстановления здоровья теургом; и родитель может ввести ребенка в общество, или мальчик или девочка, достигшие совершеннолетия, могут заявить о желании присоединиться к обществу.

В случае с маленьким ребенком родитель по отцовской или материнской линии обращается к теургу и, сообщая о своем желании, преподносит ему горсть смеси из скорлупы,^[15] говоря: "Я хочу, чтобы мой ребенок стал членом вашего общества, чтобы его разум и сердце были сильными". В случае старшего мальчика или девочки сначала уведомляется клан, а затем претендент обращается к теургу и, поднося ему горсть смеси из ракушек, сообщает о своем желании.

Большинство обществ разделены на два или более ордена, более важным из которых является тот, члены которого владеют анагогией медицины, за исключением Общества Змей, где орден змей необходим. Человек должен пройти три ступени, прежде чем ему разрешат обращаться со змеями. Что касается несовершеннолетних, то они не могут быть посвящены в третью степень до тех пор, пока, по мнению хонаита, они не будут подчиняться жестким правилам. Человек может принадлежать к двум или более из этих обществ.

Нарисовано Мэри Ирвин Райт.

ХА-ЧА-МО-НИ ПЕРЕД ПОДНОШЕНИЕМ ПЕРЬЕВ.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Женщины могут быть членами различных орденов, за исключением обществ Змеи, Пумы или Охотников и Воинов. В Змеином подразделении Общества Змей нет женщин, а общества Кугуаров или Охотников и Воинов состоят исключительно из мужчин. Когда человек заявляет о своем желании вступить в общество, он сообщает теургу, к какому подразделению он желает присоединиться.

Нежелание обращаться со змеями ограничивает Змеиное подразделение этого общества, хотя принадлежность к этому подразделению - гораздо большая честь. При вступлении в орден врачевания любого общества новый член получает фетиш яя от теурга, который должен соблюдать воздержание за четыре дня до приготовления фетиша.

Культовые общества придерживаются двух способов лечения болезней: один заключается в сосании, а другой - в чистке тела соломинками и орлиными перьями. Первый способ практикуется, когда Ка-нат-кай-я (ведьмы) вызвали болезнь, запустив в тело червей, камни, пряжу и т.д.; второй способ наблюдается, когда человек поражен разъяренными муравьями или другими насекомыми, которых таким образом вытаскивают на поверхность и смахивают.

Медицинские церемонии культовых обществ сильно отличаются от их церемоний, связанных с дождем.

Единственная компенсация, которую получает теург за свою практику с инвалидами либо в церемониальной комнате, либо в жилище, - это смесь из священных раковин. Совершенно наоборот обстоит дело со всеми другими индейцами, с которыми знаком автор. Исцеление больных в церемониальной палате в некоторых случаях является безвозмездным, но требуется щедрая компенсация, когда теург посещает дом больного.

Воздержание соблюдается за четыре дня до церемонии, и каждое утро принимается рвотное средство для очищения от супружеских отношений. На четвертый день женатые члены семьи совершают омовение (мужчины заходят в реку) и моют головы в мыльной воде из юкки. Это делается для физического очищения. Освобождение от ответственности тех, кто не состоял в браке, и тех, кто потерял супруга, кажется странным и неразумным указом в сообществе, где люди живут вместе без разбора.

Отмеченные здесь церемонии происходили после посева зерна. Несколько таинств были проведены до приезда автора. Однако она собрала достаточно данных, чтобы продемонстрировать аналогию между церемониями дождя в тайных культовых обществах, их песнями, несущими одно бремя — мольбу о дожде.

ЦЕРЕМОНИАЛ ДОЖДЕВОГО ОБЩЕСТВА ЗМЕИ.

Утро хонаит (теург) и его викарий провели за приготовлением хачамони^[16] и подношений из перьев. Хачамони символизируют существ, которым их предлагают, послания или молитвы передаются через насечки на палочках. К этим символам часто прикреплены хурротума (более тонкие палочки, представляющие официальный посох) нитями юкки; Пожалуйста. XI и XII показывают неполный набор хачамони до того, как будут добавлены подношения из перьев, которые Общество змей откладывает, когда требуется дождь; На рис. XIII, образцы хачамони с прилагаемыми подношениями из перьев.

Около 4 часов пополудни к хонаиту и его младшему брату присоединился третий член общества, когда хонаит приступил к рисованию песком,^[17] первую картину клали непосредственно перед ачхином (планчатым алтарем), который был установлен ранее в тот же день, а вторую - перед первым (стр. XIV).

По завершении росписи хонаит положил на пол несколько длинных мешков из оленьей кожи, и все трое принялись убирать те предметы, которые должны были быть положены перед алтарем. Было шесть я, четыре из которых были собственностью хонаита, две пришли к нему через Общество Змей, а две - через Паука, он также был хонаитом Общества Пауков, остальные принадлежали вице-хонаиту и третьему члену Общества Змей.

Яя наиболее тщательно сохраняются не только из-за их священной ценности, но и из-за их внутренней ценности, поскольку перья попугаев, из которых они частично состоят, очень дороги и их трудно достать, поскольку они приобретаются у других индейцев, которые либо совершают поездки в Мексику и обменивают эти перья с индейцами этой страны, либо индейцы на границе добывают их и привозят для торговли своим более северным братьям.

Яя заворачиваются сначала в кусок мягкой ткани, затем в оленью шкуру и, наконец, в другую ткань; вокруг этого внешнего покрытия накладываются тонкие шины, а упаковки скрепляются длинной бечевкой из оленьей кожи.

Нарисовано Мэри Ирвин Райт.

ХА-ЧА-МО-НИ ПЕРЕД ПОДНОШЕНИЕМ ПЕРЬЕВ.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Развернув яю, хонаит приступает к раскладыванию фетишей. Три яя кладутся непосредственно перед алтарем на парателлограмму с едой, которая всегда рисуется у основания алтарей и символизирует места для яя. Изображение, 8 дюймов в высоту, из Kochinako (желтый женщина Севера) стоит справа от Яйский, и волк из красного песчаника, хвост довольно длине его тела, которая составляет 6 дюймов, расположенный слева от Яя, а в стороне от этого волка-медведь из черной лавы, а рядом морское ушко оболочки; две пумы из красного песчаника, около 12 дюймов в длину, размещаются справа и слева от алтаря; античной медицины чашу, искусно оформлены в змея, облако, молния и конструкции, расположен в передней части три Яя; два мелко полированные Тесла, 12 дюймов в длину, укладывают по обе стороны от медицины чашу, и эти две большие каменные ножи; два Яя стоять бок о бок в передней части чаши, а перед каждым-это змеи

погремушка, каждая погремушка имеет двенадцать кнопок; шестой Яя стоит на хвосте песок-окрашен пума; миниатюрный лук и стрелы, лежит перед каждым из шести Яя; восемь человеческие образы выстраиваются в очереди перед двумя Яя, представляющих Maasewe, Ыуиуеуё, и шесть воинов, которые живут в горах шесть кардинальных точек, тем больше показатели составляют 8 и 10 дюймов в высоту и более мелких 4 и 5, фигура воин Севера, имеющие хорошо выраженные глаза и нос на барельефе. Эта фигура украшена ожерельем из медвежьих когтей, такое же ожерелье находится вокруг ее спутника - неуклюжего каменного топора. Большинство изображений этой линейки украшены бахромой из белой шерсти вокруг лица, символизирующей облака. Перед этими фигурками изображены три фигурки кошайри высотой не более 4-5 дюймов с раковиной перед ними, а по обе стороны от раковины в глиняных подставках стоят две палочки из индюшачьих перьев, которые сначала были смоделированы в виде шара, а затем в углублении, сделанном нажатием пальца, достаточно глубоко, чтобы вместить палочку. Эти подставки высушены на солнце. Перед раковиной находится крест, единственное обнаруженное свидетельство очевидного влияния католицизма. Однако крест не является символом христианства для этих индейцев. Тот, о котором идет речь, был дан теургу Общества Змей в далекие времена священником, говорят, настолько добросердечным, что, хотя его религия не была их религией, его молитвы быстро достигли Копштайи; и поэтому их почтение к этому священнику как к честному, правдивому человеку привело их к превращению символа христианства в объект фетишистского поклонения. Крест стоит на 6-дюймовом деревянном кубе и так покрыт перьями, что видны только кончики креста, а к верхней части креста хлопчатобумажным шнуром прикреплен небольшой пучок орлиных перьев. Слева от креста помещен медведь из белого камня длиной 5 дюймов, а сразу за ним - крошечный детеныш. Справа от креста изображен волк, также из белого камня, длиной 5 дюймов. По обоим концам алтаря и перед ним находятся два массивных рельефных изображения свернувшихся змей из красного песчаника. Шкуры медвежьих лап с когтями сложены стопкой по обе стороны алтаря, а рядом с ними - трещотки из тыквы и орлиные перья, по двое, для использования участниками церемонии. Ожерелье из медвежьих когтей со свистком, прикрепленным посередине шнура, и двумя пушистыми орлиными перьями, прикрепленными к концу местным хлопчатобумажным шнуром, висит над северным столбом алтаря. Хонаиты надевают это ожерелье на вечернюю церемонию. Священный кувшин для меда (тыква) и корзина со священной едой, раковина, наполненная кукурузной пылью, мешочек для лекарств из оленьей кожи, наконечник стрелы и древняя квадратная глиняная чаша сгруппированы перед змеиным фетишем на северной стороне алтаря, а к северу от этой группы находятся другие мешочки для лекарств и палочки из индюшачьих перьев с пучками пушистых орлиных перьев с черным наконечником и другой частью, окрашенной в красивый лимонный цвет, прикрепленные к ним хлопчатобумажным шнуром. Эти палочки впоследствии передаются женщинам, которые ночью выстраиваются в очередь в северной части комнаты. Корзина тусаян, содержащая подношения, состоящие из хачамони, каждая из которых увенчана кусочком хлопка-сырца и одним пером из крыла колибри, с перьями, прикрепленными вертикально у основания; Хурро-туме (посохи), украшенные перьями, Та-ва-ка (игровые кубики и кольца, на которых можно кататься по облакам), Майк-кюр-и-ва-пай (пучки перьев птиц сторон света, зенита и надира), кладутся перед корзиной. змеиный фетиш на южной стороне алтаря, а за этой корзиной находятся жезлы, похожие на те, что находятся к северу от алтаря, которые носят во время церемонии женщины в южной части комнаты. Пять каменных ножей завершают группу. Белый каменный медведь длиной 12 дюймов помещен перед целым, а к верхней части центральной фигурной планки прикреплен попугай. (Pl. xv) К сожалению, фотография алтаря Общества Змей со вспышкой, сделанная во время церемонии, не удалась, и, опасаясь возможного провала, автору удалось попросить хонаитов установить алтарь в другое время. Страх быть обнаруженным вызвал

такую спешку, что фетиши, которые бережно хранятся в разных домах, не все были выставлены на всеобщее обозрение по этому случаю.^[18]

Когда алтарь завершен, хонаит и его сподвижники встают перед ним и молят о присутствии пайатамо и Копиштайи, которые здесь представлены изображениями самих себя, эти изображения становятся местами пребывания призванных существ. После молитвы хонаит и его викарий садятся на сложенные одеяла у камина, где горит слабый огонь, и, запасшись табаком и кукурузной шелухой, довольствуются сигаретами до начала вечерней церемонии.

К 9 часам к обществу Змей присоединилась Капана в архаичном чай-ан-ни-кай (церемониальном зале) су-сер-ра-кай, поскольку хонаайт одной организации имеет право приглашать другие общества принять участие в его церемониях. Они выстроились в шеренгу, сидя позади алтаря; хонаайт находился позади центральной фигуры с планками, которая символизировала хонаайт культового общества людей облака. Остальные участники группы сидели сзади, как можно ближе к соответствующим символическим фигурам людей-облаков и молний. Мальчик 8 лет, который спал, когда автор вошел в комнату, был разбужен, чтобы занять свое место в очереди, а мальчика 4 лет, который спал на овчине, расстеленной на полу между двумя женщинами, вывела из комнаты одна из них, поскольку он еще не достиг той ступени, когда он мог слышать песни и видеть приготовление лечебной воды.

Нарисовано Мэри Ирвин Райт.

ХА-ЧА-МО-НИ С ПРИКРЕПЛЕННЫМИ ПЕРЬЯМИ.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Женщины встали под прямым углом к шеренге мужчин: четверо сидели в северной части комнаты, а четверо - в южной. Старшая участница женского пола сидела в западном конце очереди на северной стороне комнаты. Мужчины носили набедренные повязки из белого

хлопка; хонаиты и тиямони носили вместо набедренных повязок вышитые тусайские килты. Волосы были уложены, как обычно, но на голове не было платка. Мальчик и мужчины держали о-ши-и-каты (погремушки из тыквы) в правой руке и хи-ша-ми (два орлиных пера) в левой.

Женщины были одеты в свои черные шерстяные платья, ситцевые были отброшены, и с красными поясами, украшенными обычным кием и челкой. Шея и руки были обнажены, а ступни и нижние конечности обнажены. Каждая женщина держала в правой руке по две палочки из индюшачьих перьев, и как мужчины, так и женщины носили многочисленные нитки кораллов и бус кохакуа с пучками тюрков (собственно сережек), прикрепленных к ожерельям.

Церемония началась с погремушки и песни, женщины сопровождали мужчин в песне. После короткой строфы, которая заканчивалась, как и все строфы, быстрыми манипуляциями с погремушкой, почти сразу же началась вторая строфа, когда викарий ([Стр. XVII](#)), стоящий перед алтарем, на мгновение потряс своей погремушкой, а затем помахал ею по кругу над алтарем. Он повторил это движение шесть раз по сторонам света и вернулся на свое место перед окончанием строфы. Круг указывал на то, что все облачные жители мира были призваны поливать землю.

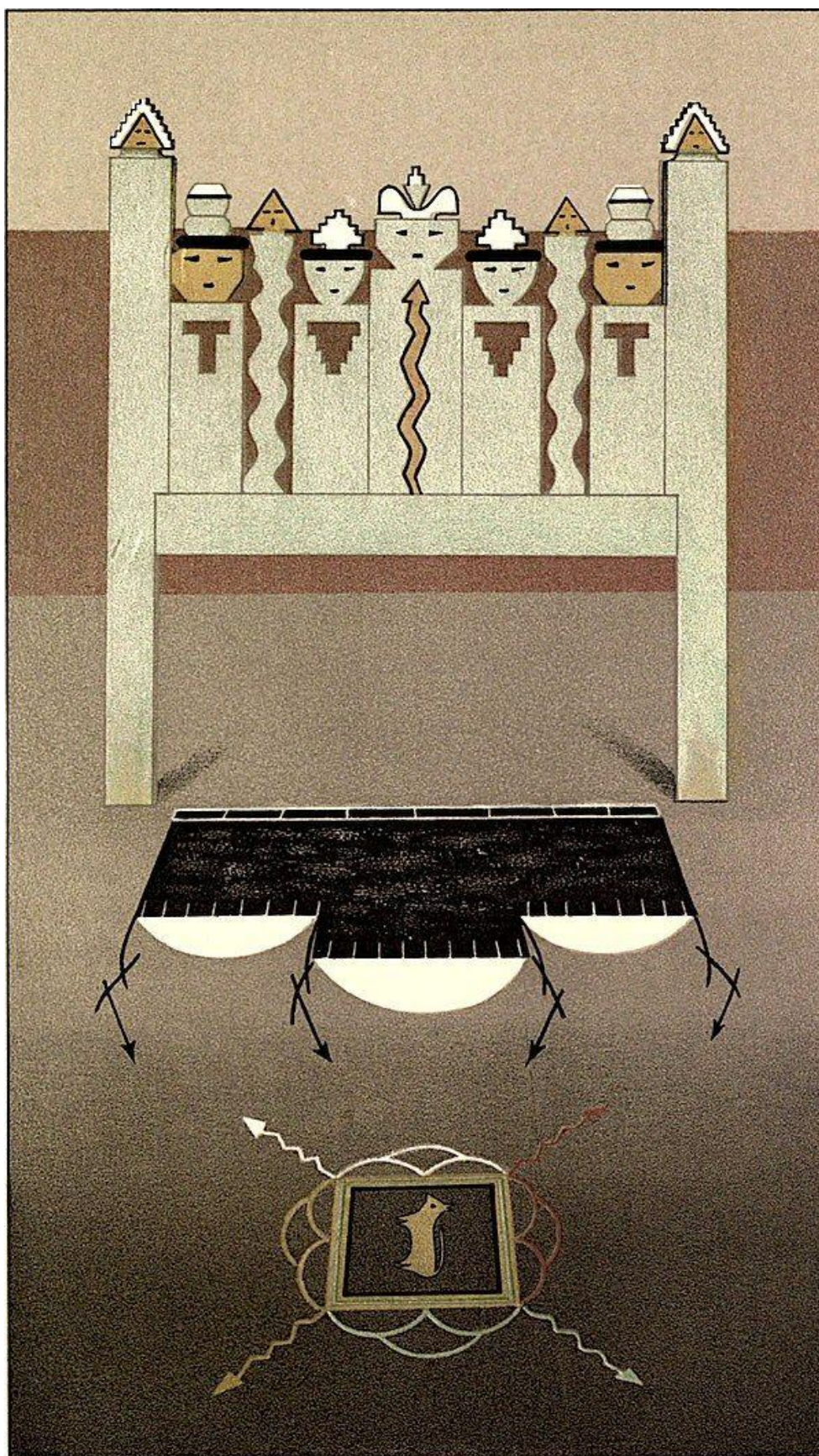
В начале третьей строфы все встали, и хонаит, перегнувшись через алтарь, взял по я-я в обе руки, предварительно положив свою погремушку и орлиные перья у алтаря. Эту строфу мужчины пели с большой живостью, ритмично раскачивая свои тела вправо и влево, в то время как женщины монотонно размахивали палочками. Движение рук как у мужчин, так и у женщин происходило от локтя, верхние части рук, по-видимому, были прижаты к бокам; ступни не поднимались, а просто сгибались в коленях.

В конце куплета, который продолжался тридцать минут, хонаайт издал странный призыв к облачному народу собраться; все в одно и то же мгновение выпустили воздух из своих перьев и заняли свои места. Затем женщина принесла из северо-восточного угла комнаты вазу с водой и тыквенную бутылку и поставила ее перед алтарем. ([Pl. xvi.](#)) Через мгновение песня возобновилась, и яни-^tси-виттани (производитель целебной воды) приступил к освящению воды. Он танцевал перед алтарем и к югу от ряда блюд, которые были посыпаны от алтаря до входа в комнату, поднимая сначала одну пятку, а затем другую, слегка согнув колени так, что пальцы ног едва касались пола; он держал свои орлиные перья в левой руке, а правой потрясал погремушкой, прижимая плечи к бокам, за исключением тех случаев, когда протягивал свои перья к алтарю, что он проделал три раза, каждый раз ударяя погремушкой по перьям у кончика пера, когда тряс ими над чашей с лекарствами. Затем он взмахнул своими перьями в сторону севера и, сделав быстрое движение погремушкой в унисон с хором, вдохнул из перьев, когда закончилась четвертая строфа, и через мгновение песня возобновилась. Затем три члена ордена Змей надели ожерелья из медвежьих когтей, к каждому из которых посередине был прикреплен свисток. Янимсивиттани, который не покидал своего места перед алтарем, танцевал несколько минут, затем зачерпнул из вазы воды из тыквы, высоко поднял ее со странным свистом и вылил содержимое в чашу для лекарств. Вторая тыква тоже была поднята и с криком опорожнена в чашу для облаков, которая стояла на нарисованных песком облаках. Третья тыква была опорожнена в ту же чашу, поднятие тыквы и крик были опущены; четвертая тыква была поднята с криком и опорожнена в чашу для лекарств. Пятая тыква, как и прежде, была поднята с криком змею хонаайте, чтобы умолять облачных правителей послать свой народ полить землю, и вылита в облачную чашу. Шестая тыква была поднята с призывом и опорожнена в ту же чашу. Седьмая тыква была поднята взмахом руки с юга к алтарю и опорожнена в чашу для лекарств. Восьмая тыква была поднята таким же движением и высыпана в облачную чашу.

Девятая тыква была поднята и направлена на восток, затем вернулась по прямой линии и высыпалась в чашу с лекарствами. Десятая тыква была поднята на запад и высыпана в чашу с облаками. Одиннадцатая, двенадцатая, тринадцатая и четырнадцатая тыквенные горлышки были вынуты из вазы и опорожнены, не переливаясь в ту же чашу. Пятая строфа закончилась, когда в чашу была налита последняя тыква с водой. При наполнении чаши с лекарствами тыкву передавали между двумя я-я. Женщина вернула вазу с водой в угол комнаты, и янимсивиттанни поднял чашу и отпил из нее, после чего дал каждому члену церкви по глотку воды из раковины морского ушка, за исключением хонаита, который после того, как янимсивиттанни занял свое место в очереди, прошел к передней части алтаря, отпил прямо из чаши и вернул ее на место.

При подаче воды в первую очередь помогали женщинам, чего автор никогда ранее не наблюдал в жизни аборигенов.

С началом шестой строфы хонаит встал и, наклонившись вперед, взмахнул своими перьями над чашей с лекарствами со странным призывом, каждый участник повторил призыв, женщины проявили больше энтузиазма, чем мужчины, в этой особенности церемонии. Крик, который повторился четыре раза, был призывом к облачным правителям сторон света оросить землю, и с каждым криком в чашу с лекарствами сыпалась еда, при этом каждому члену церкви выдавался небольшой мешочек из оленьей кожи с мукой или кукурузной пылью, которую предварительно извлекли из шкуры медвежьей лапы и положили рядом с алтарем. Члены Змеиногo подразделения посыпали кукурузную пыльцу вместо еды, поскольку пыльца особенно приемлема для Змеиногo хонаита, к которому обращены многие их молитвы.

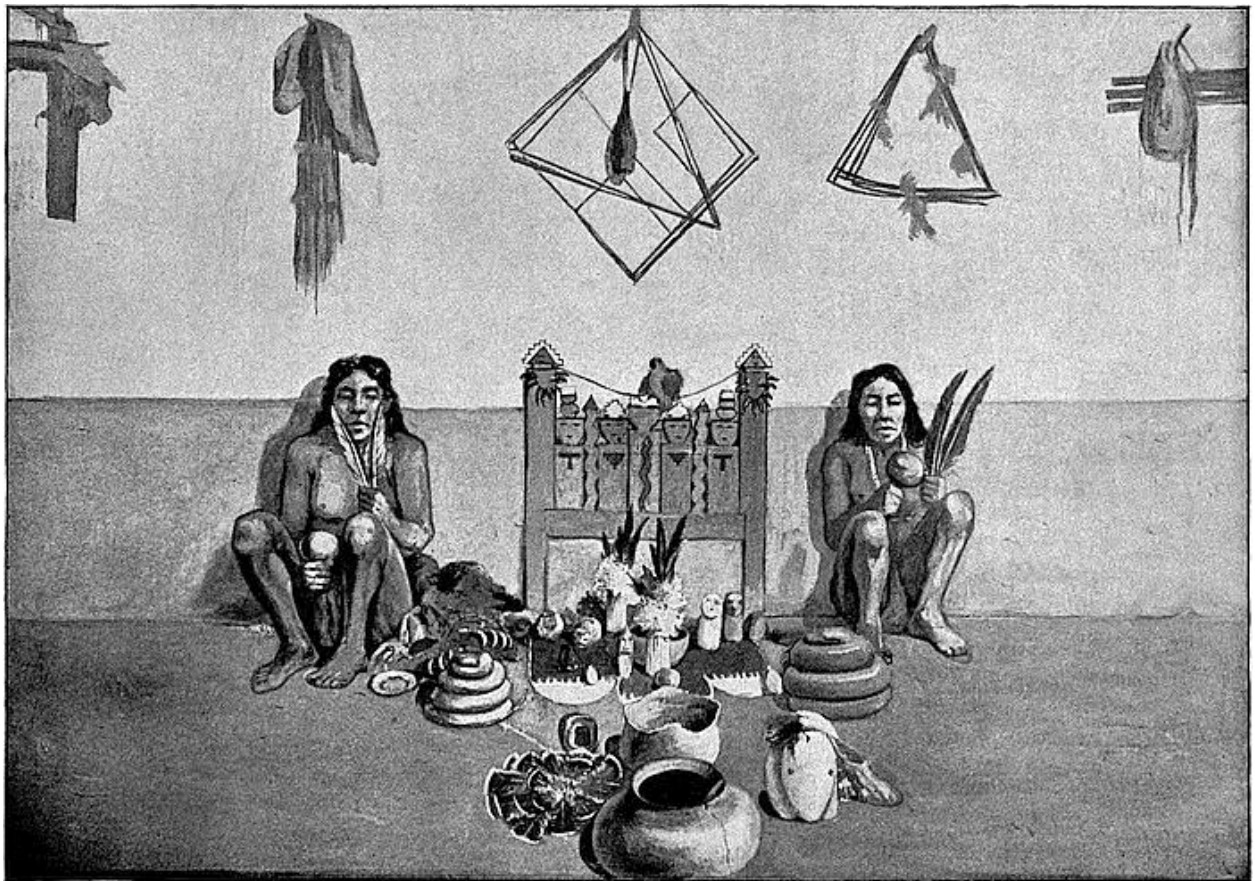
АЛТАРНАЯ РОСПИСЬ ОБЩЕСТВА ЗМЕЙ НА ПЕСКЕ.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Приготовление лечебной воды началось с начала седьмой строфы. Янимсивиттани танцевал перед алтарем, держась к югу от ряда с едой, и держал в каждой руке по шесть каменных фетишей, которые он достал из двух маленьких мешочков, извлеченных из одной

из шкур медвежьей лапы. Он не пел, но не отставал от хора. Протянув правую руку к алтарю, он коснулся двух передних я, а затем, сложив руки вместе, он снова протянул их и, подойдя еще ближе к алтарю, уронил фетиш из правой руки в чашу с лекарствами со странным криком, обращенным к Северному Змею хонаайту, чтобы призвать облачного правителя севера послать свой народ напоить землю; и, подняв руки над головой, он снова протянул их к алтарю и, наклонившись вперед, уронил фетиш из левой руки в чашу с лекарствами. Это повторялось четыре раза с каждой чашей, с просьбами к Змеиным хонаитам севера, запада, юга и востока заступиться за облачных правителей, чтобы они послали свой народ поливать землю. Затем, взяв два больших каменных ножа, стоявших перед алтарем, он ударил ими друг о друга и, пройдя от южного ряда трапез к северному, снова свел ножи вместе. Пересекая линию приема пищи, он опускал ножи в чашу с лечебной водой и окроплял алтарь; затем, проходя к северу от линии, он опускал ножи в лечебную воду и повторял окропление алтаря четыре раза; снова, стоя к югу от линии, он опускал ножи в воду, бросая ее на восток, и, пересекая линию, опускал их в чашу и повторял движение на восток, и возвращался на свое место в южном конце линии мужчин. Затем хонаит склонился над алтарем и, обмакнув свои перья в чашу с лекарствами, четыре раза окропил алтарь, ударив по перьям наверху погремушкой, которую держал в правой руке. Песня, которая продолжалась без перерыва в течение часа, теперь смолкла, и мужчины собрались вокруг табака, лежавшего у камина, и, сделав сигареты, вернулись на свои места и закурили. Мальчик зажег палочку и поднес ее мужчинам, чтобы они прикурили сигареты. Сначала он передал ее мужчине, стоявшему к северу от очереди. Когда каждый мужчина делал первую затяжку своей сигареты, он выпускал дым в сторону алтаря и, описав сигаретой круг, протягивал ее алтарю. После дыма песня и грохот снова разнеслись по комнате, и в конце короткой строфы мужчина в северном конце ряда пронзительно закричал, и женщины собрались перед алтарем, и каждая, взяв по щепотке муки из миски для трапезы, окропила алтарь и вернулась на свои места. Янимсивиттани поднял раковину с пылью, стоявшую перед алтарем, и, пройдя ко входу и открыв дверь, помахал своей погремушкой вдоль ряда блюд и вышел за дверь. Повторив взмах погремушкой, он провел рукой по леске и стряхнул пыльцу с пальцев, как подношение Змее хонаите. Вернувшись к алтарю, он стоял, пока хонаит макал свои перья в лечебную воду и окроплял алтарь, ударяя по перьям погремушкой. После того, как янимсивиттани и хонаайт вернулись в очередь, создатель облаков (член Общества Пауков), сидевший в северном конце, пересек линию приема пищи и, держа в левой руке свои орлиные перья и погремушку, правой поднял трость, лежавшую поперек облачной чаши, и, переложив ее в левую руку, держал ее и перья вертикально, пока молился. Вице-хонаит зачерпнул пепел из камина своими орлиными перьями, держа по одному в каждой руке, окропил создателя облаков для очищения и бросил оставшийся пепел в сторону хора. Во время своей молитвы, которая продолжалась восемь минут, создатель облаков выглядел как статуя. В конце молитвы он бросил в чашу для облаков немного точайнитивы (определенного корня, используемого культовыми обществами для образования пены, символизирующей облака) и посыпал кукурузной пылью поверхность воды, которая уже была полностью покрыта ею; затем, взяв тростинку в правую руку и все еще держа ее вертикально, он начал регулярные и быстрые движения тростинкой, за короткое время производя белоснежную пену, которая под его ловкими манипуляциями быстро поднималась высоко над чашей и каскадами падала с нее на пол. Чаша стояла на подушечке из юкки - круг из муки, символизирующий сердце или жизнь воды, которая была впервые приготовлена. Тростинка никогда не поднималась из чаши во время перемешивания воды. Когда облака были доведены до совершенства, песня прекратилась, и создатель облаков поместил тростинку в центр пены, которая теперь полностью скрывала чашу. Затем он встал и, подержав мгновение два своих орлиных пера в левой руке, переложил одно из них в правую и начал танцевать перед алтарем; вскоре он зачерпнул

немного пены из основания чаши двумя своими орлиными перьями и бросил их к северу от алтаря; снова зачерпнув пену, он бросил ее к югу; продолжая танцевать под музыку погремушки и песни, он зачерпнул пену и бросил ее в очаг; снова зачерпнув, он бросил ее на землю, каждый раз с размаху. обращение к облачному народу. Когда он бросил пену на землю, двое из хора окунули свои перья в чашу с лечебной водой и окропили алтарь, постукивая погремушками по верхним сторонам перьев. Создатель облаков снова зачерпнул пену и, повернувшись лицом к востоку, бросил ее в зенит; затем он замочил пену и поместил ее в центр корзины с подношениями из перьев; затем, размахивая своими орлиными перьями с севера на юг, он продолжил танец, поднимая сначала одно, а затем другое перо, направляя их к алтарю. Через минуту или две он окунул мыльную пену и бросил ее в сторону женщин на северной стороне комнаты, и, снова окунув, бросил в сторону женщин на южной стороне; в то же время мужчины-члены церкви потянулись вперед и, макая свои перья в чашу с лекарствами, окропили алтарь, каждый раз призывая облачный народ собраться. Затем создатель облаков бросил пену на запад; снова он окунул пену и бросил ее в зенит, затем на алтарь; затем часть была помещена на переднюю яю; снова он танцевал, некоторое время расправляя свои орлиные перья и снимая их, затем окунул пену и бросил ее вверх и в сторону человека на северном конце шеренги; в то же время хонаит окунул свои перья в чашу с лекарствами и окропил алтарь, как описано выше; и создатель облаков окунул пену, бросив ее в сторону порока. хонайте, и, снова окунув их, он бросил их в сторону янимсивиттани; затем он поднял пену и бросил ее на запад, затем в зенит, никогда не упуская случая созвать облачных людей вместе. Хонаит, оставаясь позади алтаря, окунул свои перья в целебную воду и окропил члены; снова создатель облаков поднял пену и бросил ее в зенит; в то же время вторая женщина в западном конце очереди с северной стороны окунула свою палочку в целебную воду с криком, призывающим облачный народ собраться; затем создатель облаков бросил пену на запад, и хонаит окропил члены целебной водой, а создатель облаков возложил пену на головы белого медведя и попугая; и затем создатель облаков поднял пену на головы белого медведя и попугая. наклонившись, он энергично размешал пену.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА ЗМЕЙ.

Тиямони прикуривал сигарету от угля в камине и передавал ее создателю облаков, который вставлял тростинку в центр пены, прежде чем получить сигарету; первые несколько затяжек он делал над пеной, а затем курил минуту или две и оставлял примерно треть сигареты рядом с чашей для облаков. Песня, которая почти не умолкала в течение трех часов, теперь прекратилась, и создатель облаков вернулся на свое место в очереди. Тиямони сидел у огня и курил, несколько человек ненадолго присоединились к нему; но вскоре все вернулись на свои места в шеренге и продолжили курить.

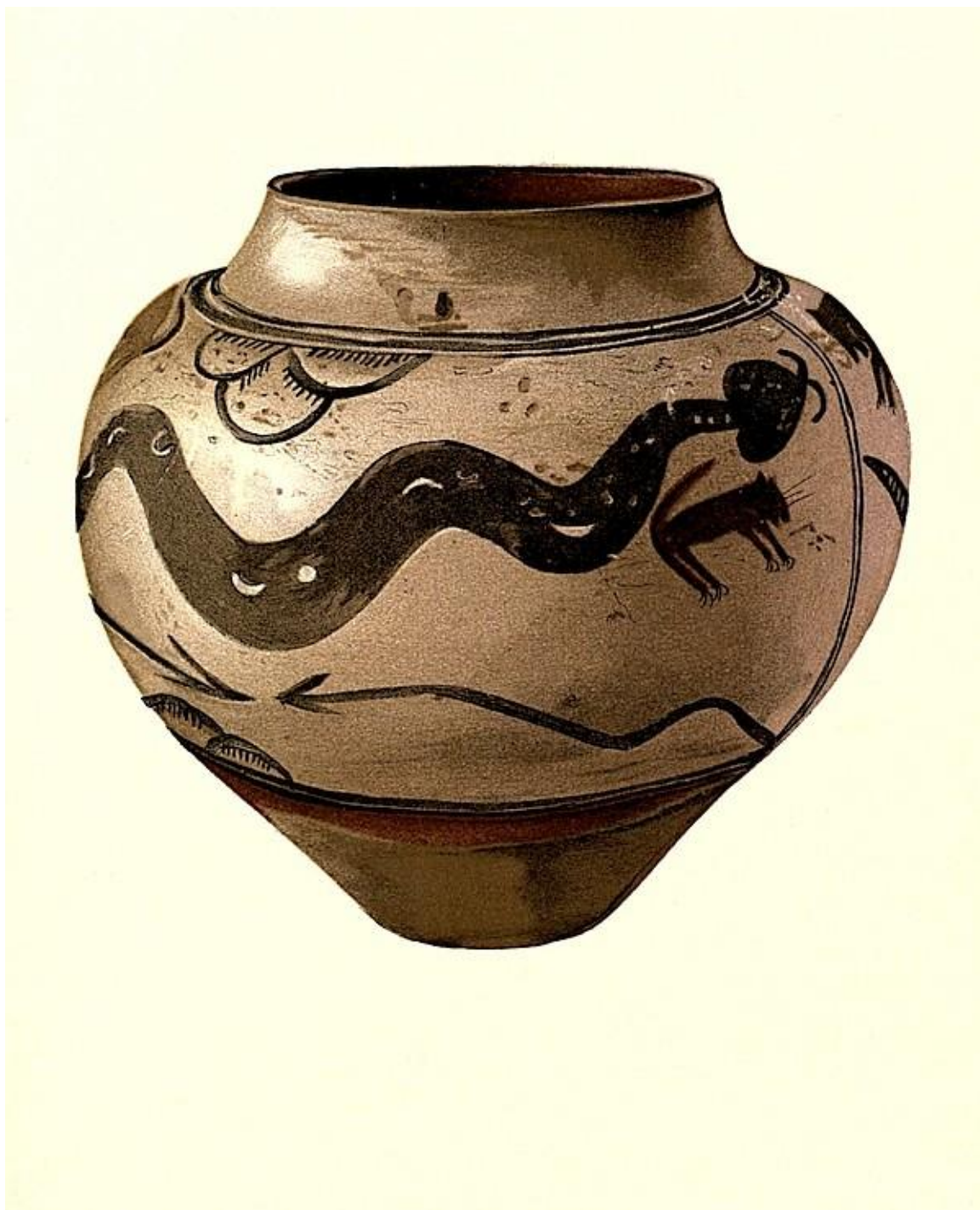
В начале следующей песни две женщины на восточном конце южной линии танцевали перед алтарем и окропляли его, ударяя палочкой, которую держали в левой руке, по макушке палочкой, которую держали в правой. Одной из женщин часто не разрешали участвовать в церемонии из-за внимания, которого требовал ее младенец, который временами капризничал.

К танцу присоединились две женщины с восточного конца северной линии, а затем третья женщина с южной линии; три женщины выстроились в очередь, идущую на север и юг; пожилая женщина на западном конце южной линии танцевала, но не покинула своего места в конце очереди. Она потянула мальчика, который сидел рядом с ней, вперед, предлагая ему потанцевать. Танцоры смотрели сначала на восток, затем на запад, окропляя алтарь всякий раз, когда они менялись местами, призывая облачных людей собраться вместе. Мальчик был удивительно грациозен, но женщины были неуклюжи; одна из них попыталась вытеснить мужчину с северного конца; потерпев неудачу в этом, вторая женщина попыталась с большим успехом, и мужчина присоединился к танцу; эта маленькая побочная игра позабавила женщин. Хонаит окропил молодого человека, который, в свою очередь, окропил хонаита. Перед окончанием танца пожилая женщина на западном конце южной линии присоединилась к группе танцоров и потянула молодого человека за собой, говоря ему танцевать хорошо и с воодушевлением. В 1:30 ночи женщины окропили алтарь и вернулись

на свои места, но мужчина и мальчик продолжали танцевать и время от времени окропляли алтарь. Викарий ставил корзину с подношениями из перьев на линию трапезы и, собирая пену с основания облачной чаши, помещал ее в центр корзины с перьями; и все участники обмакивали свои перья в лечебную воду и окропляли алтарь; мужчина смотрел на юг, а мальчик на север, затем окропляли в соответствующие точки, и, проходя по обе стороны от линии трапезы, они окропляли на восток, и, пересекая линию трапезы, мужчина окроплял на север, а мальчик на юг, и они возвращались к алтарю и некоторое время танцевали, остальные участники танцевали. мужчина остается к северу от линии, а мальчик - к югу. Посыпание сторон света повторили четыре раза.

Когда танцоры заняли свои места в шеренге, янимсивиттани достал чашу с лечебной водой и поставил ее перед корзиной с подношениями из перьев; затем, наклонившись, он взял одну из яиц в левую руку, а правой налил лечебной воды из раковины морского ушка сначала женщинам, младенец на руках матери получил свою порцию; затем мальчику и мужчинам. После каждого глотка хишами и жезлов прикасались к яе и извлекали из них священное дыхание; янимсивиттани обслуживал хонаита последним, который, в свою очередь, получал целебную воду от хонаита, который держал яю во время совершения обряда. Затем янимсивиттани вышел из комнаты, неся яю в левой руке и чашу с лечебной водой обеими руками. Выйдя из дома, он окропил шесть сторон света, набрав воду в рот и выплеснув ее между зубами.

Хонаит, поднимающий корзину с подношениями из перьев, наклонялся к северу от очереди за едой, а тиямони и младший член змеинового отряда наклонялись к югу от очереди за едой. Ожерелья из медвежьих когтей были сняты, и все, кроме шкур хонаита, лежали на груди медвежьих лап, а он положил свои на змеиный фетиш с северной стороны алтаря. Двое молодых людей надели мокасины и завернулись в одеяла, которые служили сиденьями во время церемонии, прежде чем двинуться навстречу хонаиту, который, пока все трое держали корзину, повторял длинную литанию, на которую двое молодых людей ответили. Женщины смеялись и болтали, не обращая особого внимания на эту молитву. В заключение хонаит подарил связку хачамони тиямони и такую же связку своему спутнику; затем он подарил связку перьев тиямони, а остальные перья - спутнику. Подношения принимались в одеяле, перекинутом через левую руку; и каждый из молодых людей, взяв по щепотке смеси из ракушек, покидал комнату, чтобы отнести их в святилища Копштайи с молитвами Змеиным хонаитам: "Я посылаю вам хачамони и плачу вам хурротуме, Тавака, майкурувапай, И-са-ти-эн (подношения из тюрков и ракушек) -Апур-ве (различные продукты), чтобы вы были довольны и имели все, что можно есть и носить. Я плачу тебе это за то, чтобы ты умолял облачных правителей послать свой народ поливать землю, чтобы она была плодородной и давала всем людям изобилие всякой пищи".

Нарисовано Мэри М. Митчелл.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ ВАЗА.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Когда подносики подношений покинули комнату, хонаит сыграл на флейте, которая была довольно музыкальной; и по возвращении он встретил их, стоя перед алтарем и к северу от очереди за едой; после молитвы хонаита молодые люди повернулись к алтарю, и тиямони вознес молитву, на которую откликнулся хонаит, который теперь сидел позади алтаря.

Затем мальчик сделал две сигареты и, прикурив одну, протянул ее тиямони; вторую он отдал товарищу. После угощения хлебом, тушеным мясом и кофе хонаит склонился перед алтарем и, взяв левой рукой яя из хвоста выкрашенной в песочный цвет пумы, он прижал ладонь правой руки к песчаной пуме и вдохнул из нее воздух, и, поднеся яя к губам, вдохнул из нее воздух, и прижал ее близко к груди, и прошел за алтарь, и, протянув руку над ним, он передвинул центральную из трех яя вправо, и заменил ту, которую нес, и продолжил его

место. Через минуту или две хонаит убрал два больших фетиша пумы в заднюю часть алтаря; и викарий помолился и прикоснулся пыльцой к четырем сторонам света на песочной картине, а затем приложил ладонь правой руки к нарисованной на песке пуме и, испустив священное дыхание, провел рукой по своему телу, после чего все прихожане поспешили прижать руки к песочной картине, вдохнуть и растереть свои тела для умственного и физического очищения; в это время тиамони сидел позади алтаря, держа в руках свои орлиные перья. закрыв лицо обеими руками, он молча молился.

Женщина с орлиным плюмажем смахнула оставшийся песок с четырех концов, подняла его с помощью пера, высыпала на ладонь левой руки, отнесла к себе домой и натерла тела своих детей мужского пола.

Яя были собраны их отдельными владельцами, которые сдували муку с перьев и аккуратно заворачивали их в три упаковки. Четыре жезла с индюшачьими перьями в глиняных подставках скрывали хачамони для Суссестинако от хонаитов Паучьего Общества; они не были сданы на хранение до восхода солнца, а затем теми членами Паучьего Общества, которые были указаны хонаитами. Они были посажены к северу, западу, югу и востоку от деревни, откуда ушел Пошайяне, с молитвами ктсцату о получении хачамони для Суссестиннакоа, Создателя. Изучив их (духовную сущность), чтобы убедиться в их подлинности, она передает их Суссестиннакою.

Хачамони передают тем, кому их предлагают, послания, столь же ясные для индийского понимания, как любой документ для цивилизованного ума.

Следующий отчет о посвящении члена в третью степень ордена Змеи был предоставлен автору викарием Общества Змей.

Я был очень болен оспой, вызванной разъяренными муравьями, и однажды ночью во сне я увидел много змей, очень много, и весь следующий день я думал об этом, и я знал, что если я не увижу хонаита Змеинового общества и не скажу ему, что хочу стать членом этого общества, я умру. Через два дня я отправился в дом хонаита со своим подношением из смеси ракушек, рассказал о своих снах и выразил желание быть принятым в общество как член. Человек, у которого теперь было больное сердце, уведомил хонаита из Общества Змей, что он хотел бы присоединиться к обществу. Хонаит послал за мной и другим официальным членом, чтобы мы встретились с ним в церемониальном зале для приема больного, который, поднося смесь из ракушек хонаиту, сообщил ему, что ему снилось много змей и он знал, что должен стать членом общества или умереть.

Таково впечатление, производимое на этих людей снами. Этот человек будет послушником в течение двух лет, поскольку это время требуется для разучивания песен, которые необходимо запомнить перед поступлением в третью степень. Он продолжил:

Я два года разучивал песни, за это время получил первую и вторую степени. Затем я сопровождал хонаита и членов общества в дом змей, где меня сделали членом третьей степени.

Церемонии, в которых представлены змеи, предназначены исключительно для посвящения членов в третью степень Змеинового подразделения. Эти предписания необходимо соблюдать после созревания кукурузы.

В день прибытия общества в змеиный дом (бревенчатое строение, стоящее на холме примерно в 6 милях от деревни) хонаиты и другие члены этого подразделения общества готовят хачамони; затем хонаиты отправляют их на север в поисках змей; и после нахождения первой змеи высаживают хачамони; требуемое количество змей зависит от членства, соотношение равно количеству членов; должно быть по змее с каждой стороны

света, если только членство не ограничено. меньше четырех, как это имеет место сейчас. В настоящее время в клубе всего три члена, и только север, запад и юг посещаются с целью сбора змей, но члены клуба должны отправиться на восток и передать хачамони Змеиному хонаите востока.

Военный вождь каждый день уведомляет людей, что они не должны посещать север, запад, юг или восток; если кто-то ослушается этого приказа и будет встречен кем-либо из членов общества, его заставят помогать в сборе змей.

ВИЦЕ-ХО-НА-АЙ-ТЕ ЗМЕИНОГО ОБЩЕСТВА.

В эти четыре дня принимают рвотное средство для очищения от супружеских отношений, и в течение этого периода соблюдается воздержание. Рвотное средство состоит из стеблей и

корней двух растений, которые хонаит измельчает на каменной плите и смешивает с водой, когда он указывает члену поместить его над огнем. Пьется слегка теплым.

Отвар, который индейцы тусайя постоянно пьют перед церемонией со змеями, является рвотным средством и принимается с той же целью, а не для предотвращения ядовитого действия змеиных укусов, как предполагают некоторые. Лекарство от укуса змеи применяется только после того, как она была укушена; для этой цели Sia используют растение *Aplopappus spinulosus* (индийское название ха-ти-ни) в сочетании с ка-вай-айтом, смесью пыльцы съедобных и лекарственных растений. Унцию растительного лекарственного средства разводят в кварте воды и кипятят; пьют теплым примерно по стакану три раза в день в течение четырех дней, а пораженную часть тела купают в чае и оборачивают смоченной им тканью. Через час после каждого глотка чая выпивают щепотку ка-вай-айта с небольшим количеством воды. Пациентка находится в уединении четыре дня; если бы человек, страдающий от укуса змеи, увидел женщину, кормящую младенца, результатом была бы смерть. У зуни такое же суеверие.

На пятый день примерно в 70 футах к востоку от бревенчатого дома, в овраге, параллельном стене дома, возводится коническое сооружение из кукурузных стеблей со спелыми плодами, и хонаит рисует песком пол дома; и когда картина закончена, он занимает свое место в западном конце комнаты (вход находится в восточном конце), мужчины-члены общества сидят справа и слева от него, а женщины образуют прямые углы по обе стороны линии. Послушники сидят к юго-западу от картины на песке, и все обязательно близко друг к другу, так как комната очень маленькая.

Ритуал начинается с погремушки и песни, а после песни хонаит, проходящий перед шеренгой женщин с северной стороны, берет змею из вазы и, держа ее на расстоянии пяди руки от головы, продвигается к востоку от рисунка песком (который похож на рис. XIV, с добавлением двух слегка расходящихся линий, одна из которых сделана кукурузной пылью, другая - черным пигментом, тянущихся от картины ко входу в дом), и кладет ее между линиями головой на восток.

В нишах северной стены у западного конца стоят две вазы (рис. XXXV); в одной хранятся змеи, а другая принимает их после прохождения церемонии. В конце возносимой сейчас молитвы он говорит: "Иди к себе домой; иди далеко; и оставайся там довольным". Затем он посыпает голову змеи кукурузной пылью, и этот ритуал повторяется каждым участником; змея, согласно заявлению вице-хонаита, высовывает язык и ест пылью: "у змеи нет рук, она кладет пищу в рот языком". Затем змею обвивают вокруг горла, головы и всего тела послушника.

Хотя змея не может говорить, она слышит все, что говорится, и когда ее прикладывают к телу, она внимательно слушает слова хонаита, который просит его взглянуть на мальчика и дать ему мудрость, подобную его собственной, чтобы мальчик мог вырасти таким же мудрым и сильным, как он сам, ибо теперь он должен стать членом третьей степени Змеиного подразделения общества. Затем хонаит молится змею, чтобы он убедил облачных правителей послать свой народ поливать землю, чтобы она могла принести им плоды своего существования.

Змею не только умоляют заступиться за правителей облаков, чтобы они напоили землю, чтобы у Sia было вдоволь пищи, но и призывают его совместно с отцом-солнцем осенью и зимой обеспечить их одеялами и всем необходимым для поддержания их в тепле.

Змеям не возносятся умиловительные молитвы, поскольку, согласно верованиям Sia, гремучая змея является мирным, а не злым существом. Они знают, что он дружелюбен, потому что так говорят старики, и отцы их отцов говорили им, и они также сказали им, что

то же самое было со змеями в Мексике. “Летом змея проплывает поблизости, чтобы полюбоваться цветами, деревьями, посевами и всем прекрасным”.

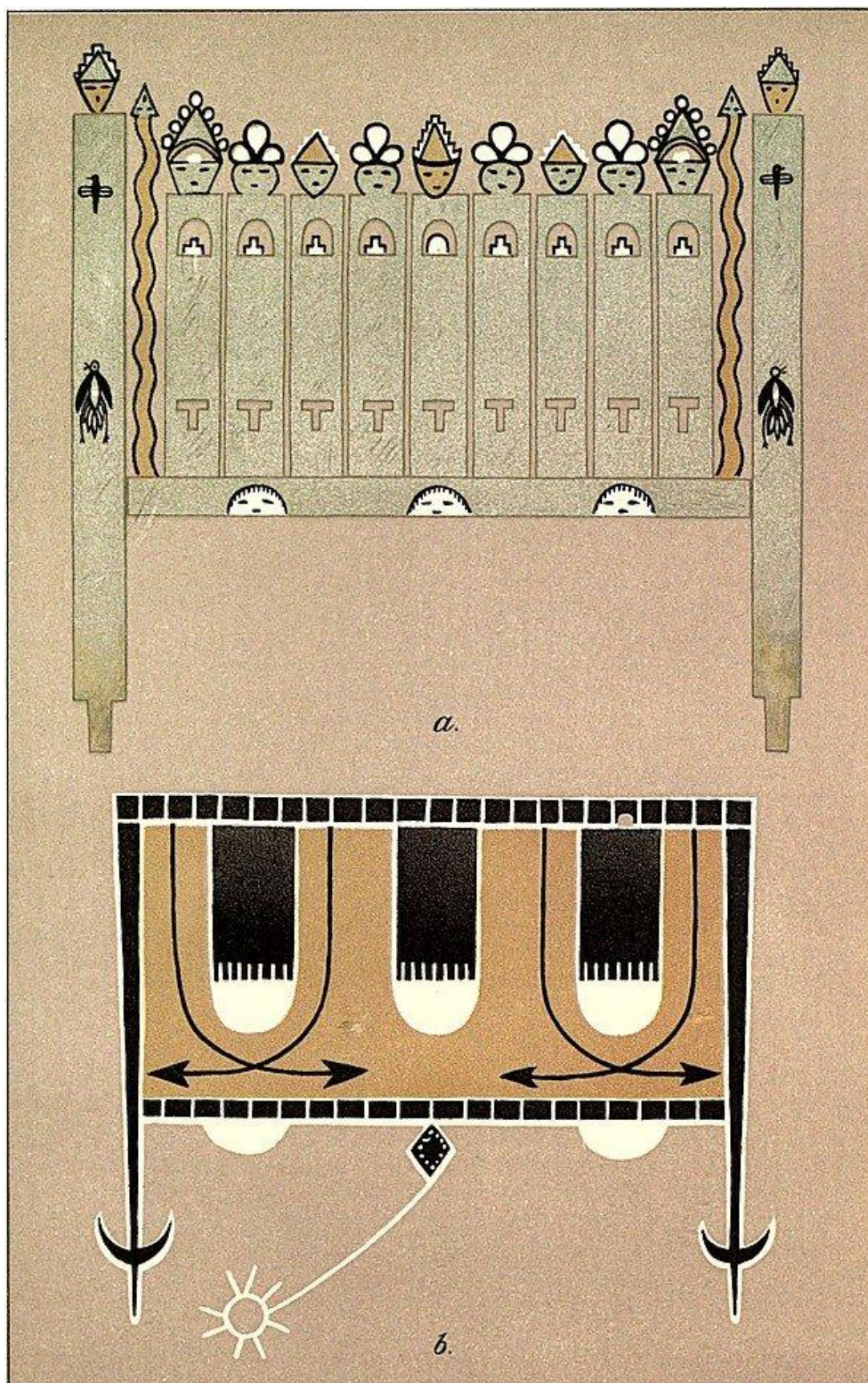
После этого змею кладут в пустую вазу, и вице-хонаит повторяет церемонию со второй змеей, и этому обряду следует каждый член Змеиного подразделения общества. Затем хонаит приказывает своему викарию и другому члену общества отнести вазы в грот (коническое сооружение снаружи), а последнему остаться в гроте со змеями; затем он вместе с послушником выходит из дома и, подойдя к гроту, становится лицом к нему, в то время как викарий и другие члены общества мужского пола выстраиваются в линию с востока на запад лицом к северу, вице и послушник стоят в западном конце очереди.

Члены Змеиного отряда носят килты из оленьей кожи с бахромой и нарисованной на них гремучей змеей, края которых увенчаны коническими кусочками олова. Килт хонаитов более вычурный, чем у других, с бахромой в виде оленьих носков в дополнение к олову. Их мокасины из тонкой оленьей кожи, окрашенной каолином. Волосы распущены. Тело того, кто получит третью степень, окрашено в черный цвет грибом, обнаруженным на стеблях кукурузы, измельченных и смешанных с водой. Лицо раскрашивается в красный цвет перед тем, как стать черным, и под каждым глазом нарисована красная полоса, символизирующая, по их словам, линии под глазами змей. К макушке головы прикреплено пушистое орлиное перо, а лицо обрамлено пухом с груди ястреба. Руки и ноги выкрашены в красный цвет, а на теле нанесены зигзаги из каолина, символизирующие молнию. Килт из оленьей кожи выкрашен в белый цвет со змеей на нем, и носят белые мокасины ([рис. X C](#)). У других членов общества нет накрашенных тел, и они носят волосы, уложенные в обычный узел, и босые ноги.^[19] Вместо килта они носят белую хлопчатобумажную набедренную повязку. Женщины, которые не принимают участия в танцах, носят свою обычную одежду, хлопчатобумажное платье выбрасывают.

После начала песни и танца хонаит добывает змею у входа в грот и, держа ее горизонтально обеими руками, преподносит послушнику, который принимает ее таким же образом, сжимая горло правой рукой; хонаит и послушник проходят взад и вперед к северу от линии выхода из грота четыре раза, время от времени послушник позволяет змее обвиться вокруг его горла. Затем хонаит берет змею и возвращает ее человеку в гроте. Если есть второй послушник, он и первый меняются местами, и хонаит спрашивает второго, кого он хотел бы видеть отцом и компаньоном; мальчик назначает члена Змеиного отряда, и хонаит требует, чтобы избранный занял его место рядом с послушником и сопровождал его в грот; он снова получает змею, которую вручает мальчику, и прежняя церемония повторяется. Когда послушники заканчивают, каждый член Змеиного отряда по очереди проходит взад и вперед четыре раза со змеей, которую ему вручает товарищ. Песня и танец не прекращаются до тех пор, пока каждая змея не будет пропущена через церемонию. Хонаит просит двух послушников, если их двое или больше, а если нет, то послушницу и члена церкви, войти в грот и получить вазы от человека, находящегося внутри. Их они относят в пещеру примерно в полумиле отсюда, и здесь носильщики ваз достают каждую змею отдельно и, положив ее на землю, говорят: “Иди к себе домой; иди далеко и будь доволен”. Первую змею кладут на север, вторую - на запад, третью - на юг и четвертую - на восток; это повторяется до тех пор, пока не будут уничтожены все змеи. Затем вазы помещают в пещеру, а вход закрывают большой плитой. Хонаит, возвращающийся в дом, снимает яю с хвоста нарисованной песком пумы и, держа ее в левой руке, прикладывает ладонь правой руки к пуме, вдыхает из нее воздух и трет рукой грудь, после чего все следы рисования песком вскоре стираются участниками, которые спешат вперед и натирают свои тела песком, чтобы очиститься умственно и физически.

Когда мистер Стивенсон обнаружил, что Sia проводит церемонии со змеями, он убедил викария змеиного общества проводить его в это место для проведения этого особого обряда. Выехав из Сиа рано утром, участники поездки протяженностью 6 миль по песчаным дюнам и вокруг утесов, включая писателя, добрались до строения, известного как змеиный дом, спрятанного среди хаотичных холмов. Были соблюдены все меры предосторожности для сохранения секретности. Дом представляет собой прямоугольное строение из бревен (последние, должно быть, пронесли много миль) размером примерно 8 на 12 футов, с грубым камином; у основания северной стены у западного торца есть две ниши, в которых стоят две вазы во время церемонии в помещении. Хотя этот дом представлялся посетителям заброшенным, во время церемоний он превращался в настоящую беседку, когда крышу покрывали еловыми ветками и окаймляли подсолнухами, а внутренние стены белили. Потребовалась некоторая дипломатичность, чтобы убедить викария отвести мистера Стивенсона в пещеру, где хранятся вазы, когда они не используются. Проехав еще полмили в хаос, группа спешила и спустилась по крутому склону, когда проводник попросил мистера Стивенсона помочь ему убрать каменную плиту, которая так естественно лежала на склоне холма, что, по всей видимости, была установлена там не человеком. При снятии плиты в неглубокой пещере оказались две вазы, стоявшие бок о бок. На вершине холма был искусно проделан небольшой канал, чтобы вода из тинии могла собираться в вазы. Эти вазы принадлежат к превосходному типу древней керамики и украшены змеями и кугуарами на кремовом фоне. Мистер Стивенсон был не совсем удовлетворен простым осмотром ваз и решил, если возможно, завладеть одной или обеими; но в ответ на его просьбу викарий ответил: "С ними нельзя расставаться, они такие старые, что никто не может сказать, когда они впервые появились у Sia; их изготовили наши люди давным-давно; и змеи были бы очень разгневаны, если бы Sia рассталась с этими вазами". Всякий раз, когда предоставлялась возможность, мистер Стивенсон выражал свое желание приобрести одну из них; и, наконец, тиямони и хонаиты культовых обществ провели совет, на котором этот вопрос горячо обсуждался, и викарий общества Змей настаивал на том, чтобы подарок был сделан, но суеверие со стороны других было слишком велико, чтобы его можно было преодолеть. Мистеру Стивенсону прислуживали члены совета; хонаит Змеиного общества обратился к нему: "Вы пришли к нам как друг; мы научились относиться к вам как к нашему брату, и мы хотим сделать для вас все, что в наших силах; нам жаль, что мы не можем подарить вам одну из ваз; мы говорили о том, чтобы позволить вам взять одну, но пришли к выводу, что так не пойдет; это вызовет гнев змей, и, возможно, все наши женщины и малыши будут укушены и умрут; вы не будете сердиться, потому что наши сердца принадлежат вам".

В ночь, предшествующую отъезду группы из Сиа, викарий Змеиного общества нанес несколько визитов в лагерь, но, обнаружив там других индейцев, не стал задерживаться. В полночь, когда последний индийский гость покинул лагерь, он снова появился и поспешно сказал: "Я приду снова", а час спустя вернулся. "Теперь, " сказал он, " плотно закрепите палатку, и один из вас все время внимательно слушайте и скажите мне, когда услышите первые шаги", - и затем он достал из мешка одну из ваз, будучи тем временем сильно взволнованным и в то же время огорченным. Он не позволил провести тщательный осмотр вазы, но настоял на том, чтобы ее немедленно упаковали; он положил в вазу подношение из перьев, посыпал его мукой и молился, пока слезы смачивали его щеки. Ваза была привезена в Вашингтон и передана на хранение в Национальный музей.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

АЛТАРНАЯ РОСПИСЬ ПЕСКОМ.

ОБЩЕСТВО ГИГАНТОВ.

ЦЕРЕМОНИАЛ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ.

Около полудня хонаит, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки, покинул свое место у камина в церемониальном зале, где его викарий помогал ему утром рубить ивы и готовить хачамони, и приступил к рисованию песком в восточном конце комнаты, а когда это было завершено, он воздвиг алтарь из досок ([Стр. XVIII a](#)). Во время подготовки картины песком (*b*) викарий оставался на своем посту за работой над хачамони. Когда прибыли две женщины-участницы, женщина и маленькая девочка примерно 8 лет, хонаит снял со стены девять потрепанных мешочков, вручил по одному каждому присутствующему, оставив два для себя, а оставшиеся четыре отложил в сторону, чтобы их забрали другие члены медицинского ордена общества. В этих мешках находились яя, один из которых, как утверждается, был захвачен у навахо бывшим хонаитом этого общества, и этот фетиш так же ценен, как и другие, по той причине, что он также символизирует Осат, мать всех индейцев.

Пять яя были расставлены в ряд перед алтарем и на песочной картине, а перед четырьмя из них были положены миниатюрные лук и стрелы, у пленного их не было. Шкуры медвежьих лап с когтями были сложены стопкой по обе стороны алтаря, а поверх них были разложены ожерелья из медвежьих когтей, каждое ожерелье с подвешенным посередине тростниковым свистком, к концу свистка были прикреплены два пушистых орлиных пера с черными кончиками. Чаша с лекарством была установлена перед пятью яя, каменные фигурки были расставлены вокруг рисунка на песке, а чаша с облаками - перед всем этим. Женщина принесла к алтарю камень для рисования в тройной чашечке и растерла черный пигмент, желтую охру и нечистый малахит; эти порошки были смешаны с водой, и женщина и девочка нарисовали хачамони, причем девочка была такой же ловкой, как и ее старшая сестра, и с таким же интересом.

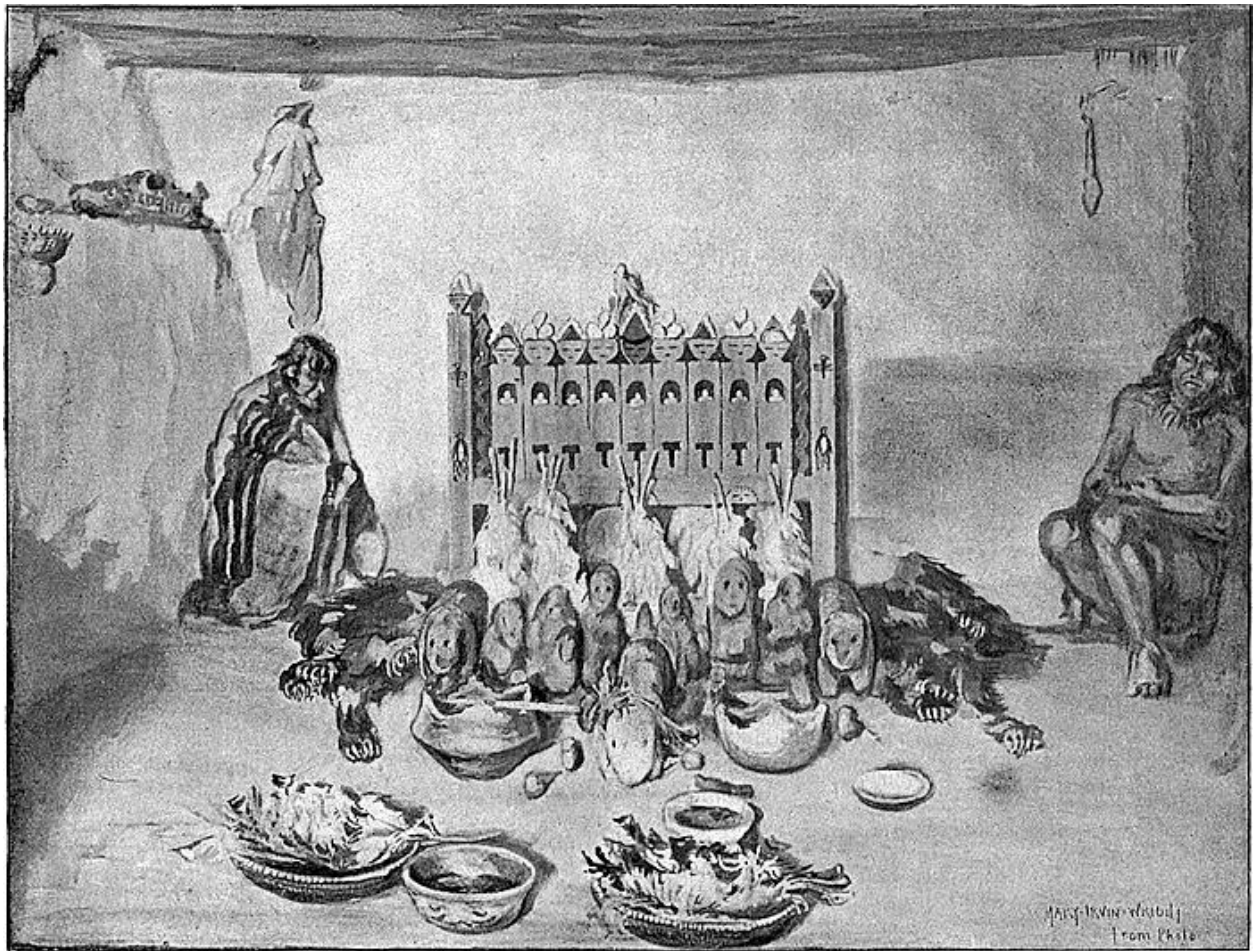
Пока хачамони раскрашивали, хонаит был занят сортировкой перьев. Сначала он разложил тринадцать индюшачьих перьев отдельно на полу, образовав две линии; на каждое перо он положил пушистое орлиное перо, а затем последовательно добавил к каждой группе по перьям каждой из птиц сторон света, при этом индюшачьи перья использовались вместо петушиных. Было исполнено низкое странное пение, в то время как хонаит и его викарий связывали каждую связку перьев местным хлопчатобумажным шнуром, хонаит, завершая, размахивал каждой связкой по кругу слева направо перед своим лицом. В то же время женщина сделала четыре кольца из юкки диаметром 1 ¼ дюйма, завернув около двух дюжин иголок юкки в моток и положив в миску с водой. Ребенок принес моток из дальнего конца комнаты женщине, которая, взяв иголку из юкки, обмотала ее четыре раза вокруг большого и указательного пальцев; затем, обернув это дополнительной ниткой из юкки, образовалось кольцо. Когда четыре кольца были готовы, ребенок отнес их к камню для рисования, который женщина убрала в дальний конец комнаты, окунул их в желтую краску и положил рядом с женщиной, которая связала три пучка перьев вместе, а затем передала кольца хонаите, которая добавила к каждому кольцу перо из крыла колибри. Эти кольца были подношением детям облака, символизирующим колеса, на которых они ездят по тинии.

При прикреплении подношений из перьев к хачамони последние зажимаются между большим и вторым пальцами правой ноги мужчины и женщины. Было десять хачамони, которые несли послания облачным правителям сторон света — Хочанни, верховному правителю облачного народа мира, Суссестинако, Отцату и солнцу, дополнительные пучки перьев были привязаны к тем, которые уже были прикреплены к хачамони для Суссестинако, Отцата и солнца.

Хонаит положил хачамони и кольца в плоскую корзину и поставил ее перед алтарем перед чашей с облаками, а на центральную перекладину алтаря поместил чучело попугая. В это

время появились другие официальные члены церкви и, развернув свои яя, вручили их хонаиту, который поставил их перед алтарем (Стр. XIX). Затем женщина принесла из дальнего конца комнаты вазу с водой и тыквенный кувшин, и хонаит высыпал четыре полных кувшина из тыквы в чашу для лекарств, а затем посыпал воду кукурузной пылью и, окунув в чашу два своих орлиных пера, окропил алтарь и приношения. Он не произнес ни слова, но занял свое место у огня и начал курить, ожидая часа вечерней церемонии. Хонаите и викарию подали еду в церемониальном зале, и после еды оставшуюся часть корзины с хлебом и миску с мясом поставили перед алтарем.

Ночная церемония началась с того, что хонаит (стр. XX) и его викарий окунули свои перья в лечебную воду и окропили алтарь и пищу, которая была поставлена перед ним; затем хонаит, сидя перед северной стороной алтаря, повторил длинную молитву, умоляя Мокаита, Кугуара Севера, заступиться за облачных людей севера, чтобы они поливали землю, чтобы урожай мог расти; Кохая, Медведя, заступиться за облачных людей запада, чтобы они поливали землю, чтобы урожай мог расти. земля, чтобы мог расти урожай; аналогичное обращение было обращено к Туопе, Барсуку Юга, Каканне, Волку Востока, Тиами, Орлу Небес, и Майтубо, Землеройке. Затем викарий взял из корзины кусочек хлеба, а из миски - мяса и передал это хонаиту, который вышел из дома с едой в левой руке, держа в правой свои орлиные перья; он бросил еду животным Копштайям сторон света, умоляя их заступиться за облачных людей, чтобы они пришли и напоили землю; затем, вернувшись в церемониальный зал, он склонился перед алтарем и к южной стороне очереди за едой и помолился Копштайе, завершив молитву такими словами: "Я предложил вам пищу, нашу пищу, чтобы вы могли поесть, и я молю вас призвать Копштайю из тинии [имеется в виду облачный народ] прийти и напоить землю". Каждый мужчина-член общества выкурил по сигарете, а затем миску с тушеным мясом и корзинку с хлебом поставили в центр комнаты, все собрались вокруг и принялись за еду. Затем мужчины сели по обе стороны комнаты и снова закурили, женщина и девушка сели на северной стороне, недалеко от вест-энда. После того, как сигареты были выкурены, викарий протянул новую очередь с едой от алтаря к двери, расположенной с южной стороны и ближе к западному концу, и прихожане выстроились в очередь позади алтаря. (Объяснение линии подачи пищи и взаимного расположения мужчин за алтарем уже было дано и применимо к церемониям дождя во всех культовых обществах.) Женщина заняла свое место в северной части комнаты, рядом с алтарем, маленькая девочка села напротив нее на южной стороне.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ ВО ВРЕМЯ ЦЕРЕМОНИИ.

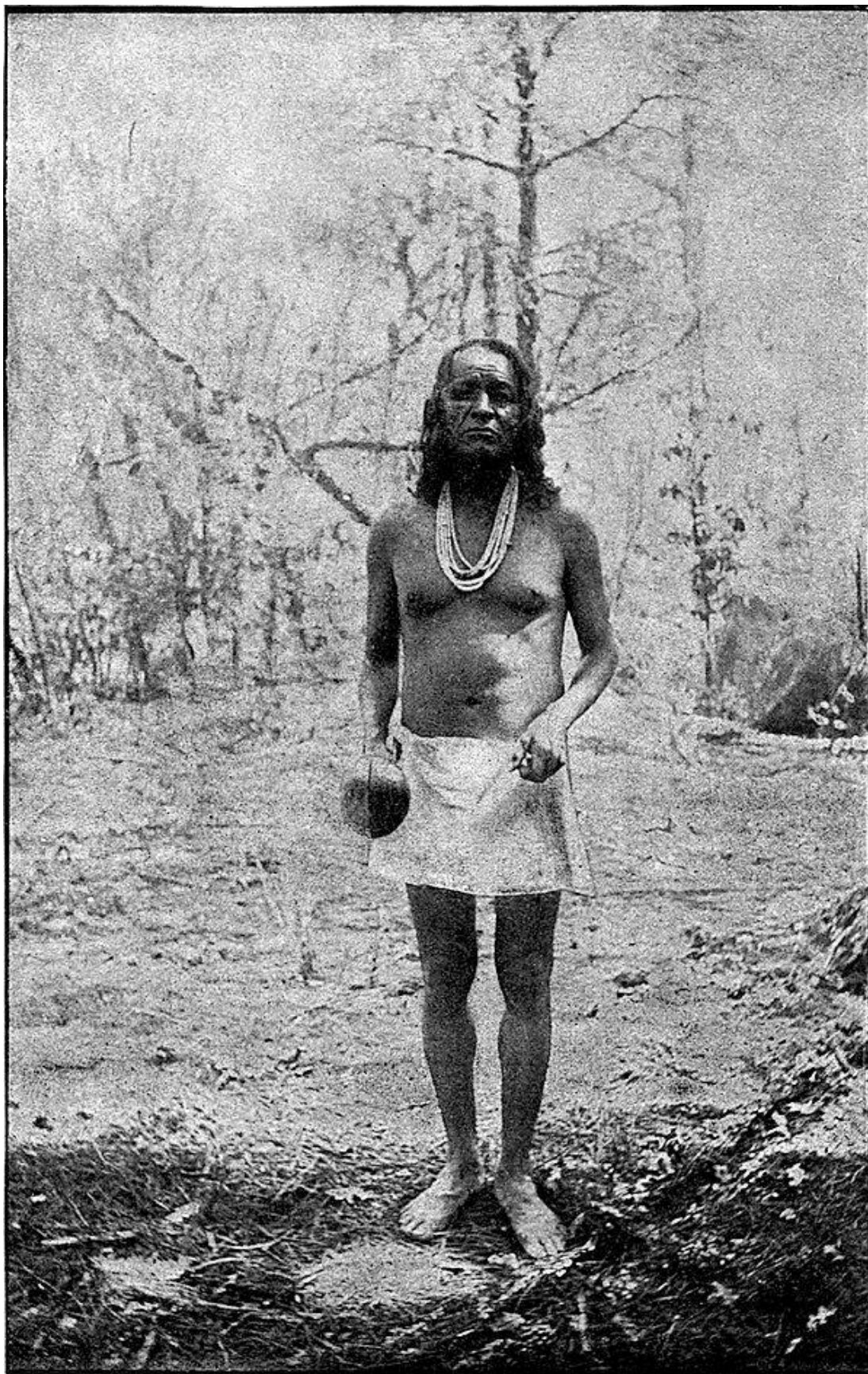
Хонаит и тиямони (положение последнего как тиямони не имеет никакого отношения к его связям в культовых обществах, членом которых он является) носили белые набедренные повязки из тусайского хлопка, искусно расшитые яркими цветами; одежда викария была темно-синей, а остальные - из белого хлопка; каждый мужчина держал в левой руке два орлиных пера и тыквенную погремушку. Женщина и маленькая девочка были одеты в свои обычные платья, без ситцевых платьев с высоким воротом, и в каждой руке они держали палочку-индюшку, увенчанную пушистыми орлиными перьями, выкрашенными в лимонный цвет.

Викарий дал щепотку муки хонаиту из глиняной миски для еды, стоявшей у алтаря, который, не вставая со своего места, окропил алтарь. Затем песня началась под аккомпанемент погремушки, которую переложили в правую руку, при этом орлиные перья все еще держали в левой, в такт погремушке. Каждая строфа завершалась коротким и быстрым встряхиванием погремушки. (Автор заметил в церемониях культовых обществ Сиа отсутствие глиняного барабана, который является такой важной особенностью зун и тусаян.) С началом ритуала мужчины с обоих концов очереди подходили к очагу и, поднимая пепел своими перьями, складывали его перед алтарем, к северу и югу от очереди за едой, и после танца и жестикуляции в течение минуты или двух они снова поднимали пепел и посыпали в сторону алтаря, при этом по нижней стороне пера, которое держали в левой руке, ударяли тем, которое держали в правой. ; снова поднимая пепел, один посыпал на север, а другой на юг, и проходя по обе стороны от линии приема пищи, они посыпали на запад, и пересекая ее, они проходили вверх по линии, и на полпути один посыпал на север, другой на юг; снова макая пепел, они посыпали в зенит, а еще больше пепла они посыпали в надир. Это посыпание сторон света было повторено четыре раза, после чего мужчины

вернулись на свои места. Второй мужчина с северного конца шеренги, вышедший вперед, танцевал, в то время как остальные пели под аккомпанемент погремушки, каждая последующая строфа следовала в быстрой последовательности, танцор время от времени менял монотонность песни, дико призывая облачных людей прийти и напоить землю. Женщина и ребенок размахивали палочками в такт песне; женщина, которая большую часть времени держала на руках больного младенца, иногда засыпала, но ее будил викарий, который сидел рядом с ней, проводя своими орлиными перьями по ее лицу. Всякий раз, когда младенец спал, его укладывали на овчину, и он, по-видимому, не замечал шума погремушки и песни.

Когда нужно было обратиться с особым призывом к ОтсёТу, хонаит протянул руку над алтарем и взял яю племени навахо в правую руку, а ту, что находилась южнее, - в левую (он положил свои орлиные перья у алтаря, но держал свою погремушку). Теперь все стояли, хонаит энергично покачивал своим телом, размахивая яя, протягивая их, затем втягивая внутрь, когда он обращался к ОтсёТу с просьбой дать указание облачному народу прийти и полить землю. Завершив это прошение, хонаиты склонились над алтарем, возвращая яя на свои места, а хор занял свои места и выкурил сигареты из местного табака, завернутые в кукурузную шелуху. Через несколько мгновений песня возобновилась, когда женщина окропила алтарь мукой и, пройдя в западный конец комнаты, подняла вазу с водой, поставив ее на линию подачи еды, недалеко от двери, отбивая ритм песни двумя своими палочками и двигая своим телом вверх-вниз, сгибая колени, твердо упираясь ступнями в пол и над линией подачи еды; снова чаша была поднята и продвинута примерно на 2 фута вперед, и она повторила движение. Чашу таким образом перемещали пять раз, в последний раз поставив непосредственно перед корзиной с подношениями. Ставя чашу в последний раз, она дважды взмахнула палочкой, которую держала в правой руке, над алтарем, когда песня закончилась только для того, чтобы сразу же начаться снова. Теперь янимсивиттани появлялся перед алтарем, к северу от очереди за едой, и танцевал, держа в левой руке два орлиных пера, а в правой - погремушку. Через некоторое время, переложив погремушку в левую руку, он взял из вазы тыквенный кувшин с водой и, подержав его мгновение, помахал им перед алтарем и вылил содержимое в чашу с лекарствами, призывая северную пуму заступиться за облачный народ, чтобы можно было полить землю; немедленно последовал еще один полный кувшин; затем он взял погремушку в правую руку, присоединился к песне и затанцевал. В третий раз он зачерпнул из тыквы воды, помахал ею в сторону запада, обращаясь с увещанием к западному медведю, и вылил содержимое в чашу, после чего набрал еще одну тыкву, когда прозвучал странный призыв к облачному народу прийти и напоить землю. Он снова танцевал и пел, и через некоторое время пятая тыква была поднята и помахала в сторону юга, обращаясь к южному барсуку, и высыпана в чашу, когда за ней последовала еще одна тыква, и потанцевав мгновение, он поднял еще одну тыкву и высыпал ее в чашу с лекарствами, умоляя восточного волка призвать облачный народ поливать землю, когда немедленно последовала еще одна тыква. После некоторого танца в чашу снова опускали тыкву и махали ею в сторону алтаря, затем вверх, призывая небесного орла призвать облачный народ напоить землю, и немедленно в чашу выливали еще одну тыкву с водой. Снова потанцевав некоторое время, к алтарю поднесли полную тыкву и высыпали ее содержимое в чашу, с призывом к землеройке умолять облачный народ полить землю, и снова полную тыкву высыпали в чашу. Песня оборвалась, когда в чашу была вылита последняя бутылка воды из тыквы, и янимсивиттани вернулся на свое место. Женщина вернула вазу в западный конец комнаты и, взяв с алтаря маленький мешочек с лекарствами, развязала его и протянула янимсивиттани. Затем мужчины и девушка взяли такие же сумки перед алтарем, и песня снова зазвучала вполголоса под аккомпанемент погремушки. Каждый участник, взяв щепотку кукурузной пыли из своей аптечки, бросил ее на алтарь и в чашу с лекарствами, издав особый крик, который был призывом к

облачному народу собрать и полить землю, женщина и ребенок не преминули добавить свою долю пыльцы, повысив свои голоса до самой высокой ноты, когда они просили облачный народ полить землю. Затем все принялись брать еду из чаши для трапезы перед алтарем и бросать ее в чашу для лекарств, продолжая умолять облачный народ полить землю. Шесть раз в чашу бросали еду с воззваниями к облачному народу. Затем они вернулись на свои места, предварительно положив мешочки с лекарствами перед алтарем.

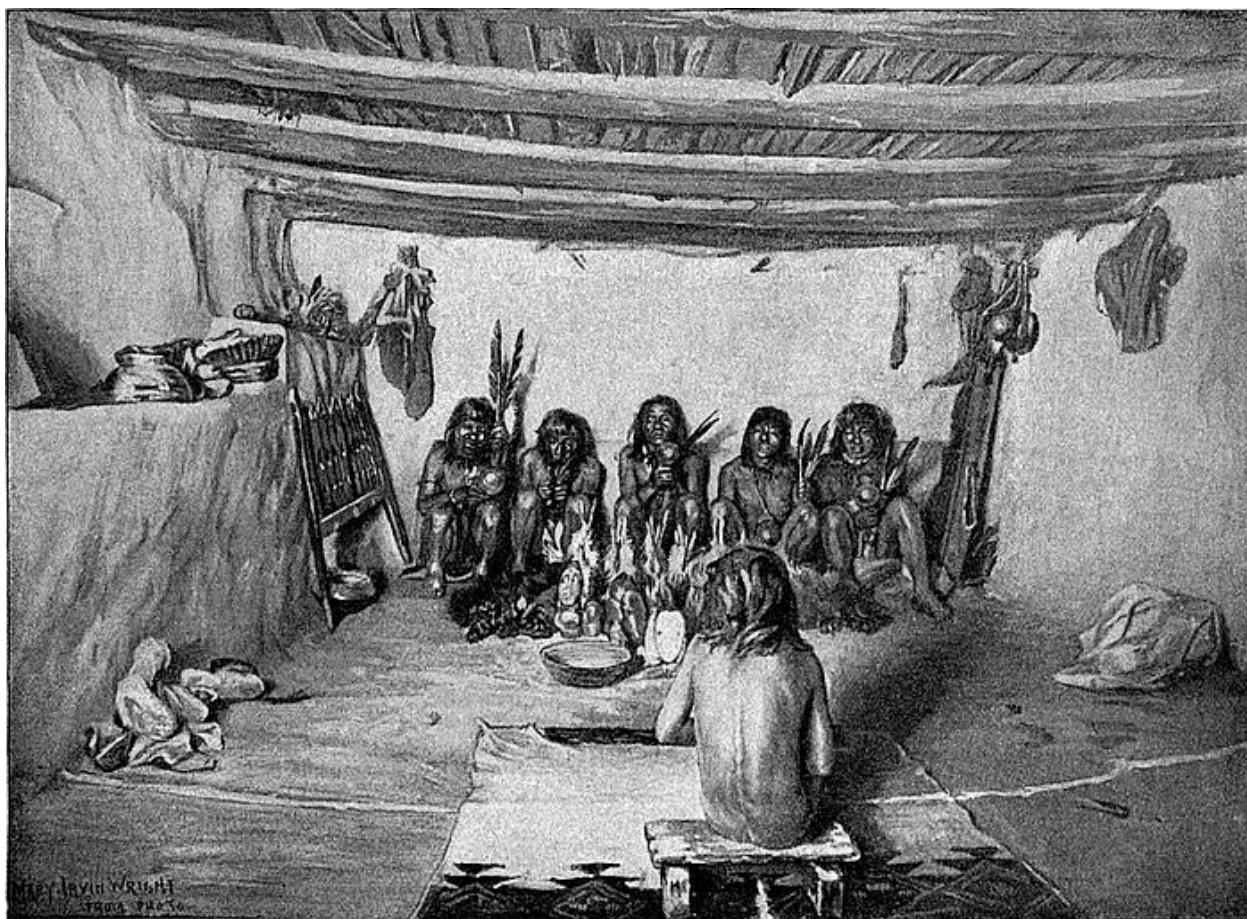
ХО-НА-АЙ-ТЕ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ.

Тиамони достал из шкуры медвежьей лапы шесть маленьких камешковых украшений и вручил по одному мужчине, которые, в свою очередь, передали их янимсивиттани. Этот

получатель вышел к алтарю и затанцевал под музыку хора, и, размахивая левой рукой над алтарем, он бросил фетиш в чашу с лекарствами, одновременно размахивая орлиными перьями и погремушкой, которые держал в правой руке. Потанцевав некоторое время, он уронил фетиш из правой руки в лечебную воду и, продолжая танцевать, выпустил оставшиеся четыре фетиша поочередно из левой и правой руки. Каждый раз, когда падал фетиш, он издавал странное звериное рычание, которое было призывом к хищным животным сторон света призвать облачных людей собирать и поливать землю, чтобы она могла быть плодородной. Затем он вернулся на свое место, но почти сразу же встал и, постояв мгновение, подошел к алтарю, размешал лечебную воду орлиными перьями, которые держал в левой руке, и окропил подношения, ударяя по перьям погремушкой, которую держал в правой руке. Окропление повторилось четыре раза, в то время как облачных людей призывали полить землю; когда перья ударили в четвертый раз, хор встал и запел, а янимсивиттани снова окунули эти перья в целебную воду и окропили алтарь. Затем хонаит, наклонившись вперед, окунул свои перья в воду и окропил алтарь, произнеся странный призыв к облачному народу собрать и полить землю, чтобы она стала плодородной. Затем каждый член церкви повторил окропление алтаря с аналогичной молитвой, маленькая девочка была такой же восторженной, как и остальные, и изо всех сил напрягала свой голос, умоляя облачных людей собраться вместе. Мужчины ударили по перьям, которые держали в левой руке, погремушками, которые держали в правой, а женщина и ребенок ударили палочкой, которую держали в левой руке, по палочке, которую держали в правой. Каждый человек последовательно шесть раз повторил окропление алтаря, обращаясь к животным сторон света. После каждого окропления разбрызгиватель возвращался на свое место в очереди. Таким образом, хор ни разу не испытывал недостатка более чем в одном из своих номеров. По окончании окропления была спета строфа, и каждый участник снова окропил алтарь шесть раз; однако в этом случае хор сгруппировался перед алтарем, и только хонаит сидел позади него, поглощенный песней. После окропления хор вернулся в строй и присоединился к хонаиту в песнопении, а в заключение он четыре раза окропил алтарь. Он не встал со своего места, но наклонился вперед и окунул свои перья в лечебную воду. Затем тиамони подходили с южного конца линии, а янимсивиттани - с северного, и разбрызгивали по сторонам света, проходя вдоль линии подачи, как описано выше, причем разбрызгивание повторялось дважды. Тьямони вернулся на свое место, а янимсивиттани убрал чашу с лечебной водой, поставил ее перед фетишами и рядом с трапезой и, опустившись на колени, держа в левой руке два своих орлиных пера и яя, поил лечебной водой всех присутствующих, причем девушка сделала первый глоток из раковины морского ушка. Следующей подали женщине, немного дали младенцу, которого она держала на руках, хонаит получил последний глоток. Взяв яя из янимсивиттани, он прижал ее к груди, а затем вернул янимсивиттани, взял ее в левую руку и, подняв чашу обеими руками, вышел из дома и, наполнив рот из чаши, выплеснул лечебную воду через зубы по сторонам света, а вернувшись, поставил чашу и яя на место перед алтарем.

Хонаит, взяв хачамони в левую руку и взяв щепотку муки в правую, склонился перед алтарем к югу от очереди за едой и вознес безмолвную молитву, и, окропив алтарь и хачамони, разделил приношения, держа по порции в каждой руке. Затем тиамони и его спутник наклонились к северу от линии приема пищи и, повернувшись лицом к хонаайту, сложили его руки своими правыми, держа свои орлиные перья в левой руке, и ответили на тихую молитву, предложенную хонаайтом, который после этого, вдохнув воздух от перьев, положил их на одеяла, накинутые на их левую руку, двое мужчин обернули их одеялами, прежде чем подойти к хонаайте. Затем они покинули церемониальный зал и прошли большое расстояние в темноте, чтобы положить подношения в святилище Копштайи. Остальные члены церкви разговаривали вполголоса до возвращения отсутствующих, которые, войдя в зал, встали перед алтарем и вознесли молитву, на которую хонаит

откликнулся. Затем все прихожане собрались перед алтарем и попросили, чтобы их молитвы были услышаны. Женщина и девочка расставили миски с едой в ряд в середине зала и к югу от очереди за едой, и застолье завершило церемонию в 2 часа ночи.

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК В ЦЕРЕМОНИАЛЬНОМ ЗАЛЕ ОБЩЕСТВА ВЕЛИКАНОВ.

ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ ПО ИСЦЕЛЕНИЮ БОЛЬНОГО МАЛЬЧИКА.

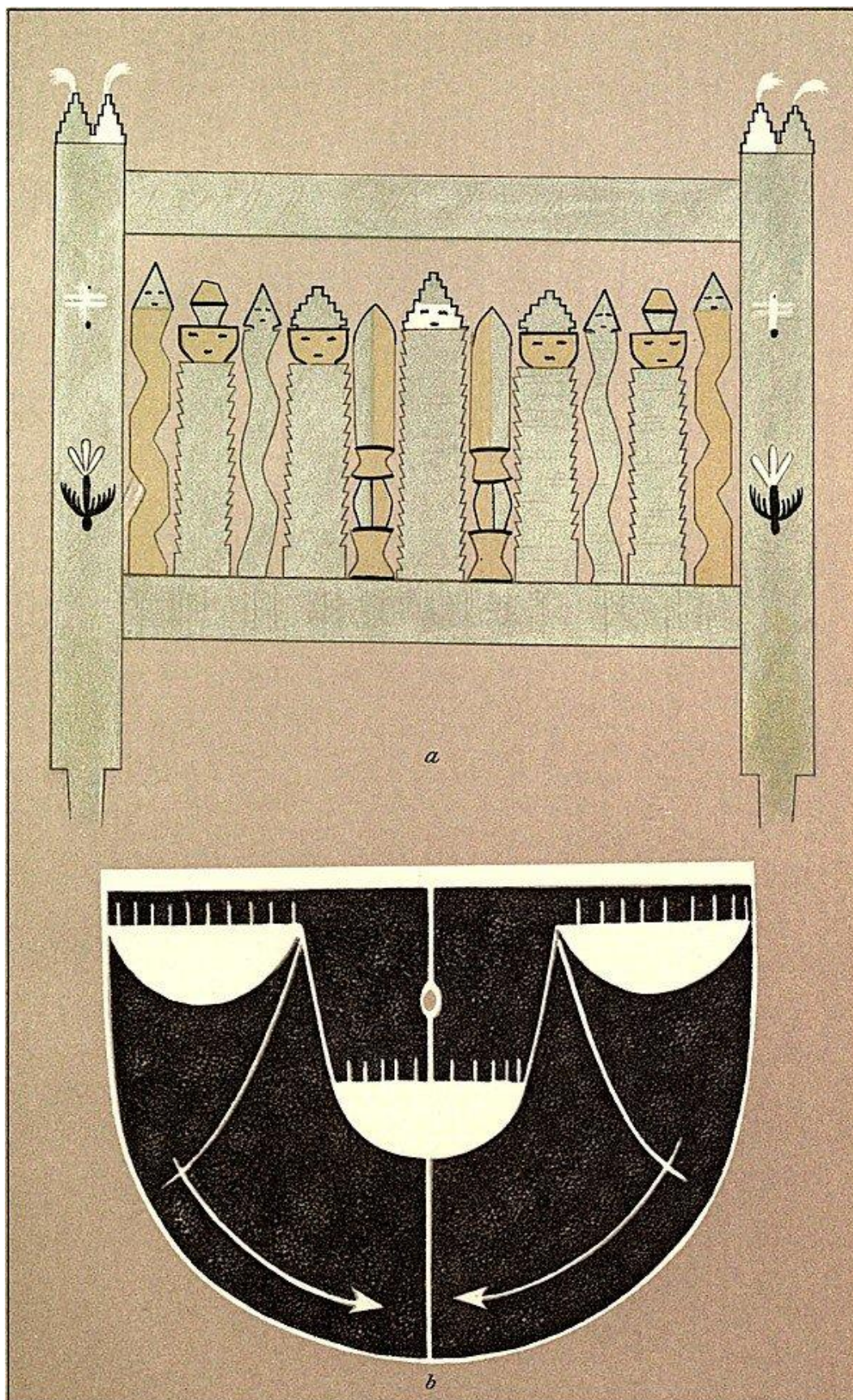
В ночь, следующую за церемонией Ско-йо-Чайан (Общества великанов) в честь дождя, ассамблея начала свои ритуальные обряды, которые продолжаются четыре ночи подряд, для исцеления больных с помощью чистки зубов. Во второй половине дня в восточном конце комнаты была сделана картина песком (сравните нарисованное песком Общество гигантов, [\(Стр. xviii^b\)](#)); на картине были сгруппированы фигурки я и каменные фигурки; перед я была поставлена чаша с лекарствами; шкуры медвежьих лап были разложены по обе стороны от фигурок, а белое вышитое священное тусайское одеяло было свернуто и положено рядом со шкурами медвежьих лап к югу от картины. Пятерым мужчинам-членам медицинского отделения общества рано вечером женщины-члены общества подали прохладительные напитки, а после ужина тиямони, член медицинского отделения, поставила миску с тушеным мясом и корзинку с хлебом рядом с картиной; остальная еда хранилась в северо-западном углу комнаты для употребления в будущем.

Пятеро мужчин выстроились в ряд позади фетишей, причем хонаит был центральной фигурой; однако едва они заняли свои места, как тиямони принес из западного конца комнаты вазу с водой и тыквенный кувшин, поставил их перед картиной из песка и вернулся на свое место; хонаит, подойдя, зачерпнул шесть тыквенных кувшинов воды, вылив каждую из них в чашу для лекарств.^[20]

Затем хонаит, перейдя к северной стороне картины, преклонил колени, держа в левой руке два орлиных пера, и повторил тихую молитву; затем, взяв небольшой кусочек хлеба, он обмакнул его в похлебку и рассыпал перед фетишами; и, взяв еще хлеба и немного мяса, он покинул церемониальный зал и бросил еду в качестве подношения животным сторон света.

Затем тиямони отнес миску с мясом и корзинку с хлебом в дальний конец комнаты. По возвращении хонаита его викарий расстелил тусайское одеяло на полу, примерно в 5 футах перед картиной. Затем он рассыпал муку от края одеяла, ближайшего к картине, до медвежьего фетиша, который стоял впереди на картине; оттуда по одеялу и по полу ко входу с южной стороны и около западного конца комнаты; снова, начиная с центра одеяла, он рассыпал муку по одеялу до южного края, и, начиная снова с центра, он рассыпал муку по линии до северного края и продолжил эту линию до северной стены. Затем, начиная с линии, заканчивающейся к югу от одеяла, он протянул ее к южной стене (эти четыре линии символизировали четыре ветра) и поставил миску с едой перед картиной и к северу от линии с едой. Поскольку трапеза несколько иссякла, глиняную миску для еды заменили корзинкой апачей, в которой было немного свежей муки, смолотой женщиной в соседней комнате, куда часть семьи уже удалилась. Корзину с мукой принял от женщины тиямони, который стоял слева от нее, пока она молола кукурузу на обычной семейной мельнице. Оставшееся содержимое глиняной миски для муки было высыпано в корзину апачей, причем порция из миски считалась достаточной по количеству, чтобы придать свежемолотому блюду священный характер. Затем хонаит повесил себе на шею цепочку из медвежьих когтей с маленьким тростниковым свистком, к концу которого были привязаны два мягких белых орлиных пера, прикрепленных посередине, которые он взял из кучи шкур медвежьих лап, предварительно обмотав ожерельем фетиш белого медведя, стоявший в передней части картины. Затем каждый член общества надел аналогичное ожерелье; двое из членов общества надели амулеты на верхнюю часть правой руки и два - на левую. Хонаит скатал свое одеяло в комок и сел на него. Другие участники сделали такие же подушки. Тиямони, чье место было в южном конце шеренги, перешел на северную сторону комнаты и, взяв немного красного пигмента, растер его по лицу и вернулся на свое место, каждый участник растер немного галенита по лбу, по лицу под глазами и по нижней части лица. Краска была едва заметна. Ее нанесли, чтобы обеспечить правильное исполнение песни. Тиямони снова пересек комнату и, взяв с северного выступа горсть кукурузной шелухи, протянул ее мужчине, сидевшему рядом с ним, который осторожно перекладывал ее под своим одеялом, завернувшись в него. Писатель думает, что из них сделали воронки, в которые он поместил крошечные камешки из муравейников. Вице-хонаит, стоявший в северном конце шеренги, вышел из комнаты, и во время его отсутствия хонаит, взяв пучок соломы, лежавший рядом со шкурами медвежьих лап, разделил его на пять частей, раздав по порции каждому присутствующему. Он зарезервировал долю для отсутствующего члена церкви, который вскоре вернулся, неся больного ребенка на руках, стараясь не переступить порога; он посадил ребенка на низкий табурет, поставленный на широкую полосу вышивки одеяла. ([Pl. xxi](#)) Затем мужчина передал корзину с мукой ребенку, который, повинаясь указаниям вице-хонаита, взял щепотку и бросил ее в сторону алтаря, произнеся несколько слов молитвы Копштайе. Затем викарий вернулся на свое место, и прихожане с орлиными перьями и соломинками в левой руке и погремушками в правой начали ритуал; они в течение девяти минут пели первую строфу, которая исполнялась медленно и очень тихо, и в конце каждый вдохнул из орлиных перьев и соломинок. Вторая строфа была спета громче и быстрее. Монотонность песни время от времени нарушался звероподобным криком, который был просьбой к северной пуме дать им власть над разъяренными муравьями. Ребенок страдал от сильной боли в горле, вызванной тем, что муравьи проникли в его тело, когда он совершал мочеиспускание в их доме, и, поднявшись, они оказались у него в горле. После второй строфы хонаит подул сначала на правую сторону ребенка, затем на его спину, левый бок и грудь; остальные участники продолжили песню под аккомпанемент погремушки. Когда он занял свое место, тиямони и мужчина, который сидел рядом с ним, вдохнули каждый из своих орлиных перьев и соломинок и, окунув их в лечебную воду, каждый протянул свои перья ребенку, который вдохнул их. Затем двое мужчин вернулись

на свои места. Хонаит, снова окунув свои перья в лечебную воду, пропустил концы через рот тиямони, а затем через рот каждого члена семьи, каждый раз окуная перья в чашу с лечебной водой. Несколько мгновений мужчины были заняты тем, что извлекали что-то из нескольких шкур медвежьих лап. Все, кроме хонаитов, собрались вокруг алтаря, танцуя и жестикулируя в чрезмерном возбуждении и дуя в свистульки, подвешенные к их ожерельям. Они постоянно окунали свои орлиные перья в лечебную воду, яростно размахивая руками, окропляя алтарь и прикасаясь своими перьями к фетишам животных, а затем подносили перья ко рту, впитывая из них священное дыхание животного. Хонаит со склоненной головой продолжал взывать к северной пуме, по-видимому, не замечая всего, что происходило вокруг него. После маневрирования перед алтарем четверо мужчин проделали аналогичные экстравагантные действия с ребенком: один из мужчин поставил его в центр одеяла, стараясь расположить ноги мальчика под диагональными углами, образованными линиями приема пищи. Затем все четверо вышли из комнаты, унося с собой материал, снятый со шкур медвежьих лап. Хонаит не переставал трясти погремушкой и петь в отсутствие четверых, которые посетили дом больного мальчика, чтобы очистить его. Вернувшись в церемониальный зал, они вскинули руки вверх, размахивая перьями над собой, а затем вокруг ребенка, распевая и рыча, после чего вернулись на свои места в ряд с хонаитом и присоединились к нему в песне под аккомпанемент погремушек. Через несколько мгновений эти четверо мужчин и хонаит окружили мальчика; хонаит стоял в северо-восточном углу одеяла, а тиямони - в юго-восточном углу, в то время как остальные образовали полукруг позади мальчика. Все они помахали перьями и соломинками в левых руках над мальчиком-инвалидом и одновременно провели ими по его телу с головы до ног, ударяя по перьям и соломинкам погремушками, которые держали в правых руках; и когда перья и соломинки спускались по телу мальчика, предполагалось, что муравьи в любом количестве счищались с тела, в то время как на самом деле на одеяло падали крошечные камешки; но заклинание было настолько совершенным, что писательница не могла сказать, как и откуда они были сброшены, хотя она стояла близко к группе и под ярким светом лампы она разместила его на стене с целью раскрытия каждой детали. Крошечный обнаженный мальчик, стоящий на белом вышитом одеяле, украшенный множеством орлиных перьев, поражаемый своими погремушками пятью прекрасно сложенными индейцами, был самой приятной сценой этого драматического церемониала. Расчесывание ребенка перьями повторялось шесть раз, а затем его снимали с одеяла над линией приема пищи и сажали на табурет, который был убран от одеяла, а затем давали щепотку муки и говорили встать и посмотреть на муравьев, которых извлекли из его тела, и посыпать их едой. После этого окропления он снова сел на табурет. Хонаит опустился на колени в северо-восточном углу одеяла, прошептал молитву и окропил одеяло. Каждый член семьи с орлиными перьями посыпал одеяло мукой и тщательно смахнул всю материю, которая упала на пол вместо одеяла, после чего тиямони собрал углы вместе, помахал им над головой ребенка и вышел с ним из комнаты. Все сидели совершенно тихо, держа в правой руке свои погремушки, орлиные перья и соломинки в отсутствие тиямони. Вернувшись, он дважды помахал сложенным одеялом в сторону группы фетишей и в сторону себя, затем дважды обернул им голову ребенка и, наконец, положил его на грудь шкур из медвежьих лап с южной стороны картины. Ребенок, который был болен и горел в лихорадке, был отведен вице-хонаитом к фетишам, которые он посыпал мукой, и вынесен из комнаты через внешнюю комнату к его матери, стоявшей у входа.

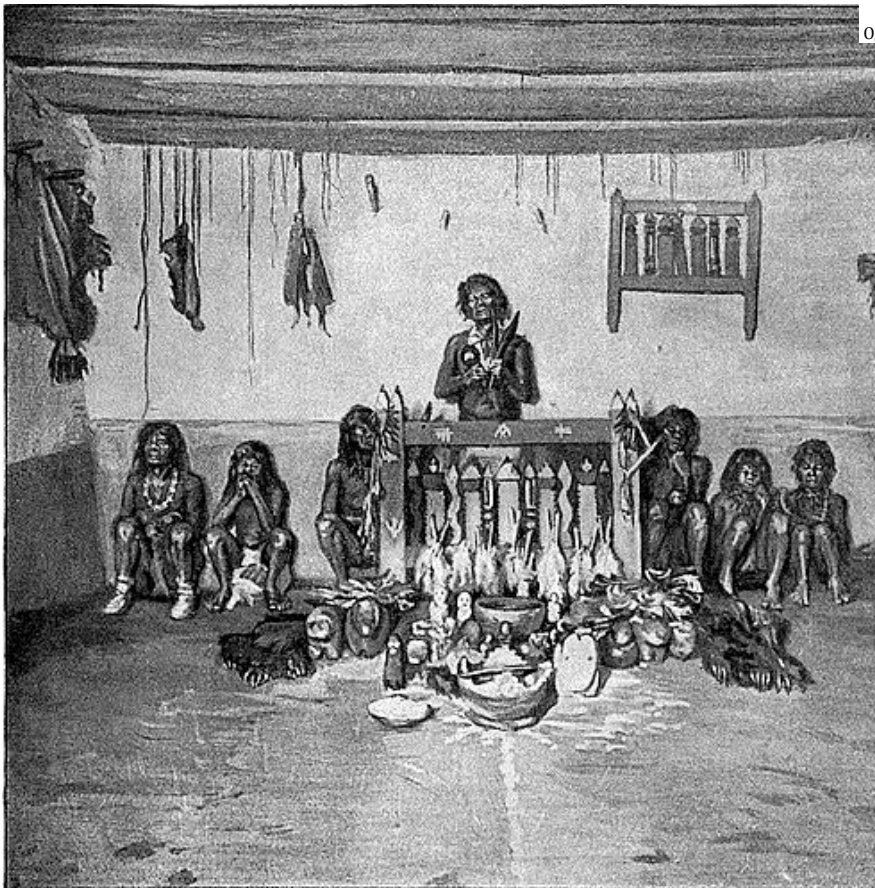

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

АЛТАРНАЯ ЖИВОПИСЬ ПЕСКОМ.
ОБЩЕСТВО НОЖЕЙ.

Предполагается, что хонаит не должен покидать церемониальный зал в течение четырех дней и ночей, поскольку он должен охранять фетиши животных и лекарства. Предполагается, что другие члены семьи также проводят большую часть дня и всю ночь, наблюдая за фетишами; но автор придерживается мнения, что все они ложатся спать после пиршества, которым наслаждаются, как только ребенок покидает комнату.

Единственным изменением в церемониале второй ночи было то, что викарий макал кусочек хлеба в миску с тушеным мясом и рассыпал его среди фетишей животных, предварительно подняв золу из камина и посыпав ею алтарь, ударяя перышком, который держал в левой руке, по нижней стороне перышком, которое держал в правой; затем, держа перья между ладонями, он повторял длинную и едва слышную молитву. Разложив еду по фетишам животных, он обмакнул кусок хлеба в тушеное мясо, вышел из дома и разбросал еду по сторонам света, как это сделал хонаит предыдущей ночью, а, вернувшись, отнес миску с тушеным мясом и корзинку с хлебом в северо-западный угол комнаты. Затем он подмел пол двумя своими орлиными перьями, начиная примерно в 18 дюймах перед алтарем (линия подачи пищи оставалась идеальной до этого момента) до места, где должно было быть положено одеяло, а затем постелил одеяло и провел линии приема пищи, изменение в рисунке этих линий заключалось в том, что линия начиналась от линии подачи пищи, которая проходила перед алтарем и проходила по одеялу до входа в комнату; затем, начиная с центра одеяла, линия была продлена до северной стены, и снова, начиная с центра, линия была проведена поперек южной стены. стена. Автор упоминает это отклонение при прорисовке линий приема пищи, хотя она считает, что это было просто вопросом вкуса со стороны работника. Вместо того, чтобы вице-хонаит принял ребенка у внешнего входа, мужчина, сидевший между ним и хонаитом, внес ребенка в комнату, и тиямони вывел его оттуда. В этот раз, а также на третью и четвертую ночи ребенок входил в комнату и выходил из нее, что свидетельствовало о том, что он был в лучшем физическом состоянии, чем в первую ночь церемонии. Песни на второй вечер были адресованы западному медведю, а не северной пуме. Ребенок, казалось, не пошевелил ни единым мускулом на протяжении всей церемонии, за исключением того момента, когда он занял свое место на одеяле.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ ВО ВРЕМЯ ЦЕРЕМОНИИ.

Сцены третьей и четвертой ночей совпадали со сценами второй, с некоторыми вариациями. Мужчина, сидевший между хонаитом и его викарием, обмакнул пепел своими перьями и окропил алтарь, и, вернувшись на свое место, викарий постелил одеяло и окропил ряды для еды тем же способом, что и предыдущей ночью; он также достал ребенка. Танцуя перед алтарем, двое мужчин носили шкуры медвежьих лап на левой руке, а двое других - на правой. Было замечено, что шкуры были натянуты на руки, на которых носились амулеты. Их танцы и заклинания были еще более бурными и странными, чем в две предыдущие ночи.

Песни на третью ночь были адресованы южному барсуку, а на четвертую - восточному волку.

ЦЕРЕМОНИАЛ ДОЖДЕВОГО ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ.

Пока хонаит и его викарий готовили хачамони, они вполголоса репетировали песни своего культа. В настоящее время членами этого общества являются пять мужчин и два мальчика, а также два послушника, мужчина и мальчик.

Солнце было далеко на западе, когда прихожане собрались, и хонаиты приступили к установке планчатого алтаря ([Стр. xxii a](#)). Затем каждый мужчина снял со стены грязный мешок из оленьей кожи. Сначала достали хорошо завернутую яю, а затем и другие фетиши. После того, как хонаит развернул свою яю, он подготовил картину из песка перед алтарем ([Стр. xxii b](#)). Пять яю были выстроены в специально сделанную для них линию, и перед каждой яей лежали миниатюрный лук и стрелы. Затем хонаиты сгруппировали фигурки людей и животных, затем чашу с лекарством, содержащую воду, и корзину со священной едой. Затем он нарисовал линию трапезы, которая тянулась от решетчатого алтаря на

расстояние 3 футов за группой фетишей, впоследствии его викарий помогал ему с дополнительными фетишами. По обе стороны от группы стояли две каменные пумы длиной по 2 фута каждая. Затем перед группой поставили пантеру длиной 12 дюймов с рельефными молниями по обе стороны и конкрецию. По обе стороны от алтаря были сложены высокие шкуры из медвежьих лап. Были добавлены чаша для облаков и тростник, а затем на спины пум были водружены две плоские корзинки с хачамони и подношениями из перьев, показанные на рисунке. Пока шло это мероприятие, младшие члены церкви рассыпали молотый каолин и черный пигмент по древним глиняным вазам, из которых они были взяты для приготовления песочной живописи.

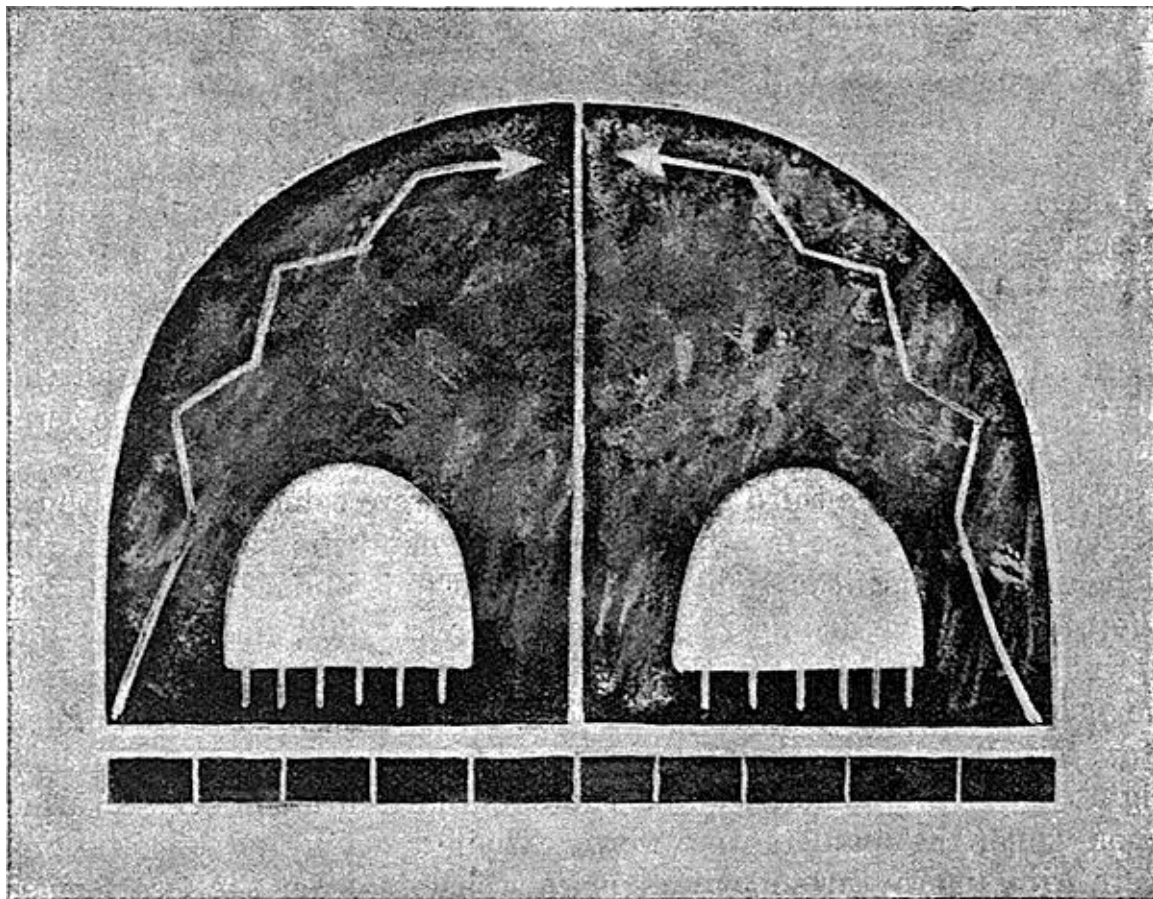
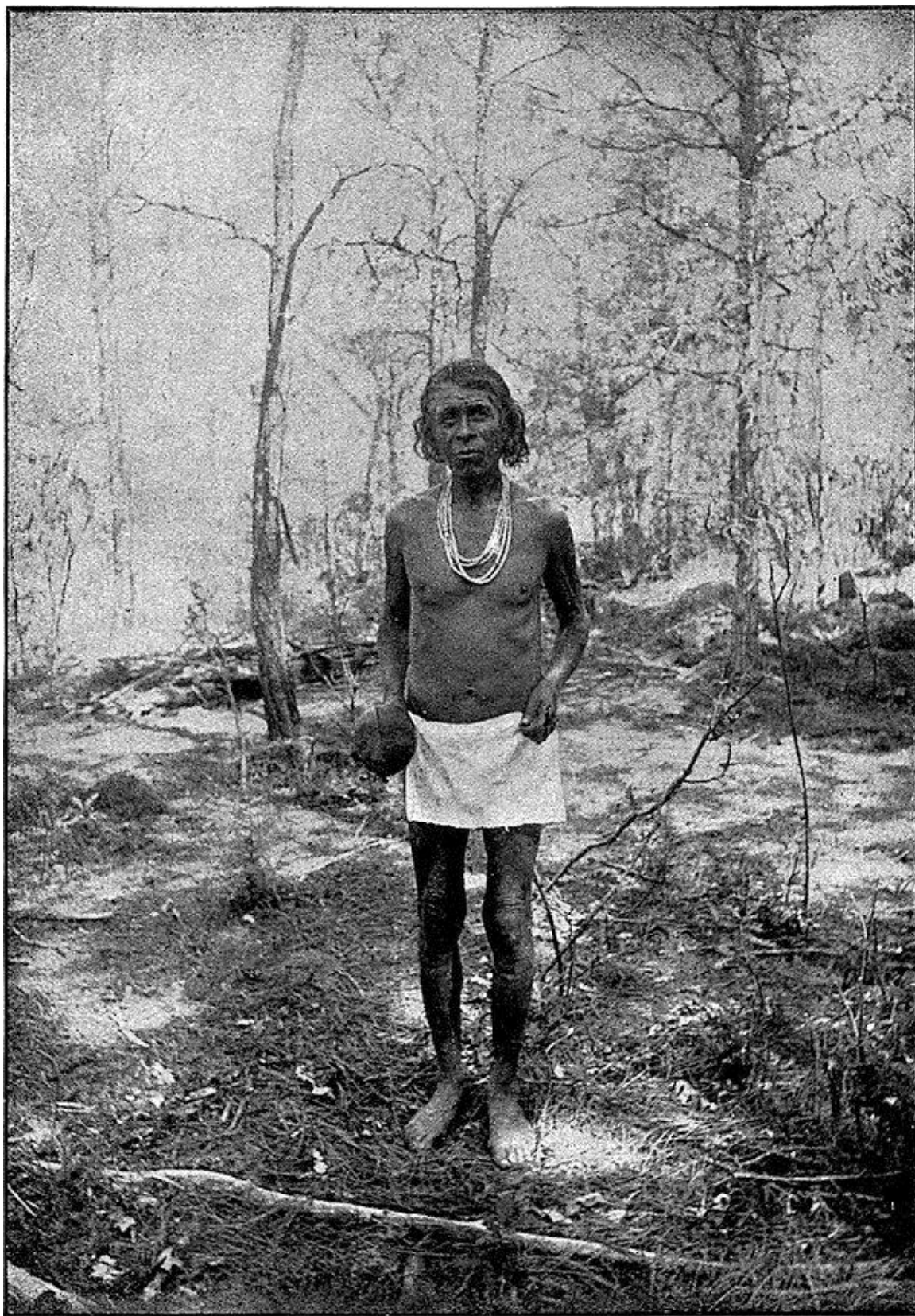

Рис. 17.— Рисование песком, как указано на рис. xxv.

Хонаит освятил чашу с водой молитвой и, опустив в нее шесть фетишей, окунул в воду свои орлиные перья и, ударив по их верхушке своей погремушкой, окропил алтарь; держа перья в левой руке, а погремушку в правой, он окропил стороны света. Священник сформировал круг из муки, затем насыпал круг мукой, положил на него подушечку из юкки и, держа облачную чашу высоко над головой, призвал облачный народ севера, запада, юга, востока, зенита и надира, а также всего мира напоить землю. Затем чашу устанавливали на подушечку, а поперек нее с северо-востока на юго-запад укладывали тростинку длиной 8 дюймов. Вице-хонаит расстелил небольшую тряпочку и измельчил на ней кусочек корня, из которого должна была получиться пена, в порошок, который он насыпал небольшой горкой перед чашей с облаком. Хонаит, который покинул комнату, теперь вернулся с попугаем и белым каменным медведем длиной 12 дюймов; медведь был завернут в большую тонкую белую оленью шкуру, а попугай находился под одеялом хонаита. Их положили перед алтарем ([Pl. xxiii](#)).

ХО-НА-АЙ-ТЕ ИЗ ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ.

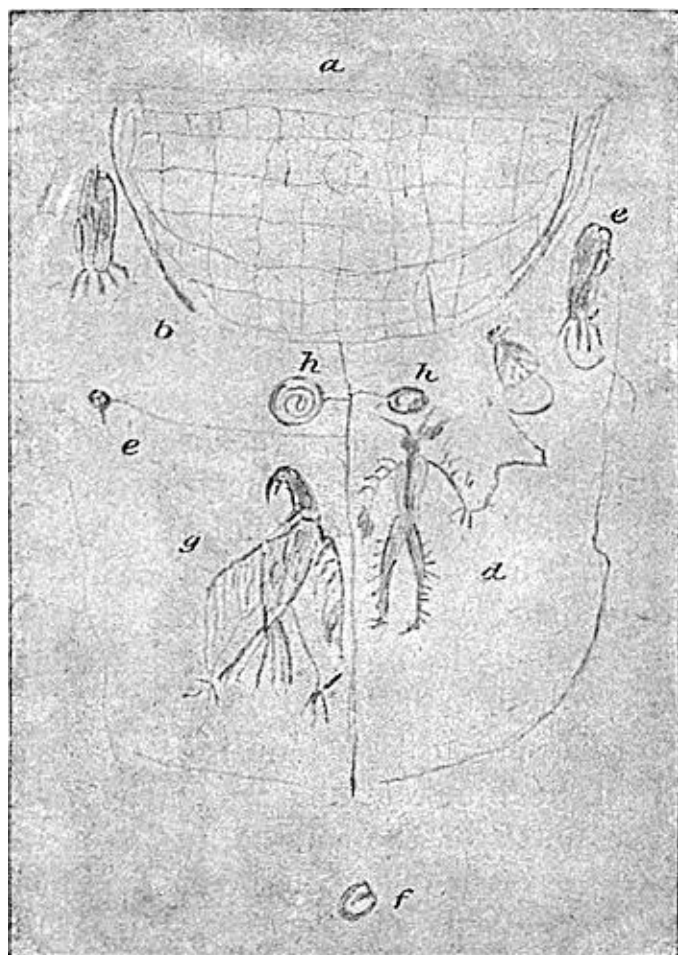

Рис. 18.— Рисование песком, используемое Муравьиным обществом в церемониях лечения больных.

Хонаит ([Стр. xxiv](#)) наклонился и, помолившись, посыпал медведя и попугая кукурузной пылью. У медведя и птицы были орлиные перья, прикрепленные к их шеям хлопчатобумажным шнуром. Перья медведя располагались на верхней части шеи, а перья попугая - под клювом. После молитвы хонаит прикурил сигарету из местного табака и кукурузной шелухи от палочки длиной около 5 футов, которую держал мальчик-прихожанин, и выпустил дым над медведем и попугаем. Затем он протянул сигарету над алтарем, после чего помахал ею по сторонам света. Викарий и мальчик посыпали медведя и попугая пылью из раковины морского ушка, а викарий окунул свои орлиные перья в чашу с лекарствами и четыре раза окропил их, затем алтарь, ударив по перьям погремушкой, которую держал в правой руке. Затем хонаит выпустил дым в чашу с облаками, над медведем и попугаем и протянул сигарету по сторонам света и над алтарем. Викарий прикурил такую же сигарету от длинной палки, которую держал мальчик, и, стоя к западу от алтаря, выпустил на нее дым, хонаит стоял и курил справа от него. Викарий положил окурки

своей сигареты рядом с облачной чашей, к востоку от линии подачи еды. Затем за алтарем была помещена скорлупа с кукурузной пылью, а рядом с ней - орлиные перья и погремушка хонаита; молитва перед алтарем, произнесенная всеми прихожанами, завершила вечернюю церемонию.

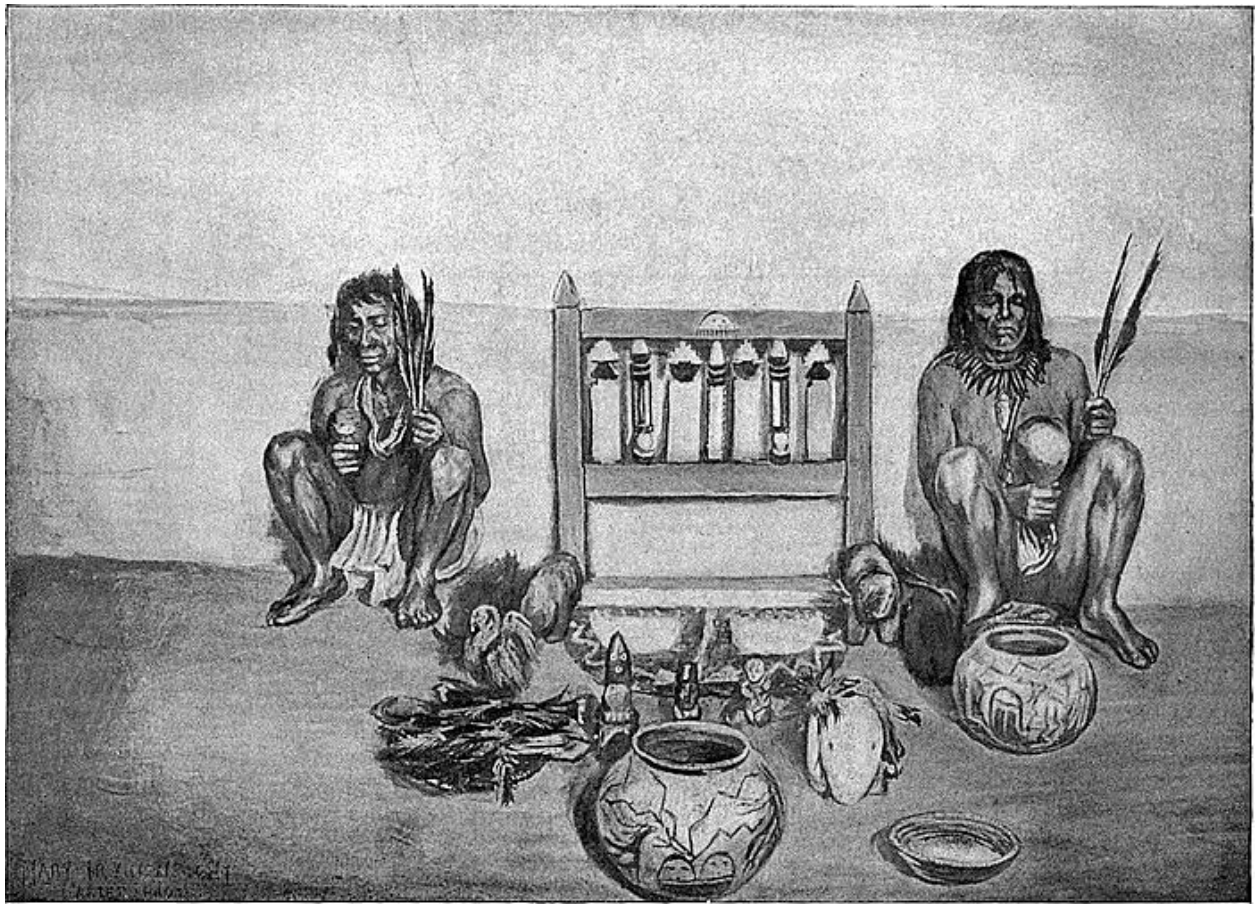
Следует заметить, что планчатый алтарь на [пл. xxv](#) отличается от алтаря на [пл. xxiii](#). Оба принадлежат Обществу Ножей, и их можно увидеть висящими бок о бок на стене в церемониальном зале Кверранны ([Стр. xxviii](#)), который также является официальным залом Общества ножей. Второй был сделан на случай неудачи первого. Викарий этого общества также является хонаитом и единственным выжившим членом Общества муравьев, и он, желая, чтобы автор увидел рисунок Общества муравьев песком, подготовил для этого случая картину вместо хонаита ([рис. 17](#)). Он также нарисовал ей эскиз картины, изображающей Общество муравьев для проведения церемоний для больных, которая представлена здесь ([рис. 18](#)). Это последнее можно описать следующим образом:

a представляет собой картину с изображением облаков, изображающую трапезу, *b* и *c* по обе стороны от нее разложены шкуры медвежьих лап. Остальная часть картины написана песком. *d*: муравьиный вождь, одетый в оленью шкуру, окаймляющую руки и ноги; в левой руке он держит молнию; его слова исходят прямо изо рта, как указано линией, к инвалиду *e*, который сидит на открытии церемонии справа от картины. Вождь муравьев говорит, что болезнь может оставить инвалида. Песню такого характера поют члены общества. Затем инвалид проходит к передней части алтаря и становится на священное тусайское покрывало (позиция обозначена *f*), когда хонаит и другие члены общества продолжают

произносить над ним свои заклинания, умоляя хищных животных привлечь муравьев на поверхность тела. Когда муравьи появляются и их стряхивают с тела, звучит песня, обращенная к орлу *g*, чтобы он прилетел и покормился муравьями. Когда муравьи будут съедены орлом, здоровье инвалида восстановится. Два круглых пятна *h* обозначают муравейники. Все это, вместе с изображениями вождя муравьев и орла, собрано в одеяло, на котором стоял инвалид, отнесено на некоторое расстояние к северу от деревни и сдано на хранение. После того, как одеяло вынесено из комнаты, рисунок с едой стирается хонаитом, который проводит рукой по еде от каждой из сторон света к центру; затем он натирает тело больного едой, после чего прихожане спешат натереть ею свои тела, чтобы очиститься не только от любого физического недуга, но и от всех дурных мыслей.

Когда писатель позже вечером вошел в церемониальный зал, еду расставляли в ряд посередине комнаты. На столе стояли семь мисок с тушеной бараниной, тортильями, ваяви и мамалыгой. Также был большой кофейник с кофе и сахарница. Хонаит, стоявший к востоку от очереди за едой, которая тянулась от алтаря до входа, повторил длинную молитву, после чего один из мальчиков-прихожан взял немного еды из каждого сосуда и, встав с противоположной стороны от очереди за едой, передал еду хонаиту, который принял ее в левую руку, переложив свои орлиные перья в правую. Затем он вышел из дома и, разбросав еду по сторонам света, предложил ее животному Копштайе с молитвой заступничества к собравшимся облачным людям, сказав:

“Копештая! Вот пища, подходи и ешь; Копештайя, Кугуар Севера, получи эту пищу; Медведь Запада, получи эту пищу; Барсук Юга, мы предлагаем тебе пищу, возьми ее и съешь; Волк Востока, мы даем тебе пищу; Орел Небес, получи эту пищу; Землеройка, получи эту пищу. Когда вы поест, тогда вы будете довольны, и вы пройдете прямой дорогой [имеется в виду прохождение существ копштайи через очередь за едой, чтобы войти в образы самих себя]. Мы молим тебя принести нам и всем народам пищу, крепкое здоровье и процветание, а нашим животным принести крепкое здоровье и на наши поля большие урожаи; и мы молим тебя попросить облачных людей прийти и напоить землю”.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ С ХО-НА-АЙ-ТЕ И ВИЦЕ-ХО-НА-АЙ-ТЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ.

По возвращении в церемониальный зал хонаит, стоя перед алтарем, молится Масеве, Уйуеву и шести воинам гор сторон света о защите их от всех врагов, которые могут прийти и нарушить их покой; и, стоя в конце очереди с едой, он возносит благодарственную молитву, держа в левой руке свои орлиные перья. Затем он скатывает свое одеяло в подушку, садится на него к западу от линии приема пищи и курит сигарету. После того, как жены участников принесли еду, все присутствующие расселись вокруг и наслаждались застольем. На то, что младшие члены церкви чувствовали себя свободными присоединиться к своим старшим, указывало то, как они помогали себе сами.

Военный вождь вошел в комнату вскоре после начала трапезы, завернутый в прекрасное одеяло индейцев навахо и держащий в руках лук и стрелы. Он стоял перед алтарем, с западной стороны очереди за едой, и молился. Вице-хонаит дал военачальнику глоток лечебной воды, приготовленной днем, а затем вручил ему официальный посох общества (тонкую палку длиной около 2 футов), которую он держал вместе со своим луком и стрелами до окончания церемонии. Военный вождь посидел некоторое время в южном конце комнаты, а затем ушел патрулировать город и следить, чтобы никто, не имеющий привилегий, не входил в церемониальный зал и не приближался к нему. После того, как трапеза была закончена, трое мальчиков вынесли миски в другую комнату, и, вернувшись, один из них подмел середину пола, уничтожив большую часть стола с едой, оставив нетронутым только 2 фута перед алтарем. Эта линия, однако, была возобновлена вице-хонаитом, который держал в левой руке два орлиных пера и миску для еды, в то время как правой он посыпал еду, но не для того, чтобы проложить дорогу существам пайатамо и копштайи, поскольку они ранее приходили к изображениям самих себя, а для того, чтобы песни могли пройти прямо через дом и выйти из него.

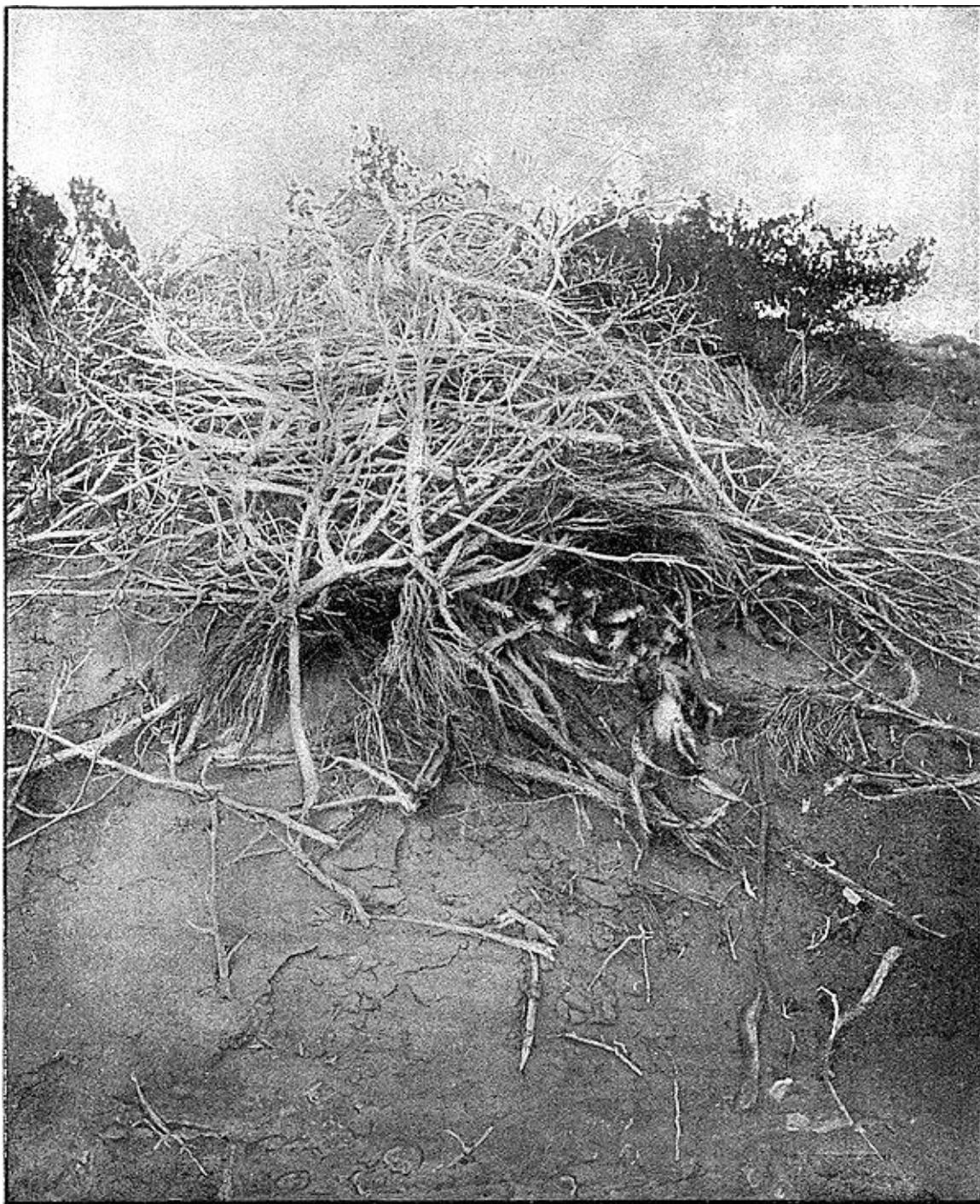
Теперь мужчины позволяли себе покурить. Автор никогда не наблюдал, чтобы мальчики из Сиа курили на этих церемониях или в любое другое время. Сигареты были прикурены от длинной палки, переданной одним из мальчиков, и после курения хонаит и его младший брат надели белые хлопчатобумажные юбки тусайян, вышитые вместо набедренных повязок, которые они сняли с крючка на стене, в то время как у других членов клуба были простые белые хлопчатобумажные. Теперь хонаит занял свое место за алтарем и прикурил вторую сигарету от длинной палочки, выпустив дым над алтарем. Этот дым был предложен Пайатамо и Копштайе, хонаит сказал: “Я даю это вам; курите и будьте довольны”. Затем он раздал всем присутствующим лечебную воду, окунув в нее раковину. Вице-хонаит, получивший последний глоток, пил прямо из чаши, стараясь не оставить в ней ни капли, после чего хонаит убрал из чаши шесть каменных оберегов. Процесс приготовления лечебной воды практически одинаков во всех культовых обществах, в Сиа и близко нет такого количества церемоний, связанных с этой важной особенностью поклонения фетишу, как у зуни и тусаян. Шесть фетишей были возвращены в сумку из оленьей кожи, и хонаит занял свое место за алтарем, члены церкви и послушники уже выстроились в линию позади алтаря, каждый из официальных членов держал по два орлиных пера в левой руке и погремушку из тыквы в правой. После короткой молитвы хонаита мальчик поднял пепел из очага своими орлиными перьями и положил его рядом с алтарем и к востоку от очереди за едой; снова он окунул некоторое количество, поместив их к западу от очереди за едой. Когда началось пение, он встал к западу от шеренги лицом к алтарю, а взрослый член церкви встал с восточной стороны, и каждый из них держал в каждой руке орлиное перо, а в правой - тыквенную погремушку. Мальчик макал перьями пепел, который лежал к западу от линии приема пищи, а мужчина - тот, который лежал к востоку от линии, и посыпал на север, ударяя перьями, которые держал в левой руке, по нижней стороне пера, которое держал в правой руке; снова макая пепел, мальчик посыпал на запад, а мужчина - на восток; снова поднимая пепел, они прошли на юг и посыпали там; затем мальчик пересек линию к востоку от линии приема пищи, а мужчина - к западу от линии, и на середине линии мальчик посыпал к западу от линии приема пищи, восток, а мужчина - запад; затем, танцуя перед алтарем, они снова поднимали пепел и посыпали на север. Во время танца оба орлиных пера держали в левой руке, а погремушку - в правой. Пепел снова поднимали и дважды бросали в зенит, а затем в надир. Разбрызгивание по сторонам света, зениту и надире, повторялось пятнадцать раз описанным способом. Это делалось для того, чтобы очистить ум от всех загрязнений, чтобы он мог быть чистым; чтобы песни срывались с губ чистыми и проходили прямо по дороге трапезы — единственной дороге. Мужчина и мальчик заняли свои места в очереди, вице-хонаит встал перед алтарем с западной стороны от очереди за едой, секунду или две потряс своей погремушкой, затем помахал ею вертикально перед алтарем, призывая прийти облачных людей; затем он помахал погремушкой с запада на восток, повторяя странное заклинание, его тело поддерживалось в движении за счет сгибания колен, ноги едва отрывались от земли. Погремушкой трижды помахали с запада на восток, а затем помахали на запад и в сторону алтаря, на восток и в сторону алтаря; затем, поднимая погремушку высоко над головой, он образовал круг. Это размахивание погремушкой повторилось шестнадцать раз. Перед каждым движением он держал погремушку совершенно неподвижно, положив ее на орлиные перья, которые держал в левой руке.

После шестнадцатого повторения он помахал погремушкой над алтарем. Песня в это время является призывом к облачному народу севера, запада, юга, востока и всем облачным народам мира собрать и послать дождь для орошения земли, чтобы все человечество могло наслаждаться плодами земли. Затем викарий встал справа от хонаита, и хор, встав, продолжил петь. Хонаит, склонившись над алтарем, взял две центральные яя, по одной в каждую руку, и поочередно поднимал их, в такт песне, время от времени протягивая яя над алтарем. У молодого послушника не было ни погремушки, ни перьев. Мальчик в восточном

конце очереди, пройдя две ступени, держал в правой руке свою погремушку, а в левой - миниатюрный посох. Викарий, стоявший справа от хонаита, и мужчина, стоявший слева от него, двигали своими погремушками и перьями в такт его движениям, все трое раскачивались взад-вперед и вытягивали руки наружу и вверх. Примерно в это же время было замечено, что мальчики в восточном конце очереди заснули, и мужчина, сидевший рядом с ними, не мог сделать ничего, чтобы разбудить их, хотя он постоянно касался их лиц своими орлиными перьями. Эта маленькая сцена была чем-то вроде картинки, поскольку мальчик, чье плечо служило опорой для головы другого, был сыном одного из самых выдающихся и богатых людей в пуэбло, а другой мальчик был упомянутым нищим. Строфы в этой песне были намного длиннее, чем когда-либо слышанные автором, и каждая заканчивалась быстрым встряхиванием погремушки. Песня продолжалась час с четвертью, затем певцы сделали небольшой перерыв и снова пели в течение тридцати минут; еще несколько минут отдыха, и песня снова продолжилась. Таким образом, он продолжался с половины десятого до полуночи. По окончании один из мальчиков принес вазу с водой и тыквенную тыкву из юго-западного угла комнаты и поставил их рядом с алтарем, к западу от очереди за едой. Янимсивиттани встал перед вазой и, взяв две полные тыквы воды, вылил их в чашу для лекарств; вылив также две полные тыквы в чашу для облаков, он некоторое время танцевал перед алтарем, размахивая над ним своими перьями и погремушкой; затем он вылил еще две полные тыквы в чашу для лекарств и еще две в чашу для облаков и возобновил свой танец. Он не пел во время выполнения этой части церемонии, но, наливая воду в чаши, издавал птичьи трели, призывая облачных людей собраться. Снова он высыпал две полные тыквы в чашу с лекарствами и две в чашу с облаками; и потанцевав минуту или две, он налил еще две полные тыквы в чашу с лекарствами и две в чашу с облаками и возобновил танец; снова он высыпал полную тыкву в чашу с лекарствами и две в чашу с облаками; затем он высыпал три в чашу с лекарствами и дважды отпил из чаши, после чего вернулся на свое место в ряду, а мальчик отнес вазу в дальний угол комнаты. С алтаря каждому прихожанину были вручены по два маленьких мешочка с лекарствами, один из которых содержал кукурузную пыльцу, а другой - кукурузную муку из шести сортов кукурузы: желтой, синей, красной, белой, черной и пестрой. Мешочки с орлиными перьями держали в левой руке, причем эта рука была тихой, в то время как погремушкой трясли правой в аккомпанемент песни. После нескольких минут пения пыльцу и муку, взятые из мешочков с лекарствами, высыпали в чашу с лекарствами. Хор не встал и не прошел к алтарю, а наклонился вперед с обеих сторон; и с каждым посыпанием блюда и пыльцы раздавался пронзительный призыв к облачному народу собраться; хонаит, посыпая его пыльцой, перегибался через перекладины алтаря. Посыпание пыльцой повторилось четыре раза, послушники не принимали участия в этой части церемонии, хотя им были предоставлены мешочки с пыльцой и мука. Янимсивиттани танцевал перед алтарем и к западу от линии приема пищи без погремушек и перьев, но постоянно улюлюкал, дико размахивая руками над алтарем и бросая камешки-фетиши поочередно в чаши для лекарств и облачные чаши, пока в каждой чаше не оказалось по шесть фетишей; затем, потянувшись за алтарем за своей погремушкой и орлиными перьями, он взял орлиное перо и погремушку в правую руку и орлиное перо в левую, размешал воду и окропил алтарь; затем он размешал воду в облачной чаше. тростью и окропил ею жертвенник. Окропление алтаря из чаши с лекарствами и облачной чаши повторилось шесть раз.

После каждого посыпания быстро встряхивали погремушку. Затем хонаит протянул руку через перекладины алтаря, взяв по яя в обе руки, и все встали и запели. Через мгновение человек справа от хонаита наклонился над западной стороной алтаря и, обмакнув свои перья в лечебную воду, окропил алтарь; он повторил окропление четыре раза, и когда два яя были возвращены к алтарю, хонаит окунул свои орлиные перья в лечебную воду и

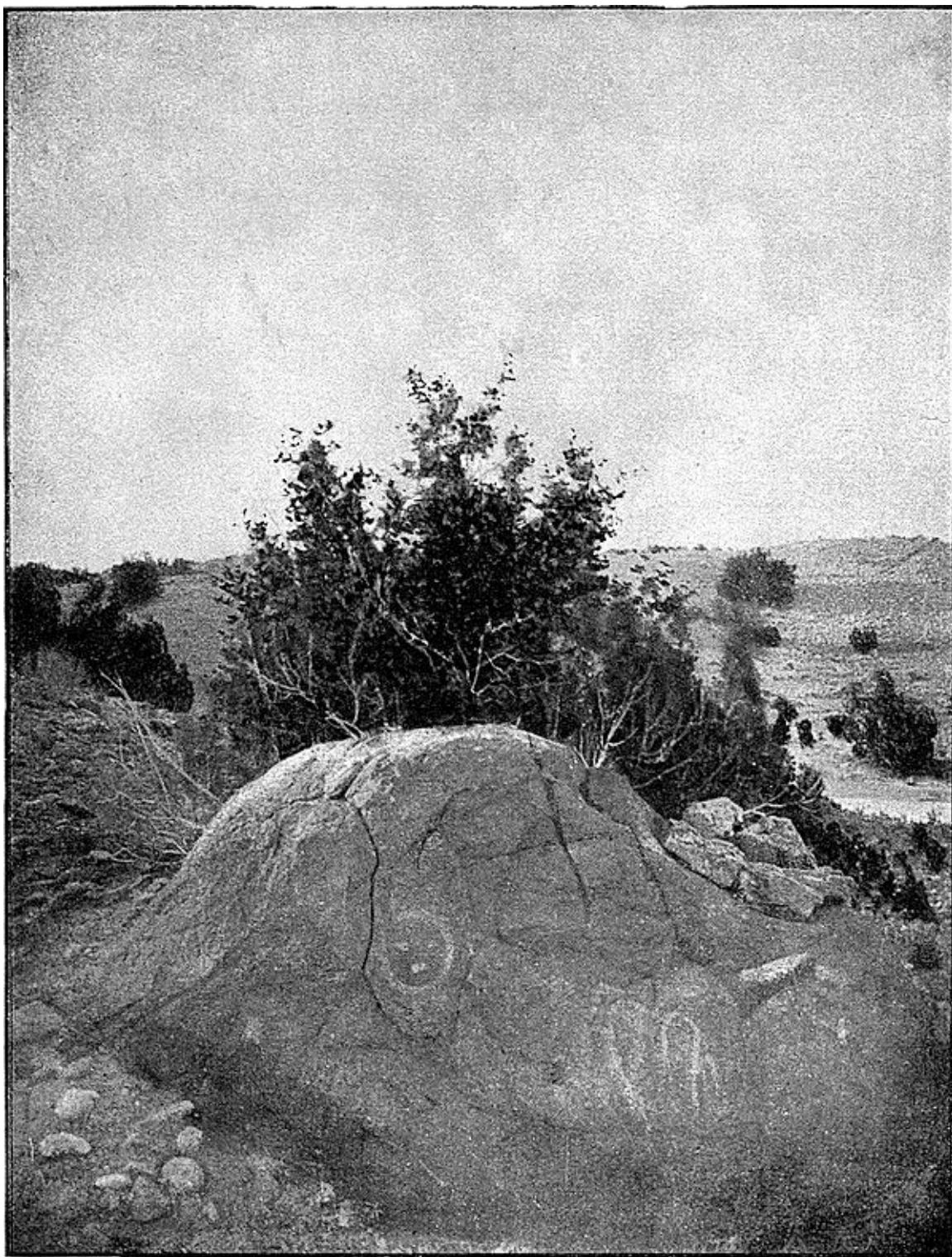
окропил алтарь, ударив по ним погремушкой, которую держал в правой руке. Затем каждый член церкви четыре раза окропил алтарь, обратившись с неистовым призывом к облачному народу, и все они, очевидно, проявляли при окроплении алтаря больше энтузиазма, чем в любое другое время церемонии. Когда песня закончилась, двое мальчиков заняли свои места перед камином и, оторвав кусочки кукурузной шелухи нужного размера, сделали их податливыми, смочив слюной. Один мальчик делал себе сигареты из местного табака, который брал со старой тряпки, висевшей на стене; другой набивал свои сигареты коммерческим табаком. Когда мальчики делали сигареты, они перевязывали их ленточками из кукурузной шелухи, просто чтобы они сохраняли форму, пока курильщики не будут готовы. Оставшийся местный табак был завернут в старую тряпку и повешен на стену. Примерно в то время, когда мальчики закончили готовить сигареты, вице-президент занял свое место на ватном одеяле перед "облачной чашей" и к западу от очереди за едой. Мужчина в восточном конце шеренги окунул свои орлиные перья в пепел, держа по перышку в каждой руке и ударя перышком, зажатым в левой руке, по нижней стороне перышком, зажатым в правой, он окропил голову викария, который возносил безмолвную молитву, и в тот же момент песня началась под аккомпанемент погремушки. Прежде чем викарий покинул очередь, хонаит снял белое пушистое орлиное перо с одной из я, к которой оно было прикреплено белым хлопчатобумажным шнурком, и привязал его к челке викария, который положил в чашу для облаков измельченный корень, из которого должна была получиться пена; затем, обмакнув тростинку в кукурузную пыльцу, он посыпал алтарь. Он положил щепотку пыльцы на верхний конец тростинки и, опустив ее в воду, положил щепотку на другой конец, а кукурузной пылью коснулся четырех сторон света чаши для облаков и создал пузырьки, держа полую тростинку в центре чаши и дуя через нее. Эта операция длилась всего несколько мгновений, после чего он начал помешивать воду тростинкой, двигая ее справа налево и никогда не поднимая нижний конец к поверхности воды, образуя красивую яичную пену. Не удовлетворившись тем, что пена высоко поднялась над чашей, он не прекращал манипуляций до тех пор, пока пена полностью не покрыла ее, так что ничего не было видно, кроме массы белоснежной пены; для достижения такого эффекта потребовалось пятнадцать минут непрерывного перемешивания. Затем он поместил трость в центр пены и, держа в каждой руке по орлиному плюмажу, заплясал перед алтарем, яростно жестикулируя. Он окунул мыльную пену двумя своими перьями и с диким криком бросил их в сторону алтаря, и снова окунув мыльную пену, он бросил ее через алтарь на север; такое же количество было брошено на запад, и столько же на юг, восток, зенит и надир. Затем он окунул немного воды и, положив немного на голову белого медведя, а немного - на попугая, снова сел на одеяло и начал дуть через тростинку и взбивать пену. Через пять минут он поставил тростинку, как и раньше, в центр чаши, затем, пританцовывая, окунул пену, поместив ее на голову медведя и поверх попугая; затем он снял оставшуюся пену с перьев, ударив одно о другое над чашей (Sia всегда называет эту пену облаками). Во время этой части церемонии хор исполнил обращение к облачным народам. Теперь мальчик протянул викарию сигарету из местного табака, который некоторое время пускал дым, направляя сигарету на север; снова закулив, он выпустил дым на запад и вытянул сигарету до этой точки; это повторилось на юг и восток; когда он выкурил всю сигарету, кроме дюйма, он положил ее перед миской с облаками и к востоку от очереди за едой. Хор не переставал петь во время курения, и когда окурок был брошен, викарий переложил погремушку в правую руку, попадая в такт хору. Когда песня закончилась, он покинул свое место перед чашей облаков и встал у западной стороны алтаря, снял с головы орлиное перо, вернул его яе и занял свое место у камина. Затем двое мальчиков прикурили сигареты из местного табака с помощью длинной палочки для розжига, раздав по одной каждому члену клуба.

СВЯТИЛИЩЕ ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ.

Через пятнадцать минут песня возобновилась, и человек к западу от хонаита окунул свои орлиные перья в целебную воду и окропил алтарь, повторив окропление четыре раза. Через двадцать пять минут песня закончилась, и мужчины с удовольствием перекурили, каждый из них, прикурив сигарету, помахал ею в сторону алтаря. Через двадцать пять минут хор снова запел, двое мальчиков стояли перед алтарем, по одному с каждой стороны от очереди за едой. Тот, кто стоял на западной стороне шеренги, окунул свои перья в целебную воду и окропил алтарь, а тот, кто стоял на восточной стороне шеренги, окунул свой посох в целебную воду и окропил алтарь. Затем они окунулись в чашу с облаками и бросили пену на север; снова окунув пену, мальчик к западу от очереди бросил пену на запад, а тот, кто к востоку от очереди, бросил пену на восток; снова окунув воду с лекарством, они прошли на юг и плеснули водой в эту точку, мальчик к западу от очереди за едой перешел на восток, а тот, кто к востоку от очереди за едой, перешел на запад, и, вернувшись к алтарю, они

окунули пену, мальчик к западу от очереди бросал пену в этом направлении, а мальчик к востоку от очереди за едой из линии бросали пену в эту точку; снова макая лечебную воду, они брызгали в зенит, а макая пену, они бросали ее в надир; затем мальчик, стоящий к западу от линии, переходил на восток, а тот, что к востоку от линии, переходил на запад, и, таким образом поменявшись местами, они повторяли обрызгивание сторон света, зенита и надира, двенадцать раз, поочередно окуная в лечебную воду и в чашу облаков. По окончании окропления песня на мгновение смолкла, и по команде хонаита мальчики, каждый взяв по корзинке с хачамони, которые стояли на спинах фетишей кугуаров по обе стороны от алтаря, встали перед алтарем, один с западной стороны очереди за едой, а другой с восточной, и, держа корзины в левой руке, потрясли погремушками; затем они держали корзину обеими руками, двигая ими в такт песне и погремушкам хора. Хонаит приказал им махать корзинками на север, запад, юг и восток, к зениту и надир; это они повторили двенадцать раз, а затем поставили корзины по обе стороны облачной чаши, и викарий поставил чашу с лечебной водой на два фута впереди облачной чаши, на линии подачи еды, и, взяв одну из яя в левую руку, он прошел восточнее линии и, низко наклонившись, размешал лечебную воду раковиной морского ушка, а затем провел рукой над яя и вдохнул из нее. Мужчина в западном конце очереди молящихся вышел вперед, и викарий дал ему выпить целебной воды, затем мужчина в восточном конце очереди получил выпивку. Мальчик, который разбрасывал пену перьями, шел следующим, а за ним мальчик (нищий), который держал миниатюрный посох; затем подошел третий мальчик и выпил; мужчина слева от хонаита, следующий следующим, хонаит вышел вперед; он не набирал воду из раковины, а пил прямо из чаши; викарий, державший чашу правой рукой, поднес ее к губам хонаита, хонаит сжал яя, которую держал в левой руке викарий; затем он взял чашу своей рукой. правой рукой он обхватил яя левой и поднес ее к губам викария, который после этого вышел из комнаты, унося с собой остатки лечебной воды и яя. Он вышел на улицу и, наполнив рот водой, выпустил струю сквозь зубы на север, запад, юг и восток, в зенит и надир, а затем на весь мир, чтобы облачный народ собрался и напоил землю. Через короткое время он вернулся и поставил чашу и яя перед алтарем. Раковину положили к востоку от линии подачи еды и перед облачной чашей. Затем хонаиту была вручена сигарета, и, выпустив первые несколько затяжек над алтарем, он прикурил ее без дальнейших церемоний и, взяв в обе руки две корзины с подношениями из перьев, опустился на колени на небольшом расстоянии перед алтарем и к западу от очереди за едой. Двое младших членов церкви завернулись в одеяла и склонились перед хонааитом с противоположной стороны очереди за едой. Хонаит разделил подношения между ними двумя, положив их на покрывало там, где оно проходило через левую руку; эти подношения предназначались Пайатамо и Копштайе, и были оставлены мальчиками в святилищах Копштайи (см. [XXVI](#) и [XXVII](#)). Теперь юноша-послушник приносил еду, и в связи с праздником общество закрылось в 3 часа ночи.

СВЯТИЛИЩЕ ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ.

ОБЩЕСТВО КВЕРРАННЫ.

Число членов Общества Кверранны сокращено до трех человек — хонаита, викария и женщины; в настоящее время в нем находится послушник, мальчик 5 лет. В этом обществе представлены три поколения — отец, сын и внук. Старший мужчина - один из самых пожилых в Sia, и, хотя он является хонаитом Кверранны и викарием Общества воинов и почитается своим народом почти как мудрый “Оракул”, его семья самая обездоленная в Sia, поскольку и так состоит из непродуктивных членов. Его жена - инвалид; его старший сын,

викарий Общества Кверранна, парализован, а младший сын - ничтожество. Третий ребенок - дочь, которая была слепа с младенчества; она мать двоих детей, но никогда не была замужем. Четвертый ребенок - 10-летняя девочка, все время которой уходит на заботу о детях ее слепой сестры, принесение воды для семейного пользования, измельчение кукурузы (мать и сестра иногда помогают в измельчении) и приготовление блюд, которые состоят, за редким исключением, из миски каши. Во время посева и сбора урожая отец один ухаживает за полями, которые являются их главной зависимостью; и он ищет такую работу, которую можно получить у своего народа, и таким образом обменивает труд на пищу. Каждое ценное одеяло было продано за пропитание, пока от семьи не остались одни лохмотья для одежды. В течение нескольких лет эта семья находилась на грани голодной смерти, и скудость пищи и душевные страдания отражаются в лице каждого члена семьи, за исключением никчемного парня (который разъезжает по стране, навязываясь своим друзьям). Даже малыши более спокойны, чем другие дети в деревне.

Клан ничего не делает для этой семьи. Внимательное наблюдение приводит автора к мысли, что с Сиа не существует таких клановых уз, как с другими племенами. Это, однако, может быть связано с длительной борьбой за существование. Отцы и матери в первую очередь заботятся о потребностях своих детей, затем возникает интерес ребенка к родителям, а братьев и сестер друг к другу. В семье нет недостатка в самоотречении.

Хонаит Кверранны - единственный выживший член клана Орла, но его жена принадлежит к клану Кукурузы и имеет ряд связей. Когда автор упрекнул женщину из этого клана за то, что она не помогает страждущим, она ответила: "Я бы помогла им, если бы могла, но у нас самих недостаточно средств", что подтверждает мнение о том, что клан здесь вторичен по отношению к более тесным кровным узам. Забота о ближайших родственниках обязательна; в клане этого нет.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА КЕР-РАН-НА.

Дом, в котором живет эта семья, маленький и без средств вентиляции, и можно увидеть, как старик, возвращаясь со своих повседневных работ, помогает своей больной жене и парализованному сыну добраться туда, где они могут подышать чистым воздухом. Обычно их сопровождает маленькая девочка, ведущая свою слепую сестру и несущая ребенка на спине, завернутого в кусок старой шали, которую девочка крепко обматывает вокруг себя.

Всегда терпеливый, всегда любящий старик относится к своим домочадцам, и писатель всегда был уверен в приветственных улыбках и теплых словах от каждого из этих несчастных. Не нуждаясь в гостеприимстве даже в крайнем случае, они пригласили ее присоединиться к ним, когда бы она ни застала их за скромной трапезой.

Единственным лекарством, которым обладают кверранна, является сев-вили, который состоит из корней и цветов шести мифических лекарственных растений солнца, архаичных белых ракушек и черных каменных бусин, тюркиса и желтого камня.

Приготовление этого лекарства, как и в других культовых обществах, аналогично способу, соблюдаемому зуни. Женщины одеты в священные белые вышитые тусайские одеяла, и во время торжественной церемонии они измельчают лекарство в мелкий порошок. Когда женщина желает забеременеть, хонаит дает ей это лекарство в частном порядке, небольшое количество порошка разводят в холодной воде, а фетиш из Кверранны опускают в воду четыре раза. Доза этого лекарства гарантирует осуществление ее желания; если оно не удастся, значит, у женщины нехорошее сердце. Это же лекарство также вводят на церемониях членам общества за сохранение их расы; и хонаит, набрав полный рот,

выплескивает его сквозь зубы по сторонам света, чтобы облачный народ мог собраться и послать дождь, чтобы земля была плодородной.

ЦЕРЕМОНИАЛ ДОЖДЯ ОБЩЕСТВА КВЕРРАННА.

В течение дня хонаит готовит хашмони и подношения из перьев, а во второй половине дня он устанавливает алтарь, который сильно отличается от алтарей других культовых обществ, и рисует картину с изображением облаков. Затем шесть фетишей Кверранны выстраиваются в ряд, самый большой составляет около 6 дюймов, самый маленький - 3, остальные различаются по размеру; перед рядом фетишей ставится чаша для лекарств; оленьи рога располагаются к востоку от картины с едой; а вокруг картины расставлены корзины с крупами, кукурузой в початках, мешочками с лекарствами и корзинка с хачаmoni и подношениями из перьев. На рис. xxxviii показана фотография во время церемонии; на рис. xxix, сделанном на случай неудачи первой фотографии, показана картина с изображением трапезы, символизирующая облака, которая полностью скрыта на первой фотографии, и более определенно иллюстрирует украшение алтаря перьями. Птицы, венчающие два столба, выполнены из дерева с недюжинными претензиями; перья птиц - орлиные перья, а пучки перьев, подвешенные к шнуру, - это хвостовые перья самки ястреба-перепелятника (*Falco sparverius*) и длиннохвостой сойки (*Cyanocitta macrolopha*).

У мужчин и ребенка зачесаны назад челки и перевязаны лентами из кукурузной шелухи, у каждого мужчины на левой стороне головы прикреплен пучок перьев ястреба и сойки. Они носят белые хлопчатобумажные набедренные повязки и ожерелья из кораллов и кохакуа (архаичных головок раковин).^[21] Женщина одета в свое обычное платье и несколько коралловых ожерелий, ее ступни и конечности обнажены.

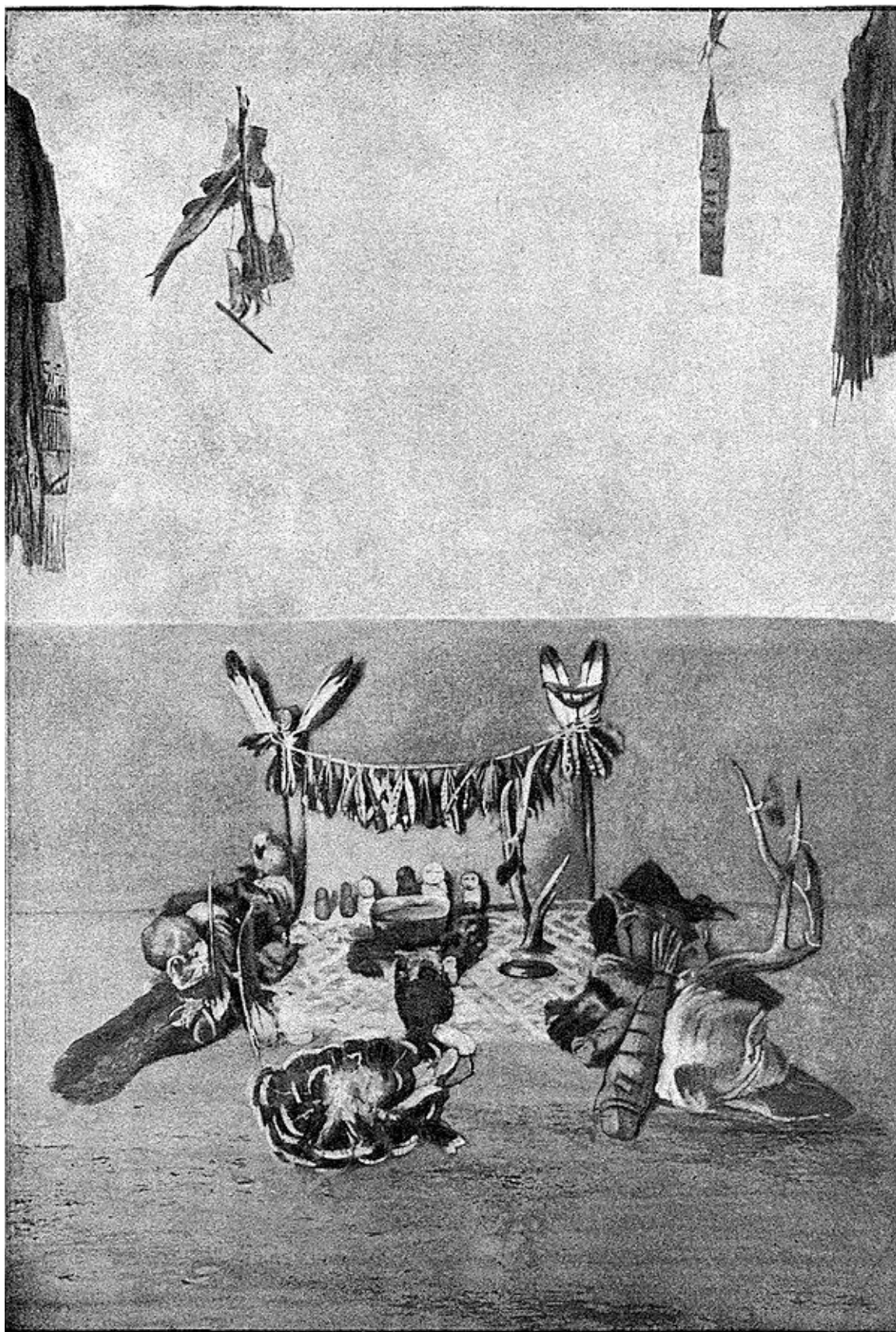
Хонаит, взяв чашу с едой перед алтарем и держа ее в левой руке вместе со своими орлиными перьями и жезлом, — жезл представлял собой миниатюрный крючок, искусно украшенный перьями, — рассыпал муку с картины до входа в комнату, чтобы существо Кверранны могло пройти мимо.

Хонаит, его викарий и женщина сидели позади алтаря: хонаит с западной стороны, вице справа от него, а женщина с восточной. В это время возле алтаря спал ребенок.

Хонаит наполнил раковину морского ушка кукурузной пылью и, держа раковину, два орлиных пера и волшебную палочку в левой руке и погремушку в правой, вознес длинную молитву Кверранне, чтобы призвать облачный народ напитать землю, и несколько раз окропил пылью алтарь. В конце молитвы он вручил скорлупу с пылью женщине, которая прошла к передней части алтаря, к востоку от очереди за едой, и посыпала алтарь пылью. Заиграла песня, и женщина, оставаясь в своем положении перед алтарем, отбивала такт, двигая палочкой вправо и влево, затем простирая ее над алтарем; каждый раз, прежде чем взмахнуть ею над алтарем, она на мгновение опускала ее на раковину; повторив движение несколько раз, она вытягивала палочку на север, двигая ею вправо и влево, и, положив ее на раковину, она вытягивала ее на запад, и палочка таким образом была направлена по сторонам света, в зенит и надир. Взмах жезлом до острия был повторен четыре раза; затем женщина вернула раковину хонаиту, который время от времени помахивал своими перьями и жезлом над алтарем. В это время проснулся ребенок и, скомкав из своего одеяла, сел на него между хонаитом и викарием; последний дал ребенку палочку и погремушку и присоединился к песне.

Разбитый параличом викарий мало что мог добавить к церемонии, хотя и прилагал напряженные усилия, чтобы петь и раскачивать свое парализованное тело. Группа представляла собой жалкую картину, но она продемонстрировала поразительное доказательство преданности этих людей соблюдению своего культа — мерцающий свет

костра играл огнями и тенями вокруг голов трех участников, над которыми Время с мрачной угрозой держит косу, в то время как они напрягали все нервы, чтобы сделать все возможное из совершаемого ими ритуала; мальчик, которого не нужно было будить, чтобы он запел и согнул свое крошечное тело в такт погремушке, присоединился к призывам облачного народа собираться и поливать землю с таким же энтузиазмом, с каким они это делали. его старшие.

АЛТАРЬ ОБЩЕСТВА КЕР-РАН-НА.

Песня продолжалась, когда все стояли, без перерыва в течение часа. Затем женщина принесла вазу с водой и тыквенную тыкву из юго-западного угла комнаты и поставила их перед алтарем в ряд с едой, а хонаит взял с западной стороны алтаря четыре мешочка с лекарствами, передав два мужчине и два мальчику (в одном мешочке была пыльца, а в

другом мука), и отдал скорлупу с пылью женщине. Она стояла перед алтарем к востоку от очереди за едой, раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, держа палочку в правой руке, а раковину - в левой, в такт погремушке и песне. Она вылила воду из тыквы-горлянки в чашу для лекарств, умоляя Кверранну заступиться за облачный народ, чтобы тот собрался; затем хонаит насыпал севили в чашу для лекарств; затем маленький мальчик насыпал в чашу пыльцу, призывая облачный народ собраться, и викарий с тем же прошением насыпал пыльцу. Затем женщина налила воды из второй тыквы, сначала махнув ею на север, в чашу с лекарствами, призывая облачный народ собраться; хонаит снова положил часть севили в чашу, и его викарий и мальчик посыпали муку, обращаясь к облачному народу; снова женщина подняла тыкву с водой, махнула ею на запад и вылила ее в чашу, призывая облачный народ собраться; а остальные посыпали кукурузной пылью, викарий и мальчик призвали облачный народ собраться; женщина снова подняла тыкву с водой, махнула ею на запад и вылила ее в чашу, призывая облачный народ собраться. Затем женщина помахала тыквой с водой на юг и вылила ее в чашу, и снова остальные посыпали пылью, викарий и мальчик повторили свою просьбу; еще одна тыква была поднята, помахана на восток и высыпана в чашу, и посыпание пылью повторилось. Женщина отнесла вазу в дальний конец комнаты (она совершала обряд приготовления лечебной воды, поскольку викарий, будучи паралитиком, не мог выполнять эту обязанность) и вернулась на свое место за алтарем; протянув руку, она достала два маленьких мешочка с лекарствами и, взяв щепотку пыли из одного и щепотку муки из другого, разбрызгала лечебную воду; повторив обрызгивание, она завязала мешочки и вернула их на место у алтаря. Хонаит, обмакнув свои перья в чашу с лекарствами, трижды окропил алтарь, ударив по верхушке перьев, которые держал в левой руке, погремушкой, которую держал в правой. Остальные повторили окропление три раза, в то время как хонаит пел тихую песнь. Теперь все встали, и хонаит, продолжая песню, яростно двигал телом, начиная с колен; во время пения он простер свои орлиные перья над алтарем и окунул их в целебную воду, призывая облачный народ собраться; затем он окунул птичьи перья, прикрепленные к его палочке, в целебную воду с аналогичным призывом; мальчик окунул перья, прикрепленные к его палочке, в воду, ударяя по ним погремушкой, призывая облачный народ собрать и полить землю; хонаит дважды подряд окунул свои орлиные перья в целебную воду, призывая облачный народ полить землю. вода, призывая облачных людей полить землю; и викарий окунул свои перья в целебную воду, издавая самые отвратительные звуки в своих попытках призвать облачных людей; мальчик брызгал заклинанием облачным людям. Окропление было повторено поочередно шесть раз каждым из членов церкви, хонаит указывал на стороны света, продолжая свое увещание облачному народу. Вернувшись на свои места, они пели до полуночи, когда хонаит положил кончики своих перьев в рот и сделал вдох, а женщина приложила свою палочку к восточной стороне картины с едой. Церемония завершалась подачей лечебной воды, хонаит окунал в нее раковину. Из-за бедственного положения общества обязанность вносить хачамони и подношения из перьев легла на самого хонаита.

ДРУГИЕ ОБЩЕСТВА.

В дополнение к тринадцати культовым обществам зуни у них есть общество Кок-ко, мифологическое общество.

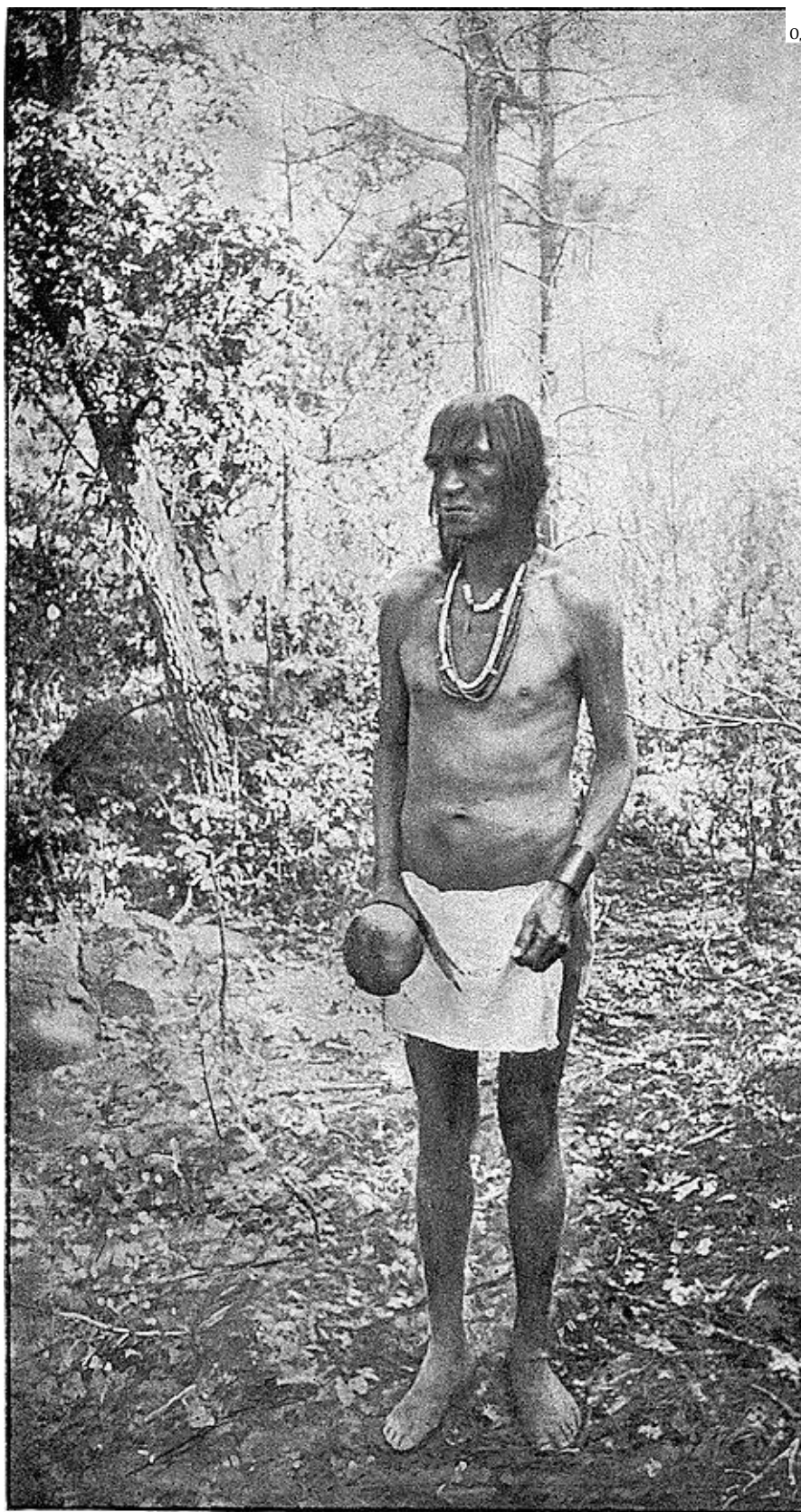
Все молодые люди обязаны становиться членами этого общества, чтобы обеспечить себе доступ в танцевальный дом на озере ушедших духов; сначала путем невольной, а затем и добровольной инициации. Женщины иногда, хотя и редко, присоединяются к этому отряду. Хотя мифология Сиа изобилует теми же антропоморфными существами, их происхождение объясняется совершенно иначе, чем у зуни. Камсуны Сиа были созданы Оттом за одну ночь в

нижнем мире.^[22] Эти существа сопровождали Sia в этот мир, и после их появления здесь Отс велел им идти на запад и там обустроить свой дом на все грядущие времена.

Их просят использовать свое влияние на облачных людей, и танцы камсун обычно проводятся во время дождя или снега. Контролировать появление камсуна - прерогатива тиамони. Когда должен состояться танец, хонаит Общества Кверранны выбирает таких мужчин и женщин, которых он желает пригласить на танец, и проводит ряд репетиций, как песен, так и танцев. Те, кто наиболее грациозен, кто обладает наибольшей выносливостью и наиболее запоминающимися песнями, выбираются для воплощения Камсуны независимо от каких-либо других соображений. Однако оба пола, должно быть, были сначала посвящены в тайны камсуны.

Sia считает, что перед инициацией действующие лица являются настоящими Камсунами. Наставление продолжается от четырех до восьми дней, и в течение этого периода необходимо соблюдать воздержание, а женатые мужчины и женщины каждое утро выпивают рвотное средство для очищения от супружеских отношений.

Всякий раз, когда появляются камсуны, их сопровождают их слуги, кошайри и Кверранна, которые прислуживают им, следя за любым беспорядком в одежде и веселя зрителей своими остроумными высказываниями и шутовством.

ХО-НА-АЙ-ТЕ ОБЩЕСТВА КЕР-РАН-НА.

У Сиа есть великое множество масок, которые, судя по их внешнему виду, должны быть очень старыми, и жрец Кверранны, который за них отвечает, утверждает, что они очень древние. Пожалуйста. [XXXI](#) и [XXXII](#) иллюстрируют некоторые маски камсун.

Когда мальчик или девочка достигают того возраста, когда, по словам их отцов, у них появляется хорошая голова, примерно десяти или двенадцати лет, отец сначала предлагает хонайте Кверранны (если отца нет в живых, тогда говорит мать), что он хотел бы, чтобы его сын или дочь познакомились с Камсуной; затем он сообщает о своем желании тиямони, и после того, как эти двое скажут: "Это хорошо", он говорит своему ребенку: "Дитя мое, я думаю, тебе пора познакомиться с Камсуной". , " и ребенок отвечает: "Все хорошо, отец". Затем родитель сообщает хонаиту, что его ребенок желает познакомиться с Камсуной, и хонаит отвечает: "Это хорошо". Когда Камсуны придут в следующий раз, он, возможно, узнает их.

Хонаит готовит праздничную роспись по этому случаю, накрывая ее на время одеялом. По прибытии Камсуны отец и ребенок, а также, если ребенок является членом культового общества, теург общества, направляются в церемониальный дом Кверранны. Если у ребенка есть фетиш яя, он носит его прижатым к груди. При входе в церемониальный зал ребенок и сопровождающие занимают свои места в северном конце комнаты, ближе к западной стороне, хонаит Кверранны сидит к западу от картины с едой, мальчик справа от него, а родитель рядом с мальчиком. Присутствуют тиямони и хонаиты воинов, которые сидят в западной части комнаты, примерно посередине. Сайахлия (двое из камсун) некоторое время топчутся посреди комнаты, затем хонаит подводит ребенка к картине "Трапеза", которая, однако, все еще накрыта одеялом, и говорит камсуне: "Юноша [или девушка, кто бы это ни был] познакомился с тобой". У каждого камсуна в каждой руке по пучку испанских штыков, и ребенок получает по два удара по спине от каждого из камсун, если только он не является официальным членом культового общества; в этом случае ребенок получает два удара по спине от каждого из камсун. в этом случае он освобождается от наказания. Мальчик обнажен, если не считать набедренной повязки; девочка одета в свою обычную одежду. Хонаит, обращаясь к Камсуне, говорит: "Теперь вам следует приподнять свои маски, чтобы ребенок мог видеть". Один из сайахлий надевает свою маску на голову ребенка, а другой кладет свою рядом с изображением трапезы, хонаит предварительно убрал одеяло. Затем персонажи Камсуны говорят ребенку: "Теперь, когда ты знаешь Камсуну, у тебя отныне будут только хорошие мысли и доброе сердце; возможно, когда-нибудь ты станешь одним из нас. Ты не должен говорить об этих вещах никому, не прошедшему посвящение". Затем маску снимают с головы ребенка и кладут рядом с другой, и мальчик отвечает: "Я никому не буду говорить об этих вещах". Затем Камсуна натирает ребенка мукой с картины, а присутствующие после этого собираются вокруг картины и натирают мукой свои тела для умственного и физического очищения. Ребенок кладет хачамони, подаренный ему хонаитом, в святилище Кверранны у подножия деревни к западу. хачамони состоит из перьев орла и индейки. Кладя его, ребенок говорит: "Теперь я знаю тебя, Камсуна, и я плачу тебе это хачамони". Хонаиты кладут хачамони для каждого члена общества в святилище, которое находится в трещине в скале, и после внесения хачамони отверстие закрывается камнем, и никаких следов святилища не остается.

ОБЩЕСТВО ПУМЫ.

Это общество почти вымерло, его члены состоят из хонаита (оракула) и его викария, первый из которых также был хонаитом общества воинов; несмотря на возраст, он в совершенстве сохраняет свои способности и выполняет свои официальные и религиозные обязанности с величайшим интересом.

Перед охотой на дичь это общество проводит двухдневную церемонию, а на третье утро вице-хонаите приносит в жертву хачамони и плюмаж. К кугуару обращаются, поскольку он великий отец и хозяин всей дичи; он привлекает к себе дичь, просто сидя неподвижно, скрестив руки на груди и мысленно требуя присутствия дичи; аналогично, когда он хочет

послать дичь каким-либо конкретным людям, он управляет ею с помощью своего разума, а не произносимых слов. Хотя пума посылает дичь, именно солнце дает силу Sia поймать ее.

Решение о времени охоты является прерогативой хо[наитов этого общества. Хачамони отправляются в кугуар севера, запада, юга и востока, чтобы передать послания Sia. Если предстоит охота на кролика, палку для кролика и наконечник стрелы кладут в качестве подношений солнцу. Подношения пуме в зените кладут на север, а подношения солнцу - на восток. Если охота ведется на более крупную дичь, то наконечник стрелы направлен только к солнцу. Охота может начаться очень скоро после принесения этих жертвоприношений или не начаться в течение некоторого времени, это необязательно для хонаайте. Он не уведомляет народ напрямую, но обращается к военачальнику, который оглашает его послание. Когда объявляется о предстоящей охоте, ночью на восточной стороне деревни разводят костер, и отобранные охотники собираются вокруг него в круг; здесь ночь проводят, строя планы охоты, сочиняя эпические песни и рассказывая истории, и, подобно другим индейцам, Сиа рассказывают о доблестных деяниях мифических существ и их народа тихими, модулированными тонами. Охота начинается через четыре дня после этого, и воздержание соблюдается до окончания охоты. На пятое утро, если охота ведется на кроликов, мужчины и женщины деревни готовятся присоединиться к охоте, сначала обмывая голову мыльной пеной из юкки, а затем надевая свою лучшую одежду; только мужчины охотятся на более крупную дичь. На кроликов охотятся верхом с помощью кроличьих палок; на оленей - пешком и с ружьем, предпочитая стрелять из лука.

МАСКИ SIA.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Группа охотников, которой военный вождь поручил поохотиться на оленей и антилоп, покинула деревню во второй половине дня во главе с заместителем военного вождя. Тиямони был членом этой партии. Автор упоминает об этом, поскольку для тиямони необычно участвовать в охоте, и Sia утверждает, что если бы их тиямони не был простым мальчиком, он бы соблюдал обычай своих предшественников и отказался участвовать в охоте. Из-за нехватки дичи в этой части страны потребовалось три дня пути, прежде чем ее удалось добыть.

Перед отъездом группы хонаит общества кугуара посетил дом каждого человека, который должен был участвовать в охоте, и обнял его, повторяя короткую молитву об успехе. Молитва была обращена сначала к кугуару, отцу дичи, чтобы он мог посылать своих детей по стране, а затем к солнцу, чтобы оно дало охотникам силу добывать дичь. Жены и родственники участников охоты были заняты приготовлением для них еды; жена каждого мужчины тщательно заботилась о его личных потребностях. Жена передала ему охотничье ружье после того, как он сел на лошадь, а неженатому мужчине из группы ружье передал его отец.

Охотники отсутствовали тринадцать дней, и по их возвращении один из членов отряда был отправлен заранее в качестве курьера, чтобы уведомить военного вождя. Эта новость вызвала всеобщий восторг у жителей деревни, особенно у жен охотников, которые сразу же начали готовиться к их прибытию. Они достигли реки около захода солнца, и при переправе были встречены вице-хонаитом общества воинов и военным вождем, которые вознесли молитвы и посыпали еду в знак благодарности за успех и благополучное возвращение охотников, которые собрались на берегу реки. Младшие дети из возвращавшегося отряда также были на берегу реки, чтобы встретить своих отцов, которые сразу же взяли своих малышей с собой на лошадей и выразили большую радость от того, что снова увидели их. Затем охотники гуськом поднялись на холм к деревне во главе с викарием общества воинов и военным вождем, причем двое последних шли пешком, военный вождь следовал за викарием. Мужчина, чей дом находился у входа на площадь, выбыл из очереди, чтобы пойти к себе домой, и к тому времени, когда он подошел к двери, его жена была снаружи, чтобы принять его оружие и другой багаж, который он нес; это было единственное приветствие между мужем и женой. После того, как всадники пересекли площадь, в его дом вошел второй мужчина, он был викарием общества пумы и сыном викария общества воинов. Затем военачальник возглавлял отряд до тех пор, пока не остался только один всадник, которому, добравшись до своего дома, военачальник помог снять ношу с себя и животного. Несколько женщин деревни обняли тиямони после того, как он спешил, который, однако, казался полностью поглощенным своей маленькой дочерью, а приветствие его жены, как и приветствия других жен, сводилось к тому, что он просто снял с лошади сначала ружье, а затем и другие пожитки.

Хонаит общества кугуаров посетил дома всех вернувшихся охотников, сначала зайдя в дом своего викария. Молодой человек встал в центре комнаты, и хонаит обнял его и повторил благодарственную молитву за его успех на охоте и благополучное возвращение. Затем старику помогли сесть на ватное одеяло, и отец охотника расстелил на полу овчину шерстью вниз и высыпал на нее содержимое мешка, снятого с лошади охотника, которое представляло собой не что иное, как высушенное мясо и кости антилопы. Затем старик достал из своей сумки фетиш пумы длиной около 3 дюймов и, много раз прикасаясь им к мясу антилопы, усердно молился в течение нескольких минут. Его молитвы были обращены к кугуару, в которых он благодарил его за доброту, пославшую своих детей по этой земле, чтобы Sia могла заполнить их в качестве платы облачному народу за полив земли.

В следующем посещенном доме мясо антилопы было разложено на медвежьей шкуре шерстью вниз. Шкуру антилопы складывали вдоль и укладывали рядом с мясом, а череп и рога помещали с одного конца. Жена охотника положила поверх черепа множество нитей кораллов, кохакуа и тюркских бус, а затем накрыла тушу белым вышитым тусайским одеялом. Перед изголовьем была поставлена небольшая чаша со священной едой. Пожилой хонаит повторил молитву, подобную той, которую он вознес в первом доме, не забыв приложить фетиш к антилопе; затем он четыре раза сложил руки над черепом антилопы и сделал вдох, после чего охотник зажег сигарету для хонаита, который первым подул на антилопу и протянул к ней сигарету. Хонаит повторил молитву в домах четырех удачливых

охотников. Двое других мужчин не остались незамеченными, когда он обнял их и повторил благодарственную молитву за их благополучное возвращение.^[23] Военный вождь посетил все дома, но не сделал ничего, кроме того, что посыпал антилопу кукурузной пылью, вдохнул священный аромат дичи, вдохнул над ней первый запах своей сигареты и протянул к ней сигарету.

Когда дичь подстрелена, охотник макает свой фетиш в кровь, приказывая ему пить. Кровь часто соскребают с фетишей и пьют с небольшим количеством воды, чтобы обеспечить больший успех в охоте. Образцы таких фетишей есть в коллекции мистера Стивенсона в Национальном музее. Некоторые студенты из-за своих несовершенных знаний были введены в заблуждение, предположив по их новому внешнему виду, что эти фетиши были изготовлены недавно. Дичь хранится в домах охотников до следующего утра, когда ее относят в церемониальный дом тиямони, и военный вождь решает, в какой день она будет распределена среди хонаитов нескольких культовых обществ. Это может произойти через один, два или три дня после возвращения охотников. В назначенное время хонаиты собираются в церемониальном доме тиямони, который делит дичь, и каждый хонаит уносит свою порцию в свою церемониальную комнату. Около полудня того же дня члены культовых обществ собираются в своих соответствующих церемониальных покоях и готовят хачамони; в то же время, если в обществе есть женщины, они кладут дичь в горшок и готовят ее в очаге в церемониальном зале, но если женщин нет, для этой цели назначаются определенные члены мужского пола. Ближе к вечеру воздвигаются планчатые алтари, и ночь проводится в песнях и мольбах к облачному народу о том, чтобы он собрал и напоил землю. Хачамони и дичь кладут перед восходом солнца в четыре святилища — кугуару севера, запада, юга и востока, чтобы они ходатайствовали за облачных людей, чтобы они собирали и поливали землю. Хачамони также передаются отцу-солнцу, чтобы он призвал облачных людей поливать землю, а также чтобы он обнял землю, чтобы посевы могли расти. Остальные вносятся в поля в качестве оплаты сотрудникам облачных служб за запрошенные у них услуги.

МАСКИ SIA.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

ОБЩЕСТВО ВОИНОВ.

Общество воинов и Общество Ножей имеют общую церемониальную палату; и в определенном смысле эти общества тесно связаны: в первом изначально председательствовали Масеве и Уйуювеё, дети-близнецы солнца, а второе общество получило свое название от стрел, которые отец-солнце дал неуязвимым близнецам и с помощью которых они уничтожали врагов земли. Таким образом, каждое из этих обществ принимает участие в посвящении победителя.

Убийства врага недостаточно, чтобы принять человека в Общество Воинов; он должен вернуться с такими трофеями, как скальп и одежда из оленьей кожи. Победитель несет

скальп на стреле до тех пор, пока не приблизится к деревне, после чего насаживает его на шест длиной около 5 футов, держа его обеими руками. Возвещается о приближении победителя, и если это произойдет после того, как солнце съест свою полуденную трапезу, он не должен входить в деревню, но оставаться рядом с ней до утра, пока военачальник не принесет ему еду. Утром Общество Ножа, за которым следуют Воины и мужское население города, присоединяется к победителю. Хонаит Общества Ножей возносит продолжительную молитву, а затем, обращаясь к духу врага, он говорит: "Теперь ты больше не наш враг; твой скальп здесь; ты больше не будешь уничтожать мой народ". Хонаит Воинов и его викарий отвечают: "Так! Так!" Остаток дня воздух наполнен военной песней, время от времени делаются перерывы для молитв; а на закате хонаит Воинов и его викарий вместе с победителем, несущим между собой шест и скальп, направляются в деревню, за ними следуют члены общества, а затем Общество Ножей во главе со своим хонаитом и его викарием. Обойдя деревню справа налево, группа входит в церемониальный зал, где скальп кладется на стол перед росписью, хонаит Общества Ножей подготовил роспись и расставил фетиши вокруг нее утром, прежде чем отправиться на встречу с победителем. Два больших каменных изображения Масеве и Уйуюеве, которые извлекаются только после посвящения победителя в Общество Воинов, хранятся исключительно в отдельной комнате; женщины никогда не смотрят на эти особые изображения героев войны, следовательно, они оставались нетронутыми на своем постоянном месте в течение ряда лет, за исключением того, что все фетиши и атрибутика культа Sia были выставлены в 1887 году для осмотра мистером Стивенсоном и автором. Члены Общества Ножей сидят в западной части комнаты, а Воины - в восточной, хонаиты обществ сидят в северном конце каждого ряда, рядом с каждым хонаитом находится его викарий, а победитель - рядом с викарием Воинов; он не присоединяется к песне, а сидит совершенно неподвижно. На восходе солнца каждый член Общества Ножей моет голову в мыльной пене из юкки и холодной воде, затем руки победителя впервые после снятия скальпеля омываются, и он приступает к раскрашиванию своего тела. Морда и нижняя часть ног окрашиваются в красный цвет, а остальная часть в черный, и затем галенит наносится на большую часть морды. Члены Общества Ножей носят белые хлопчатобумажные тусайские килты и мокасины с вышивкой, а Воины носят килты из оленьей кожи без украшений, за исключением бахромы внизу и мешочка, сделанного из одежды из оленьей кожи, захваченной у врага. Победитель носит килт из оленьей кожи, мокасины и сумку, в левой руке он держит лук и стрелы, а в правой - шест с прикрепленным к нему скальпом. Каждый член общества также носит лук и стрелы в левой руке и одну стрелу в правой. Члены Общества Ножей держат в правой руке тыквенные погремушки, а в левой - луки и стрелы. Волосы у всех остаются распущенными.

Хонаит Общества Ножей вкладывает наконечник стрелы в рот победителю, и затем все они выходят на площадь, члены каждого общества выстраиваются в шеренгу, а победитель танцует взад-вперед между шеренгами, поднимая скальп так высоко, как может дотянуться шест, но он не поет и не произносит ни слова. Численность рядов увеличивается за счет мужчин деревни, вооруженных боевыми дубинками и огнестрельным оружием, которые ведут непрерывный залп из своих пистолетов и ружей до окончания танцев на закате. Женщинам никто не запрещает проявлять свой энтузиазм, и они присоединяются к танцу.

По возвращении в церемониальный зал скальп снова кладут перед росписью трапезы, и хонаит Общества Ножей приступает к заключительному эпическому ритуалу, который завершает посвящение победителя в Общество Воинов, завершая его словами: "Теперь ты член Общества Воинов", - а затем он вынимает наконечник стрелы изо рта победителя. Участники вместе с победителем отвечают "Да! Да!"

МОЛИТВА ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ.

Затем надевают хлопчатобумажную рубашку и брюки, а скальп относят в скальпельницу (углубление в земле, покрытое каменной насыпью) и оставляют там вместе с пищей для духа ушедшего врага. Снова возвращаясь в церемониальный зал, впервые в течение дня пост прерывается, когда устраивается пир, который накрывают родственницы победителя. После трапезы они идут к реке и удаляют все следы краски со своих тел. Воздержание соблюдается четыре дня.

Несколько песен культа, которые автору удалось собрать, представляют собой прямые призывы к дождю или к присутствию зооморфных существ на церемониях исцеления больных, нескольких слов достаточно для выражения многих невысказанных идей. Эпический ритуал Сиа настолько сложен, что требуется много времени и тщательных инструкций, чтобы запечатлеть его в сознании, а молодые люди либо не обладают умом, необходимым для запоминания ритуала, либо не хотят напрягать свою память; поэтому паутина мифов и религии Сиа вплетена в умы лишь немногих.

Престарелые теурги охотно доверили автору сохранение своих песен, которые представляют собой подробный отчет о жизни их мифических героев и самих Сиа.

Sia иногда берут на себя смелость поэта в своих песнях и изменяют слово; например, название "badger" - туопи, но в песне skoyo о дожде изменено на тупина, потому что, по их словам, последнее слово делает строфу более ритмичной. И, опять же, разные слова используются как синонимы.

У хастиан и кверранны есть похожая песня просьбы о дожде, причем эта песня была дана хастианам солнцем. Следует помнить, что название этого общества указывает на ножи или стрелы молнии, подаренные героям их отцом-солнцем.

ПЕСНИ.

ПЕСНЬ ДОЖДЯ ШУ-ВИ ЧАЙАНА (ОБЩЕСТВА ЗМЕЙ).

1. Хан-на-ти

Он-аш
Пур-ту-вш-та
Кто-мотс
Каш-ти-артс
Ка-мангольд

2. Хан-на-ти ши-ван-на

Хе-аш ши-ван-на
Пур-ту-вш-та ши-ван-на
Ку-моц ши-ван-на
Каш-ти-артс ши-ван-на
Ка-мангольд ши-ван-на

(1) *Перевод:*—Хуннати, белые парящие маски, за которыми облачный народ разгуливает по тинии для отдыха; Хиаш, маски, подобные равнинам, за которыми облачный народ разгуливает по тинии для орошения земли; Пюртувшта, люди молнии; Кмоц, люди грома; Каштиартс, люди радуги; Качард, дождь, однако в данном случае это слово используется как выразительное обращение к правителям облачного народа.

(2) Шиванна, народ.

Вольный перевод: —Обращение к жрецам тинии. Пусть белые плывущие облака — облака, подобные равнинам, — молния, гром, радуга и облачные народы орошают землю. Пусть люди белых плывущих облаков — люди облаков, подобных равнинам, — люди молний, грома, радуги и облачные народы — придут и будут работать на нас и поливать землю.

3. Ша-ка-ка

Шви-ти-ра-ва-на
Май-чи-на
Шви-си-ни-ха-на-мы
Марш-ти-тя-мо
Мор-ри-тя-мо

4. Ша-ка-ка ши-ван-на

Шви-ти-ра-ва-на ши-ван-на
Май-чи-на ши-ван-на
Шви-си-ни-ха-на-ве ши-ван-на
Марш "ти-тя-мо ши-ван-на"
Мор-ри-тя-мо ши-ван-на

Перевод: —Шакака, северная ель; Швитиравана, западная сосна. Майчина, дуб на юге. Швисиниханаве, осина на востоке. Марштитамо, кедр зенита; Морритамо, дуб надира.

(2) Шиванна, народ.

Вольный перевод: Облачный жрец, который восходит к тинии через сердце северной ели; облачный жрец, который восходит к тинии через сердце сосны западной; облачный жрец, который восходит к тинии через сердце дуба южного; облачный жрец, который восходит к тинии через сердце осины восточной; облачный жрец, который восходит к тинии через сердце кедрового зенита; облачный жрец, который восходит к тинии через сердце дуба надирского; пошлите своих людей работать на вас. мы, чтобы воды шести великих источников могли оплодотворить нашу мать, землю, чтобы она могла дать нам плоды своего существования.

Хотя обращение обращено к деревьям сторон света, подразумевается, что мольба обращена к священническим правителям облачных народов сторон света.

5. Хан-на-ти

Он-аш

Пур-ту-вш-та

Ку-мотс

Каш-ти-артс

Качард

ка-ши-ван-на

каши-ван-на

каши-ван-на

каши-ван-на

каши-ван-на

каши-ван-на

(все люди).

Вольный перевод:—Все белые плывущие облака —все облака, похожие на равнины —все молнии, громы, радуги и облачные народы, приходите и работайте на нас.

6. Ша-ка-ка

хви-ти-ра-ва-на

Май-чи-на

Шви-си-ни-ха-на-ве

Марш-ти-тя-мо

Мор-ри-тя-мо

ка-ши-ван-на

ка-ши-ван-на

ка-ши-ван-на

ка-ши-ван-на

ка-ши-ван-на

ка-ши-ван-на

Свободный перевод:—

Жрец северной ели, пошли всех своих людей работать на нас;
Жрец западной сосны, пошли всех своих людей работать на нас;
Жрец южного дуба, пошли всех своих людей работать на нас;
Жрец восточной осины, пошли всех своих людей работать на нас;
Жрец кедра зенита, пошли всех своих людей работать на нас;
Жрец дуба надиров, отправь всех своих людей работать на нас.

7. Хан-на-ти

Он-аш
Пур-ту-вш-та
Кто-мотс
Каш-ти-артс
Ка-мангольд

ho'-chăn-ni
ho'-chăn-ni
ho'-chăn-ni
ho'-chăn-ni
ho'-chăn-ni
ho'-chăn-ni

*Перевод:—*Хочани, верховный правитель облачных жрецов мира.

Свободный перевод:—

Желание белых плывущих облаков мира;
Хоханни облаков, подобные равнинам мира (имеется в виду облачный народ под их масками);
Хочанни молниеносных народов мира;
Хочанни громовых народов мира;
Хочанни радужных народов мира;
Желание облачных народов мира — отправьте всех своих людей работать на нас.

8. Ша-ка-ка

Швити-ра-ва-на
Май-чи-на
Швиси-ни-ха-на-ве

Марш-ти-тя-мо

Мор-ри-тя-мо

ho'-chăn-ni

ho'-chăn-ni

ho'-chăn-ni

ho'-chăn-ni

ho'-chăn-ni

ho'-chăn-ni

Свободный перевод:—

Хочанни из северной ели;

Хочанни из сосны западной;

Хочанни из южного дуба;

Хочанни из восточной осины;

Хочанни из кедра зенита;

Хочани с дуба надирского; пошли все свои народы работать на нас, чтобы воды шести великих источников мира могли оплодотворить нашу мать землю, чтобы она могла дать нам плоды своего существования.

ПЕСНЯ ШУВИ ЧАЙАН (ОБЩЕСТВА ЗМЕЙ) ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЬНЫХ.

1. Ска-то-ве чай-ан

Ка-спан-на чай-ан

Ко-квай-ра чай-ан

Quĩs'-sēr-a

chai'-ăn

Hu'-wa-ka-chai'-ăn

Ya'-ai chai'-ăn

*Перевод: —*Общество змей севера, Общество змей запада, Общество змей юга, Общество змей востока, Общество змей зенита, Общество змей надира, приходите сюда и работайте с нами.

2. Хо-на-ай-те

Хо-на-ай-те

Хо-на-ай-те

Хо-на-ай-те

Хо-на-ай-те

Хо-на-ай-те

Ska'-to-we	chai'-än
Ka'-span-na	chai'-än
Ko'-quai-ra	chai'-än
Quis'-sër-a	chai'-än
Hu'-wa-ka	chai'-än
Ya'-ai chai'-än	

Обращение к хонаитам змеиных обществ кардинальных точек с просьбой присутствовать и работать для излечения больных.

3. Mo'-kaite chai'-än
Ko'-hai chai'-än
Tu-o'-pi chai'-än

Ka'-kan	chai'-än
Tiä'-mi	chai'-än
Mai'-tu-bo chai'-än.	

Обращение к животным сторон света с просьбой присутствовать на церемонии исцеления.

4. Хо-на-ай-те
Хо-на-ай-те
Хо-на-ай-те
Хо-на-ай-те
Хо-на-ай-те
Хо-на-ай-те

Mo'-kaite	chai'-än
Ko'-hai	chai'-än
Tu-o'-pi	chai'-än
Ka'-kan	chai'-än
Ti-ä'-mi	chai'-än
Mai'-tu-bo chai'-än	

Обращение к хонаитам сообществ животных сторон света с просьбой присутствовать на церемонии.

ПЕСНЯ ДОЖДЯ SKOYO CHAIÄN (ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ).

1. Cher-ss ti mu

Середина нижнего мира КО ВАЙ Я ТУ

door of shí'pa-po мое лекарство драгоценно, оно как мое сердце

my medicine is precious, it is as my heart Стрела молнии

Arrow of lightning ti'kä 'si mai ah

кош те ан

echo

2. Кай ну а ве э

Who is it sha ka ka

“spruce of north” **КА ШИ ВАН НА ТИ**

весь твой народ ka' ru 'sin i ah

ти камси май ах ti' kã 'si mai ah

come to us

3. Кай ну а мы он

Кто это хан на ти

“белые плывущие облака” ka' ru 'sin i ah

your thoughts

ка ши ван на ти весь твой народ

ка руссин и ах **ТВОИ МЫСЛИ**

your thoughts май а

иди к нам

4. Kai' nu ah we eh

Who is it **ХИШ ШИМСИ**

“облака, подобные равнинам” ka' ru 'sin i ah

your thoughts ,

5. Кай ну ах мы, он

Who is it Кто это

“стрела молнии” ка рушин и ах

твои мысли ти камси май ах

приди ко мне

6. Кай ну ах ве эх

Who is it ha' a 'si 'si' at 'si ni

“земной горизонт”

весь твой народ ka' ru 'sin i ah

ti' kã 'si mai ah

come to us

Вольный перевод: —Мы, древние, вознесшиеся из середины нижнего мира, через дверь входа в нижний мир, мы обращаем наши песни к народам облаков, молний и грома, как мы обращаемся к нашим собственным сердцам; наше лекарство драгоценно. (Обращаясь к жителям тинии:) Мы умоляем тебя послать нам свои мысли, чтобы мы могли правильно петь твои песни, чтобы они прошли прямой дорогой к облачным жрецам, чтобы они могли покрыть землю водой, чтобы она могла нести все, что хорошо для нас.

Люди-Молнии, направьте свои стрелы в центр земли, услышьте эхо (это означает, что люди-гром хлопают крыльями среди людей-облаков и молний). Кто это (певцы, указывающие на север)? Люди северной ели. Весь ваш народ и ваши мысли обращаются к нам. Кто это? Люди белых плывущих облаков. Ваши мысли приходят к нам, ко всем вашим людям, и ваши мысли приходят к нам. Кто это (указывает наверх)? Люди облаков любят равнины. Ваша мысль приходит к нам. Кто это? Люди-молнии. Ваши мысли обращаются к нам. Кто это? Люди-тучи на горизонте. Все ваши люди и ваши мысли обращаются к нам.

ПЕСНЯ SKOYO CHAIÄN (ОБЩЕСТВА ГИГАНТОВ) ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЬНЫХ.

Ах.....ха.....ха.....ва-ми

рисование

1. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это mokai-PA

пума Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

2. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это ко-хай-йа

нести Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

3. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это ту-Пи-на

барсука Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

4. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это Ка-Кан-на

волка Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

5. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это tã-ми-на

Орел Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

6. Кай-ну-с.....мы.....а

кто это май-ту-бо

строптивой Хо-на-ва-ма-те

маги ну-ро-ва-а-а

все твоя ка-^tsi-ма-а-а

забирать всех болезней

Вольный перевод: —Лев севера, посмотри на рисунок песком, который ты нам подарил (слышен голос). Кто это? “Лев”. Я всего лишь твой теург; ты обладаешь всей силой; одолжи мне свой разум и свое сердце, чтобы я мог проникнуть в плоть и обнаружить болезнь. Через меня, твоего теурга, избавься от всех болезней.

Это обращение повторяется к каждому из названных животных.

ПЕСНЯ ДОЖДЯ НĪSTĪÄN CHAIÄN (ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ).

1. На´-ta-we

кукурузы sĕr´-ra-^tse

переваливают_{pass over the road} уу´-wa

там на

севере источник севера

гора ко-тю ko´-tû

mountain

2. На´-ta-we

кукурузы sĕr´-ra-^tse

переваливают_{pass over the road} уу´-wa

там запад

west источник запада

spring of the west ko´-tû

mountain

3. На´-ta-we

кукурузы sĕr´-ra-^tse

переваливает_{pass over the road} уу´-wa

там южнее

south источник юга гора ко-тю

spring of the south ko´-tû

mountain

4. Ха-та-ве

Пыльца кукурузы sĕr´-ra-^tse

переваливают_{through the road} ю-ва

there **ха-на-ми** ha´-na-mi

ку-чан ku´-chăn

ko´-tû

mountain

5. На´-ta-we

Corn pollen sĕr´-ra-^tse

переваливаем уу´-wa

ти-на-ми ti´-na-mi

ко-ва-ту-ма_{zenith} горы ко-тю

spring of the zenith ko´-tû

mountain

6. На´-ta-we

Corn pollen sĕr´-ra-^tse

переваливаем_{pass over the road} уу´-wa

там nûr´-ka-mi

nadir сти-а-чан-на источник надирской горы

ко-тю_{spring of the nadir} ko´-tû

mountain

Вольный перевод: —Пыльца кукурузы проходит по северной дороге^[24] к источнику северной горы, чтобы облачный народ мог подняться от источника в сердце горы к тинии и полить землю. То же самое повторяется для пяти оставшихся сторон света.

ПЕСНЯ ДОЖДЯ НӢСТИӐН СНАӐӐН (ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ).

Хо.....хай.....хай.....хо

1. Ю-ва.....titä-ми

там, к северу ка-бы-ти-Ма

весны ша.....ка-ка

ель северо - ка-Ши.....Вань.....на

все облачные люди, ха-ти

где

2. Ю-ва-по-на-ми

Там, на западе, сосна западной

шви-ти-ра-ва-на, ка-shi.....wan.....na

все люди ha'-ti

где

3. Ю-ва.....ко-ва-ми

на территории Южной ^tse-Я

Великий май-Китай

дуба Южно - ка-Ши.....Вань.....на

всех людей, ха-ти

где

4. Ю-ва.....ха.....на-Ми

есть Восток shwisi-ни-га-на-мы

Осина Востока каши.....Вань.....на

всех людей, ха-ти

где

5. Yu'-wa.....ti'-na-mi

Там зенитное кедр зенита

shi.....wan.....na

все люди ha'-ti

где

6. Yu'-wa.....nûr'-ka-mi

Там земля дуб земной

ка-shi.....wan.....na

все люди ha'-ti

где

7. Хо.....хай.....хай.....Хо

в Quegäpna имеет ту же песню.

Свободный перевод:—

1. Где все облачные жители весны или сердце северной ели? Там, на севере [певцы указывают на север].

2. Где все облачные жители западной сосны? Там, на западе [певцы указывают на запад].

3. Где все облачные жители великого южного дуба? Там, на юге [певцы указывают на юг].

4. Где все облачные жители восточной осины? Там, на востоке [певцы указывают на восток].

5. Где все облачные жители кедра зенита? Там, в зените [певцы указывают вверх].

6. Где все облачные жители надира? Там [певцы указывают на землю].

ОТРЫВОК ИЗ ПЕСНИ ДОЖДЯ NĪSTIÄN SNAIÄN (ОБЩЕСТВА НОЖЕЙ).

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är [\[25\]](#)

1. Ю-ва.....ти-и-та -

там, к северу Ши-ПА-по
входу в нижний мир ни-ма
вознесся МО-кайтэ
пума ха-РО-^tse
человеку

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är

2. Ю-ва.....ти-и-та -

там, к северу Ши-ПА-по
входу в нижний мир Нима
взошел ко-Гай-РА
медведь Аро-^tse
человеку

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är

3. Yu-wa.....ti'-i-ta

Там, на севере, There north вход в нижний мир

entrance to lower world ВОЗНЕССЯ
ascended
ха-розеbadger
man

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är

4. Ю-ва.....ти-и-та -

там, к северу Ши-ПА-по
входу в нижний мир Нима
поднялся ка-Кан-на
волка ха-РО-^tse
человеку

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är

5. Ю-ва.....ти-и-та -

там, к северу Ши-ПА-по
входу в нижний мир Нима
вознесся ти-ämi
Орел ха-РО-^tse
человеку

Ha' ah oh hai e är ha' ah oh hai e är

6. Ю-ва.....ти-и-та -

там, к северу Ши-ПА-по
входу в нижний мир Нима

вознесся май-ту-бо
строптивой ха-PO-^lse
человеку

Призыв к животным сторон света ходатайствовать перед облачным народом о поливе земли. Эта песня длинная и продуманная. Она начинается с заявления о том, что их народ, народ кугуар и другие упомянутые, поднялись на хаартс, землю, через отверстие шипапо на севере. Затем в нем рассказывается о различных происшествиях из жизни этих существ, периодически взывая к их заступничеству перед облачным народом.

ПЕСНЬ ДОЖДЯ ИЗ КВЕРРАННА ЧАЙАНА.

Хан-на-ти

Белые плывущие облака. he'-äsh
clouds like the plains О-шац O'-shats
sun Та'-was
moonКугуар
медведь барсук
bear Ту-о'-pi
badger

Какан

волк Ti-ä'-mi
орел землеройка
Ма-а-се-ве
уюуюёelder war hero Уууууewë
younger war hero Sa'-mai-hai-a
name of warrior of the north

Ши-но-хай -

имя воина Yu'-ma-hai-a
name of warrior of the south Ах-ва-хай- Ah'-wa-hai-a
name of warrior of the east Pe'-ah-hai-a
name of warrior of zenithимя воина надира Sa'-ra-hai-a
name of warrior of nadir

Вай-ти-чан-ни

чаша для лечебной воды ай-ван-на-туон-ни
cloud bowl Ши-ван-на-ва-ту-ун
церемониальная ваза для воды Я готовлю еду по дороге

Хи-а-ар-ра

древняя дорога hi'-a-mo-ñi
the ancient road Хи-ши-ко-ямсас-па Hi-shi-ko-ya'sas-pa
white shell bead woman who lives where the sun descends ШО-ПОК-ТИ-А-МА вихрь
whirlwind

Sûs-sîs-оловянно-на-Ко

, создатель, я-Я
мать ко-Китай-ко
желтый женщина северо Мёг-Ри-Ан-ко
синяя женщина из Западной kûg-Кан-ñi-на-Ко -
Красная Женщина из Южной

Ка-ши-на-Ко -

белая женщина Востока quĩs-sẽr-Ри-Ан-ко

слегка желтоватый женщина Зенита му-най-на-Ко

темные женщина Надир

Вольный перевод: —Белые плывущие облака. Облака, подобные равнинам, приходят и орошают землю. Солнце обнимает землю, чтобы она могла быть плодородной. Луна, лев севера, медведь запада, барсук юга, волк востока, орел небес, землеройка земли, старший герой войны, младший герой войны, воины шести гор мира, ходатайствуйте за нас перед облачным народом, чтобы они могли напоить землю. Чаша для лекарств, чаша для облаков и ваза для воды, отдайте нам свои сердца, чтобы земля могла быть орошена. Я прокладываю древнюю дорогу муки, чтобы моя песня могла пройти прямо по ней — древнюю дорогу. Женщина-бусинка из белой раковины, живущая там, где заходит солнце, мать вихрь, отец Суссестиннакоэ, мать Яя, создательница добрых мыслей, желтая женщина севера, голубая женщина запада, красная женщина юга, белая женщина востока, слегка желтая женщина зенита и темная женщина надира, я прошу твоего заступничества перед облачным народом.

МОЛИТВА ЗА БОЛЬНОГО МЛАДЕНЦА.

Хотя Sia очень верит в силу своих теургов, по отдельности они прилагают усилия для спасения жизней своих близких даже после неудачи теурга. Их вера в мольбы добросердечных такова, что вице-теург Общества Змей, который является одним из самых верных друзей писательницы, проехал много миль, чтобы попросить ее помолиться за его больного младенца. Он вложил ей в руку крошечный пакетик смеси из скорлупы, завернутой в кукурузную шелуху, и, сжав ее руку обеими руками, сказал: “У тебя доброе сердце, твои молитвы быстро достигают солнца и Копештайи”. Затем он самым впечатляющим образом повторил следующую молитву:

(1) ку-chõr-pĩsh-тай-а (2) Ку-chõr-на-tä-н (3) Кути от ГП ä та (4) Пай-ä-tä-мо-ги ^tchän-никель (5) - ха-Ми-ха-выемка (6) П-ва Маш-та-ñi (7) Каа-wĩnck (8) уа-уа (9) П-ä-mũts (10) ка-а-wĩnck (11) Ша-Ми wĩnck (12) У-мы-чай-ни (13) Ñi коврики на (14) ñi в ñi (15) ^tsi ту Ма ñi в ñi (16) Ан вай Пи ча.

Объяснение молитвы губернатора за своего больного ребенка.

(1) Ваши мысли и сердце едины с Копштайей; вы ежедневно вдыхаете священное дыхание жизни.

(2) Твои мысли велики, и сначала пройди по дороге к отцу-солнцу и Копештае.

(3) Наши мысли и сердца едины, но ваши на первом месте.

(4) Светский человек.

(5) Из табачной семьи. } Имеется в виду ребенок.

(6) Вы будете относиться к ребенку как мать, а ребенок будет вашим собственным на все грядущие времена; ваши мысли всегда будут друг о друге.

(7) Отныне наши сердца и сердца ребенка будут объединены и станут одним сердцем; тех из нас, кто молится за ребенка, ребенок узнает, а ребенка - мы, даже если ребенка мы не видели; мы узнаем друг друга нашими сердцами, и ребенок будет приветствовать вас как...

(8) Мать.

(9) Возьмите ребенка на руки, как своего собственного.

(10) Чтобы сердца наши и ребенка были объединены и стали одним сердцем; отныне тех из нас, кто молится за этого ребенка, будет узнавать ребенок, а ребенка - мы; хотя мы и не видели ребенка, мы будем знать друг друга нашими сердцами.

(11) Пусть у него будет доброе сердце.

(12) Пусть все добрые слова исходят прямо из его сердца и проходят по прямой дороге.

(13) Пока он растет, переходя из детства в юность.

(14) Пока он растет от юности к зрелости.

(15) И пусть его будут ценить по мере того, как он будет расти от зрелости до старости.

(16) Пусть ребенок будет красивым и счастливым.

Когда человек заболевает от солнечного жара, он посылает солнце кукурузной пылью или мукой, говоря: "Отец, у меня болит голова, она достигает моего сердца; я плачу тебе этой едой; я даю ее тебе как пищу и буду благодарен тебе за то, что ты избавил меня от болезни".

РОДЫ.

Один из самых священных и исключительных обрядов Sia связан с рождением ребенка.

Описанное здесь скопление наблюдалось в мае 1890 года в этом пуэбло. Обнаружив, что женщина находится в состоянии беременности, автор приложил все усилия, чтобы получить ее согласие, а также согласие врача и членов ее семьи присутствовать при рождении ребенка. Она неусыпно наблюдала за женщиной и утром двадцать второго числа узнала, что событие неминуемо.

На вопрос отца женщин в то же утро, почему он не пошел в поле, он ответил: "Я могу только сидеть и ждать, когда придет малышка; я должен быть со своей дочерью". Весь день он был занят изготовлением бусин из кусочков ракушек, доводя их до нужного размера, натирая на плоском камне, а затем протыкая каждый кусочек с помощью вращающегося сверла. На следующий день он сидел и плел ленту, чтобы перевязать волосы внука. Женщина, как обычно, занималась шитьем и готовила еду для семьи.

После вечерней трапезы (которая была незадолго до наступления темноты) 22-го числа семья, состоящая из родителей заключенной женщины, ее мужа и двух мальчиков 8 и 9 лет, собралась в семейной гостиной (эта комната размером 15 на 35 футов). Было очевидно, что к женщине относились с большим вниманием и интересом, особенно ее любящие родители, которые, кстати, были приемными родителями, поскольку женщина была навахо. Во время переселения навахо в Боске-Редондо этот ребенок был оставлен матерью в пуэбло Сиа и с тех пор жил со своими приемными родителями.

Вечером 23-го они, как и прежде, собрались в гостиной, которая была специально подготовлена для этого мероприятия. Небольшое количество хлопка-сырца, нож и бечевка лежали на полке, а маленький гардероб младенца, состоящий из крошечной простыни из белого хлопка, кусочков ситца и миниатюрного одеяльца индейцев навахо, которые были подарками ребенку, были разложены на столе в дальнем конце комнаты. Семья сидела в тревожном ожидании.

Выбирать исполняющего обязанности хонаитского теурга - привилегия женщины, и если ее муж или отец хонаит или викарий культового общества, она обычно выбирает одного или другого, в противном случае она просит своего мужа посетить хонаита по ее выбору и попросить его об услугах; в отсутствие ее мужа туда отправляется ее брат. Женщина, держа смесь из ракушек^[26] в правой руке (когда в связи с умершими используется мука или смесь из ракушек, ее держат в левой руке), четыре раза дышит на нее, чтобы у ожидаемого ребенка было доброе сердце и он шел прямой дорогой, а затем вручает ее носителю своего послания для вручения хонаитам, причем эта смесь из ракушек является единственной компенсацией, полученной за его услуги.

В данном случае женщина выбрала своего отца.

В 8 часов у нее началась первая стадия схваток, и ее мать сразу же развела огонь в камине, а перед ним поставила низкий тяжелый табурет, вырезанный из цельного бруска. Женщина села на табурет спиной к огню, одетая в свое хлопчатобумажное платье, тканый халат и пояс, а также завернувшись в небольшое одеяло.

Врачиха (рис. 19) и сестра мужа женщины, которых вызвали, прибыли почти сразу. Отец и муж сняли свои мокасины, и женщины остались босиком. Отец сел на низкий стул напротив своей дочери, врачиха села слева от нее, держа в руках початок желто-фиолетовой кукурузы, а писательница - рядом с докторшей, держа в руках целебный камень, который врач дала ей

несколько дней назад для использования в этом случае. Муж сидел на своем ватном одеяле у стены, а рядом с ним были двое его сыновей и сестра, с которой были младенец и ребенок примерно двухлетнего возраста. Ночь была теплой, и дверь в комнату оставили открытой.

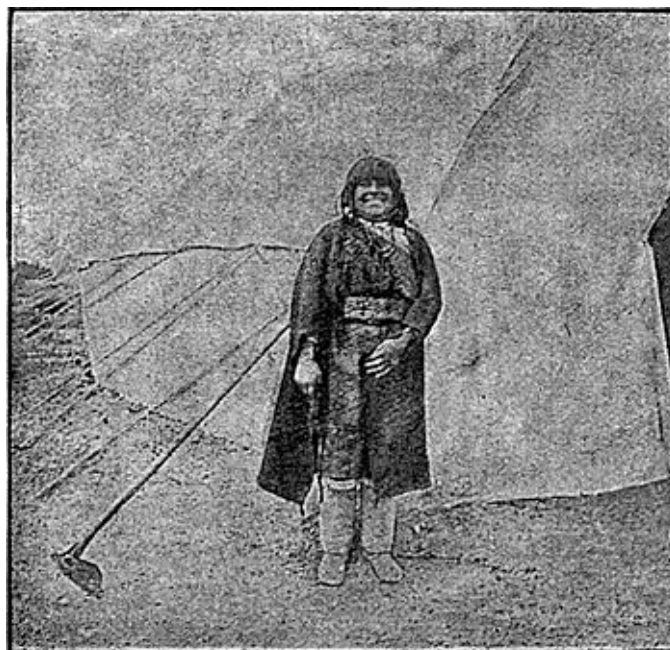

Рис. 19.—Sia doctress.

Хонаит положил на пол перед собой три маленьких мешочка из оленьей кожи (в одном была смесь ракушек, в другом - пыльца съедобных и лекарственных растений, а в третьем - растертый в порошок растительный препарат) и, держа в руках кончики двух орлиных перьев, тихо повторил следующую молитву;

И-и-ва-у-вак най-ше-эх шан-най ха-искусство. Най-ше-е питонипина-муса. Na'-wai-pi-cha-u-wak. I-i-wa-u-wak', na'-wai-pi-cha-u-wak.

Машча хатч-се ко-та-ва о-ви-чай-ни у-вак. Никто не отменяет Пи-то-ни пи-на-муса. Я-я копш-тай-а-ха-артс шан-най-най-ше-эх у-вак, пи-то-ни пи-на-муса.

На-вай-пи-ча у-вак.

Невысказанная идея заключается в том, что ребенок должен быть принят на песчаном ложе, которое символизирует колени его матери-земли. Что у него не будет глаз, и он не узнает Копештайю своего отца. Пусть Копештайя заставит свое сердце узнать их.

Вольный перевод: “Вот детская песочная подстилка. Пусть у ребенка будут хорошие мысли и он узнает свою мать-землю, подательницу пищи. Пусть у него будут хорошие мысли и он вырастет из детства в зрелость. Пусть ребенок будет красивым и счастливым. Вот детская кровать; пусть ребенок будет красивым и счастливым. Прах человека, позволь мне приготовить хорошее лекарство для ребенка. Мы примем ребенка на руки, чтобы он был счастлив и довольным. Пусть он вырастет из детства взрослым. Пусть он познает свою мать-Отшельницу, Копештайю, и свою мать-землю. Пусть у ребенка будут хорошие мысли и он вырастет из детства взрослым. Пусть она будет прекрасной и счастливой”.

Затем он дал женщине щепотку растертого в порошок лекарственного растения для укрепления здоровья женщины и ребенка, и ее мать, подняв правой рукой пепел из камина, высыпала его на пол перед женщиной. Затем отец, встав, обмакнул пепел своими орлиными

перьями, держа по одному в каждой руке, и, ударив по нижней стороне пера, которое держал в левой руке, тем, что держал в правой, разбросал пепел по сторонам света. Каждый раз, выбрасывая пепел, он проводил перьями по бокам женщины. Когда соприкасаются перья, хонаит говорит: *ish^tcha häth^tse kótawa ohwichaini uwak* — “Человек Пепла, позволь мне приготовить хорошее лекарство для ребенка”.

Хонаит обнаруживает больные части тела с помощью пепла, и при рассеивании пепла по сторонам света присутствующие избавляются от физических и ментальных загрязнений, а также очищается помещение.

Снова повторилось посыпание пеплом, но вместо того, чтобы проводить перьями по бокам женщины, хонаит держал их в правой руке, стоя справа от женщины, и, направив кончики перьев вниз, начал с макушки головы и провел перьями по прямой линии спереди и вниз по центру тела с молитвой о благополучном рождении ребенка. По окончании этой церемонии врач встала справа от женщины и, приложив кончик мозоли к ее макушке, подула на нее и провела ею также по прямой линии вниз по центру тела с молитвой о том, чтобы ребенок мог быстро и безопасно пройти по дороге жизни. Это повторилось четыре раза, когда врачиха вернулась на свое место. Затем хонаит произнес короткую молитву и положил женщине в рот щепотку лекарства, после чего вышел из дома, дошел до конца плацеты и посыпал муку на восток, молясь, чтобы отец-солнце даровал благословение ребенку. Через короткое время женщина прошла по длинной комнате, явно испытывая сильную боль, но держась с достоинством. Ее мать принесла тряпку к месту проведения церемонии, высыпала содержимое (песок) на пол и руками разровняла горку в круг диаметром 20 дюймов и глубиной около 5 дюймов. На это она постелила маленькую черную овчину, невестка поставила миску с водой на угли в камине, а мать после этого принесла вазу с водой и тыквенную бутылку и поставила ее рядом с камином. В центре комнаты стоял писсуар, а еще дальше - ваза с пресной водой. Мать расстелила шерстяной матрас в южном конце комнаты и поверх него одеяло, а в центре одеяла - черную овчину, а в изголовье положила шерстяную подушку; богатое одеяло индейцев навахо было сложено и положено сбоку от этой кровати. Теперь все было готово, и, очевидно, ожидалась скорая поставка. Женщина некоторое время сидела либо на низком табурете, либо на стуле, а затем ходила взад-вперед с явной болью, но ни слова жалобы не слетало с ее губ; она была величественна в своем достоинстве. Но никто не произнес ни слова; все умы, казалось, были сосредоточены на предстоящем важном событии. “Это был священный час, слишком священный для произнесенных слов, ибо Суссестинако должен был даровать дар новой жизни”.

Все это мероприятие проходило с величайшей торжественностью. В 11 часов женщина, чьи страдания теперь были невыносимыми, сменила маленькое одеяло, которым она была укутана, на большее, которое упало с ее плеч на пол, и встала перед камином, в то время как врач, стоявшая позади нее, яростно массирует ее живот ладонями рук. (Зуни придерживаются совершенно иного способа манипулирования.) Хонаит, который больше не действовал профессионально, а просто как преданный отец женщины, занял свое место на табурете на дальней от камина стороне песчаного ложа, женщина опустилась на колени на песчаном ложе спиной к камину, а врачиха села на низкий табурет позади женщины. Женщина обхватила руками шею отца, и врачиха поддержала ее сзади, которая, обхватив женщину руками, надавила на живот.^[27] Отец обхватывал руками колени, держа на ладони правой руки каменный фетиш пумы, а невестка, стоявшая слева от женщины, прикладывала початок кукурузы к макушке страдальцы и дула на него в периоды боли, чтобы ускорить рождение ребенка. Предполагалось, что молитва, которую вдували в голову, должна была проходить непосредственно через жизненный коридор. После каждого пароксизма женщина вставала и спокойно ходила по комнате. Иногда она садилась на низкий стул; снова она садилась перед камином, поджаривая босые ноги, а затем, покинув чрезвычайно теплую

комнату, выходила из дома. Боли были очень частыми в течение трех часов, самый длительный интервал составлял тридцать минут, самый короткий - тридцать секунд, средний - десять минут, боли продолжались от трех до двадцати минут. Хотя ее страдания были велики, с ее губ сорвался лишь сдавленный стон. Врачиха казалась совершенно невежественной и неспособной оказать какую-либо реальную помощь.

Единственной попыткой, предпринятой доктрисой ускорить роды, были случайные манипуляции с брюшной полостью, после чего она клала початок кукурузы к изголовью женщины и, подув на него, проводила им по середине тела четыре раза, как и раньше, а также согревала женщину, насыпав на пол несколько углей и наложив на них паутину, при этом женщина стояла над углями, в то время как мать плотно укрывала ее ноги одеялом. Не достигнув желаемого эффекта, соскобы с одной из балок в старой камере были положены на угли, а женщина стояла над углями. Sia утверждает, что эти два средства очень старые и использовались, когда мир был новым. Через некоторое время было испробовано третье средство — жир кастрированной овцы клали на угли, насыпанные горкой в маленькую миску, над которой также стояла женщина, — но все эти средства не действовали. Женщина время от времени помогала себе круглой палкой длиной 4 дюйма, обернутой ватой. После двух часов ночи отец так устал, что невестка, вместо того чтобы дуть на кукурузу, встала у него за спиной и поддерживала его лоб сложенными руками. Початок кукурузы, когда им не пользовались, лежал рядом с песчаным ложем. По мере того как ночь клонилась к вечеру, женщина постепенно истощалась все больше и больше, и в половине третьего мать постелила на пол несколько овечьих шкур и поверх них одеяло, положила две подушки в изголовье этого тюфяка, а затем, взяв щепотку муки из миски, стоявшей справа от кровати и приготовленной для употребления после родов, вложила ее в правую руку женщины, которая теперь стояла на коленях на песчаном ложе, опираясь на плечо своего отца, в то время как он в глубочайшем волнении гладил ее по голове. Когда женщина принимала еду, она подняла голову, и невестка передала початок кукурузы отцу, который держал его между ладонями и молился, затем провел початком от макушки женщины вниз по телу по прямой линии и держал его вертикально, пока женщина посыпала его мукой и молилась Оцет, чтобы она благополучно прошла через испытания родов. Теперь она была так измучена, что была вынуждена лечь на тюфяк; дважды она поднималась с тюфяка и принимала позу для родов.

Двое младенцев невестки спали на одеялах, а двое сыновей женщины, которых рано вечером отослали из комнаты, вернулись и тоже спали на ковриках. В 4 часа родители, встревоженные прерванными родами, послали за известной хонаиткой и мужем женщины, который покинул палату при приближении тяжелых родов. Вскоре появился муж в сопровождении хонаиты, причем первый снял оба своих мокасины, а второй - только один с правой ноги. Новоприбывший хонаит послал невестку за небольшой чашей с водой и насыпал в нее щепотку лекарства (был получен образец этого корня), а затем попросил женщину выпить воду. Ей было нелегко стоять, пока она пила лекарство, и позволить хонаиту практиковать свою оккультную силу, дуя на голову, а затем по прямой линии вниз по центру и перед туловищем. Выдувание повторилось четыре раза, после чего хонаит, стоя позади женщины, обхватил ее руками, сильно надавливая на живот. Повторив короткую молитву, он надел мокасины и вышел из комнаты, а женщина в изнеможении опустилась на свой тюфяк, где пролежала в полубессознательном состоянии до половины пятого утра.

Фетиши Кверранны и пумы были положены ей под подушку, а третий фетиш (конкремент) - в ее правую руку. Отец постоянно бодрствовал, в то время как встревоженная мать тихо ходила вокруг, стараясь облегчить женщину множеством мелких знаков внимания. Душевные муки родителей были велики, причем более сильным страдальцем был отец, чья преданность своей дочери на протяжении всей ее болезни

казалась беспрецедентной. В половине пятого женщина открыла глаза, приподнялась, обхватила отца за шею и сделала еще одно огромное усилие, но, потерпев неудачу, вернулась на свой тюфяк, плача от полного уныния. Через некоторое время мать уговорила ее сесть и поест; корзинка с ваяви и кусок вяленого мяса, которые были поджарены над углями в той же комнате, были поставлены у кровати, когда мать поспешила в другую комнату за приготовленной ею кукурузной кашей. (Пока эта каша варится, в нее опускают тыкву, держат высоко и выливают обратно в кастрюлю; после того, как ее снимут с огня, ее еще некоторое время пропускают через тот же процесс. Когда она готова к употреблению, она легкая и пенистая. Смесь состоит из кукурузной муки и воды.) Женщина с аппетитом поела и выпила две полные миски каши. Едва она закончила трапезу, как попросила отца поспешить на свое место и, опустившись на колени на песчаную подстилку, как и прежде, обхватила его шею; боль длилась всего минуту, и она вернулась в свою постель. Однако едва она успела опуститься, как вскочила и опустилась на колени рядом с тюфяком, и ребенок родился к тому времени, когда колени женщины коснулись пола, причем роды произошли в половине седьмого. Волнение было велико, так как рождение в этот момент стало неожиданностью. Отец был слишком поглощен своей дочерью, чтобы много думать о младенце, но пожилая мать была вне себя от страха, что ребенок задохнется. Писателя позвали поторопиться и потереть мокасином отца спину женщины; носок мокасина должен быть направлен вниз. Это должно было ускорить отхождение плаценты, которое незамедлительно последовало. С трудом подложили под ребенка овчину, и, наконец, кожа сдвинулась вперед, когда женщина приподнялась, и врач взяла ребенка на руки. Женщина стояла, пока врача поднимала ребенка, а невестка четыре раза подносила плаценту к ее лицу, выражая пожелание, чтобы пуповина была перерезана без опасности для ребенка. Затем она намеренно сняла свой пояс и тканое платье, подошла к приготовленной для нее кровати и легла.

Муж женщины дополнительно заточил нож, лежавший на полке, и передал его докторше, которая, сначала положив ребенка на песчаную подстилку, перевязала пуповину на расстоянии дюйма с четвертью от пуповины и, перерезав ее, извлекла ребенка, в то время как невестка положила плаценту на овчину и смела песок с песчаной подстилки куском ткани, положив его на спину одному из маленьких мальчиков. Взяв с полки половину ваты-сырца, она положила ее на плаценту, пожелав, чтобы пуповина поскорее зажила; сложив овчину, она положила ее в неглубокую миску и, взяв в правую руку щепотку смеси из скорлупы, вынесла миску из дома, сопровождаемая мальчиком. Песок и плаценту бросили в реку; женщина сказала: "Иди! и когда другие женщины вынашивают детей, пусть они немедленно последуют за тобой", имея в виду плаценту.

Докторше принесли миску с теплой водой, в которой она купала ребенка; затем она поставила миску с южкой и небольшим количеством холодной воды и вазу с теплой водой, и после приготовления пены из южки она добавила теплой воды и тщательно вымыла голову ребенка, а затем купала ребенка во второй раз, в мыльной воде из южки, и, набрав в рот воды из миски, она обливала ребенка сплошной струей в течение значительного времени. Ребенка растирали руками, при купании не использовалась ткань. При мытье младенца соблюдалась величайшая осторожность, после чего его заворачивали в одеяло и вытирали насухо. Во время купания бабушка с дедушкой, отец и братья малыша восхищенно смотрели на него, часто выражая свой восторг. Оставшуюся часть пуповины протягивали через комок ваты-сырца, который плотно обматывали вокруг нее, а затем посыпали ребенка пеплом. Младенец, мальчик, весил около 8 или 9 фунтов, и его головка была покрыта густой копной черных шелковистых волос; в центре лба у него было довольно заметное красное пятно. С самого рождения он казался умнее, чем дети цивилизованного происхождения, и в возрасте двадцати дней был таким же наблюдательным, как многие наши дети в два месяца.

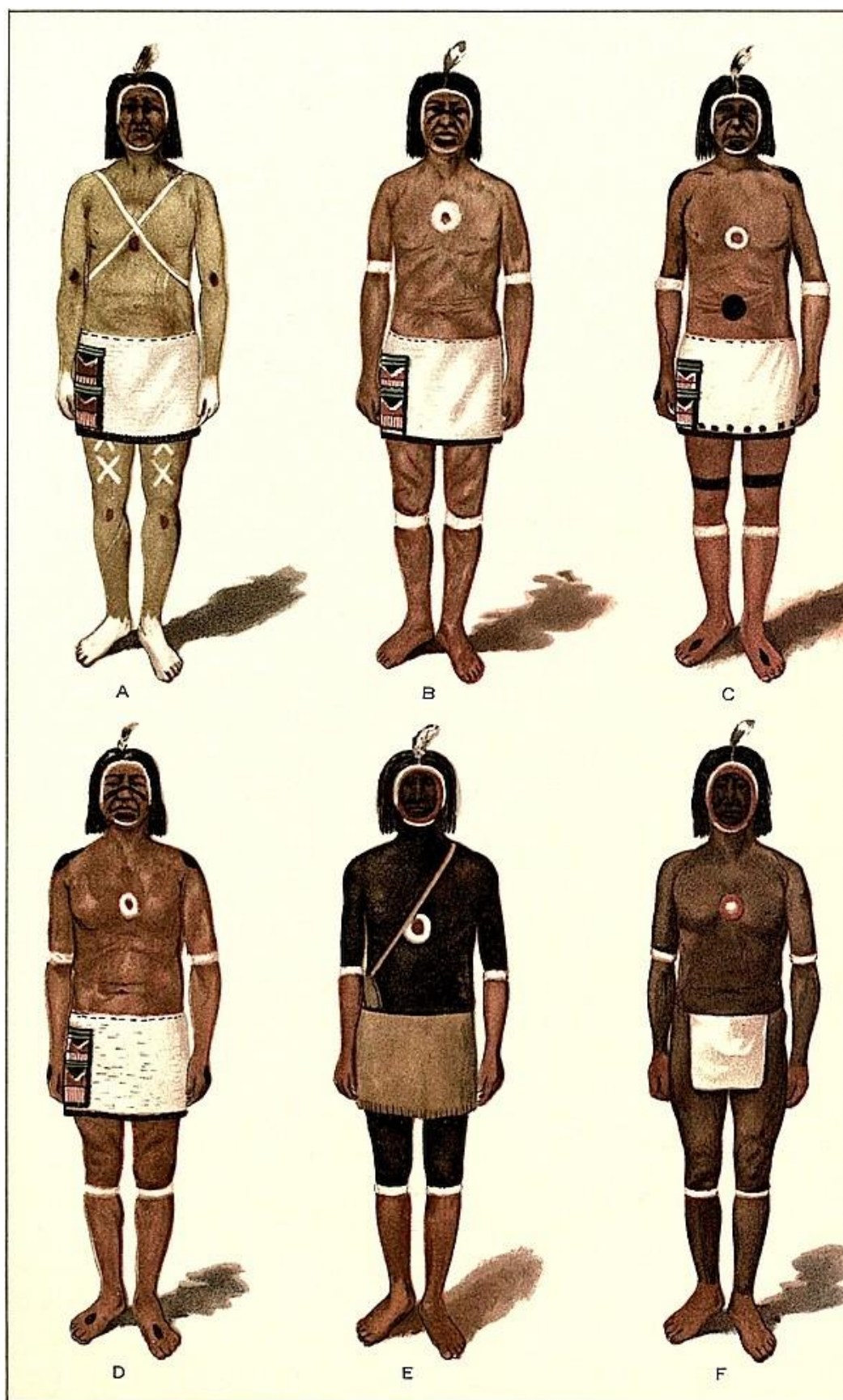
Дедушка вынес колыбельку и накрыл ее крошечным одеяльцем индейцев племени навахо. Крошечную простынку положили на колени докторши, под ребенка. Затем писательницу попросили встать и принять ребенка; и пока она держала завернутого в простыню малыша, дедушка вознес благодарственную молитву и, посыпав писательницу едой, дал ей щепотку. Она и представить себе не могла, чего от нее ожидали, но отважилась нарисовать на груди ребенка четыре линии и посыпала остатками блюда восточную сторону. Это предприятие было счастливым, потому что оно было в самый раз. Дедушка сказал: "Ребенок ваш; я делаю это вам в подарок". Затем писатель вернул ребенка докторше, и дедушка приступил к установке колыбели, которая имеет поперечный выступ, снабженный нишей для шеи. На одеяло были положены два куска ситца, сложенные в несколько раз, а поверх него - кусок белой ваты. Младенца укладывали обнаженным на кроватку, а поверх него накладывали кусок белой хлопчатобумажной ткани от шеи до нижней части живота, простирающийся по обе стороны тела и проходящий под мышками, концы ткани складывали на руках и заправляли с внутренней стороны. Ребенка накрывали простыней и сворачивали вокруг него одеяло; затем его привязывали ремнями к колыбели, которую ставили с левой стороны от матери на белую овчину. Початок кукурузы, который был таким важным элементом до рождения, был положен с правой стороны от ребенка. Дедушка, заняв свое место в ногах колыбели, положил перед ней три мешочка с лекарствами, которые использовались в ритуале, предшествовавшем рождению, и, держа в правой руке свои орлиные перья, повторил молитву. Два неплотно скрученных шнурка из местного хлопка, которые были приготовлены отцом младенца сразу после рождения ребенка, были положены под подушку матери с правой стороны от нее; впоследствии они были обвязаны вокруг лодыжек младенца, чтобы указать, что это был ребенок Суссестиннакоа и что он мог знать этого отца. После молитвы дедушка касался головы, обеих сторон и ножек колыбели, а также тела ребенка острием обсидианового копья; это повторялось четыре раза для укрепления тела, конечностей, сердца и разума ребенка; и копьё проводилось по конечностям и телу матери с той же целью. Затем дедушка дал ребенку его первую пищу, положив ему в рот щепотку особо священного и ценного лекарства, состоящего из пылицы лекарственных и съедобных растений, и переложив его в рот младенца из своего. Затем он пальцами положил кусочек в рот матери. Лекарство было дано ребенку, чтобы он мог знать все лекарства на земле, а матери - чтобы ее молоко, которым должен был питаться младенец, было полезным, чтобы сердце и разум ребенка были здоровыми.

Врач не обращала внимания на женщину в течение двух часов после родов, когда была надета свежая сорочка, которую меняли каждое утро и вечер в течение четырех дней, а ту, что была надета вечером, постирали и высушили в тот же день. Овчину на кровати меняли ежедневно. Около 9 часов утра бабушка приготовила чашку чая из свежесобранных кедровых веточек, замоченных в воде, и женщина выпила две тыквенные ложки. Этот чай пьют постоянно в течение определенного периода, который отличается у разных кланов; одни пьют его регулярно в течение четырех месяцев, другие - только три, а некоторые - только два месяца. Во время употребления этой жидкости не пьется вода, и воздержание соблюдается в течение двух, трех или четырех месяцев; однако муж спит в течение этого времени в той же комнате, и в данном конкретном случае муж спал рядом со своей женой. Если женщина нарушит воздержание, животное войдет в ее живот, и она наверняка умрет, ибо так сказала первая мать ее клана.

После первого глотка чая женщина плотно позавтракала лепешками, вяленным мясом и кукурузной кашей. Ее родственницы и подруги звонили днем, чтобы повидать ее и ребенка, и она весело болтала, как будто ничего не случилось.

Младенец Sia регулярно получает питание с момента своего рождения; и в данном конкретном случае младенец находился на попечении женщины, ребенку которой было три месяца, до третьего утра, когда мать взяла его на попечение. Хотя дверь в комнату нельзя было оставлять открытой до тех пор, пока ребенок не выйдет на четвертое утро, чтобы увидеть своего отца-солнце, а два маленьких окна были неподвижны, самый привередливый не смог бы придираться к чистоте атмосферы. Отец этой женщины почти не отходил от нее в течение четырех дней. Он сидел у ее постели, плел подвязки и проявлял к ней самую нежную заботу, а ее мать мало что делала, кроме как заботилась о нуждах больной и младенца, восхищалась последним и ласкала его. Муж этой женщины отсутствовал весь день, работая в поле, но по возвращении вечером его можно было застать рядом с женой, любующейся ребенком и говорящей приятные слова выбранной им женщине. Вся семья, как обычно, спала в одной комнате, за исключением женщины, нанятой обеспечивать ребенка питанием в первые две ночи, у которой тоже был с собой младенец.

К половине пятого четвертого утра женщина надела свое шерстяное платье и пояс и села на кровать в ожидании прихода докторши, которая вскоре пришла и после приветствия вручила женщине золу из камина, которая, взяв пепел в правую руку, натерла ноги и грудь для очищения, а затем надела мокасины. Бабушка вынула младенца из колыбели и, завернув его в одеяльце, передала докторше, в то время как отец женщины дал ей два каменных фетиша из-под подушки, которые она положила себе на грудь. Затем врачаха взяла из камина немного древесного угля и положила его в рот женщине, чтобы холодный ветер не проник через ее рот, не застудил кровь и не помешал ее течению, потому что, если бы это произошло, женщина наверняка умерла бы. Затем отец передал священную трапезу своей дочери и докторше и, снова взяв себе, передал немного писателю. Врачиха шла впереди, неся младенца на руках и прижимая к его груди початок кукурузы, который сыграл такую важную роль во время родов и с тех пор лежал рядом с ребенком; женщина следовала за ней, также неся початок кукурузы, спутник первого початка (все, что связано с жизнью, должно иметь двойственность, и "кукуруза - это сама жизнь, ибо она исходит из сердца Отсёт; если бы не материнская кукуруза, никто не смог бы выжить". Эти два початка кукурузы затем заворачивают вместе и кладут под колыбель ребенка, где они должны оставаться до следующего времени посева кукурузы, когда ее сеют в два или четыре ряда, отдельно от основного поля, и когда она созреет, ребенок съедает ее, который питается материнской кукурузой по мере того, как высасывает молоко из материнской груди). Писатель последовал за женщиной и, пройдя несколько футов справа от входа после выхода из дома, они остановились, пока дедушка шел от двери прямо к восточным воротам своей площади и стоял лицом на восток, где к нему присоединились остальные, врачаха шла впереди; она наклонилась справа от него. Отец младенца все это время отсутствовал, а бабушка не выходила из дома. Дедушка помолился и посыпал муку на восток ([Стр. xxxiii](#)); затем мать прошептала короткую молитву и посыпала муку в ту же точку; после этого врачаха наклонилась так, что почти села на землю, обнажила голову ребенка, подняв ее к восходящему солнцу, повторила длинную молитву и, обращаясь к ребенку, сказала: "Я веду тебя увидеть твоего отца-солнце и Копиштаю, чтобы ты мог узнать их, а они тебя". По окончании молитвы она повела его к дому, и, войдя в комнату, она сказала: "Я веду тебя увидеть твоего отца-солнце и Копиштаю, чтобы ты узнал их, а они тебя". женщина села на своей кровати, вытянув ноги, и приняла младенца от докторши, которая положила ребенка на руки матери головкой на восток; затем докторша, положив кукурузный початок вдоль груди ребенка, попросила писательницу поддержать кукурузу рядом с ней. Бабушка и двое мальчиков стояли слева от женщины, в то время как дедушка, стоя у ног ребенка, возносил молитву. Затем врачаха повторила длинную молитву при крещении, давая имя ребенку.^[28]

ЛИЧНОЕ УКРАШЕНИЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЧЛЕНСТВА В КУЛЬТЕ, ОБЩЕСТВЕ. ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

Затем она вложила младенца в руки писательницы, сказав: "Ребенок назван; он твой". Когда ребенка вернули ей, она вымыла ему голову пеной из юбки и омыла его тело, снова наполнив рот водой и обрызгав ею ребенка. После этого его натирали золой, особенно лицо,

и врачаха давала ему попить теплой воды, макая пальцы в вазу и позволяя каплям стекать с них в рот младенца; ребенок причмокивал губами с явным удовлетворением; затем его привязывали к колыбели, которую бабушка вручила доктрисе; и ребенка в колыбели сажали на колени матери, и она продолжала кормить его.

Дедушка принес корзину апачей, в которой лежала пирамидка муки, и поднес ее к лицу младенца, затем к лицу матери, которая подула на еду. Затем бабушка подула на нее (чтобы она была благословлена лучшими мыслями о дыхании жизни) и, наклонившись, дедушка держал корзину обеими руками, в то время как врачаха (рис. 19) держала ее двумя руками с противоположной стороны, дедушка шептал молитву, а затем удалялся в дальний конец комнаты. Врачиха вознесла про себя молитву и вышла из комнаты без дальнейших церемоний, неся корзинку с едой, которая была подарком ей от младенца, и это было ее единственной компенсацией за оказанные услуги. Мать младенца с аппетитом поела, и в половине восьмого утра она прошла целых 200 ярдов от дома вниз по склону, а по возвращении домой впервые после родов приняла ванну, причем купалась она сама.

Рис. 20 представляет собой копию фотографии младенца на четвертое утро после рождения.

Лохиальные выделения прекратились на четвертый день, и с этого времени и до истечения девяти дней каждый день надевали только один свежий халат. Каждое из первых четырех утра младенца купала врач, а затем бабушка до десятого утра, когда ребенка купала мать. Кроватку младенца меняли несколько раз в день, а постельное белье клали в колыбель через пару часов после стирки. Вечером четвертого дня, около 9 часов, пришла врач и искупала ребенка; пепел, которым посыпали ребенка с момента его рождения, после каждого купания не удалялся. На пятый день на коже младенца появились признаки отшелушивания, и дедушка заметил: “Когда появится новая кожа, все будет хорошо”. На шестой день остатки пуповины удаляли, приподнимая вату-сырец, втирали в пуповину мелко измельченный пигмент голубовато-серого цвета и накладывали на него хлопчатобумажную ткань. При появлении каких-либо признаков нагноения мать капает несколько капель молока из своей груди на пуповину и наносит свежий пигмент.

Рис. 20.— Мать со своим четырехдневным младенцем.

Профессор Ф. В. Кларк приводит следующий анализ этого пигмента: “Небольшое количество растворимо в воде, оно состоит из сульфатов извести и магнезии. Основная часть состоит из смеси водного карбоната меди (предположительно малахита) с железистым песком. Минерал меди легко растворяется в разбавленных кислотах и, в дополнение к меди, содержит следы железа и фосфорной кислоты. Вероятно, размельченный в порошок нечистый малахит.

Хотя женщина считается инвалидом и освобождена от всех домашних обязанностей до десятого утра после родов, после четвертого утра она входит в дом и выходит из него и занимается шитьем, не более половины своего времени проводя в полулежачем положении.

Наибольшее внимание было оказано этой женщине и ее ребенку ее отцом, матерью и мужем, двумя мужчинами, оказывавшими ей самые черные услуги и часто ухаживавшими за младенцем.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБЫЧАИ.

В предыдущей главе говорилось, что Sia не верит в возвращение духов своих умерших, когда они однажды побывали в Шипапо. Однако однажды было исключение из этого правила. История здесь изложена собственными словами теурга:

“Когда были новые годы и эта деревня строилась примерно три года, все души наших умерших пришли сюда на большой пир. У них были тела, такие же, какие были до смерти; жены узнавали мужей, мужья - жен, дети - родителей, а родители - детей. Сразу после захода солнца начали прибывать духи, лишь немногие проходили по дороге при дневном свете, но с наступлением темноты они приходили большими толпами и оставались почти до рассвета. Они пробыли там всего одну ночь; мужья и жены не спали вместе; если бы они это сделали, живые наверняка умерли бы. Когда настал час разлуки, было много плача, не только среди живых, но и среди мертвых. Живые настаивали на том, чтобы уйти с мертвыми, но мертвые заявили, что они должны подождать; что они не могут пройти через вход в другой мир; они должны сначала умереть или состариться и снова стать маленькими детьми, чтобы иметь возможность пройти через дверь мира для ушедших. Именно тогда Sia впервые узнала все о своем будущем доме. Они узнали, что поля обширны, пастбища прекрасны, горы высоки, озера и реки чисты, как кристаллы, а пшеничные и кукурузные поля цветут. Днем духи спят, а ночью усердно работают в полях. Луна - отец для мертвых, как солнце - отец для живых; мертвые отдыхают, когда солнце путешествует, потому что в это время они ничего не видят; именно когда солнце возвращается ночью в свой дом, духи умерших работают и бродят по своему нижнему миру. Дом ушедших духов находится в мире, впервые населенном Сиа”.

Целью Sia является сначала достижение промежуточного состояния в момент прекращения развития тела, а затем постепенное возвращение к первому состоянию младенчества; в такой период человек не умирает, а засыпает, чтобы проснуться в духовном мире маленьким ребенком. Многие истории дошли до Sia от тех, кто умер лишь на время; сердце замирает, губы холодеют, и дух проходит ко входу в другой мир и заглядывает внутрь, но он не входит, и все же он видит все и через короткое время возвращается, чтобы обитать в своем земном теле. Большая тревога возникает, когда человек возвращается таким образом к жизни, но много веры вкладывается в истории, впоследствии рассказанные тем, кто прошел по дороге смерти.

Хонаит занимает соответствующее положение в духовном мире.

Когда смерть наступает в любое время до захода солнца, тело хоронят, как только его можно подготовить к захоронению; но если кто-то умирает после наступления темноты, к телу нельзя прикасаться до рассвета, когда его омывают и хоронят как можно скорее. Обычно пожилая женщина клана оmyвает тело холодной водой; сначала голову моют в мыльной воде из юкки. Иногда, однако, от этого метода отказываются, если у оставшейся жены или мужа есть особый друг в каком-то другом клане. В случае с мужчиной набедренная повязка, которую он носил во время своей последней болезни, не снимается. Ближайшие родственники по кровному родству и клану присутствуют во время купания и оглашают воздух своими причитаниями. Тело оmyвают на кровати, на которой умирает участник, и здесь оно остается до погребения. Скорбящие рассаживаются по комнате, и рядом с кроватью нет никого, кроме женщины, которая готовит тело к погребению. Если труп женского пола, то после купания тело накрывают одеялом живот и конечности и подотыкают с обеих сторон, при этом верхняя часть тела остается открытой.

Официальных членов культовых обществ раскрашивают после смерти, точно так же, как они были при посвящении в общество, предварительно оmyв тело. Единственное

исключение из этого правила — хонаит воинов ([Стр. xxxiv](#)) — покажет изменение. Роспись выполнена хонаитом или викарием общества, к которому принадлежал покойный. Голову посыпают кукурузной пылью. У женщин-чиновниц раскрашены только лица. Когда мужчина не является официальным лицом, ни его лицо, ни тело не раскрашиваются, но когда каждый мужчина или женщина его клана смотрит на тело, немного кукурузной пыли рассыпается по линиям под каждым глазом и на макушке головы. Пока тело готовят к погребению, присутствующие родственники под причитания разрезают одежду трупа, включая одеяла, на полосы, и все это укладывают на тело. После того, как тело положено на одеяло, в которое его должны завернуть для погребения, если это мужчина, жена кладет немного еды под левую руку, так, чтобы руки свисали прямо по бокам. Если жена не выполняет эту обязанность, то кто-нибудь из его клана выполняет ее вместо нее. В случае смерти женщины член ее клана кладет еду. Мужчина, который в основном совершает обертывание тела, кладет небольшое количество еды под левую руку. Иногда это делает сын умершего. Одеяло сначала сворачивают с одной стороны тела, затем с другой; затем конец рядом с головой подхватывают вместе чуть выше головы и привязывают веревкой на небольшом расстоянии от конца на манер кисточки. Веревка обвязывается вокруг горла трупа и затем продолжается вокруг тела до ступней, а одеяло завязывается ниже ступней, чтобы соответствовать голове. Двое мужчин совершают эту службу и в одиночку относят тело к могиле и хоронят его без дальнейших церемоний, хотя стенания и рыдания продолжаются в доме в течение значительного времени.

Если муж умирает, то после похорон жену оmyвает женщина из ее клана. Это делается для того, чтобы оставшаяся могла очиститься от большей части своего горя и лишь немного погрузнеть. Когда жена умирает, мужа оmyвает женщина из его клана. Омовение оставшихся мужа или жены в Зуни совершается совсем по другой причине. Когда умирает ребенок, купаются как родители по отцовской, так и по материнской линии; но детей не купают, когда умирает родитель.

На четвертый день после смерти, когда дух отправляется в свое путешествие в нижний мир, побродив тем временем по пуэбло, общество, к которому принадлежал умерший, проводит церемонию. Если человек не был членом ни одного из культовых обществ, семья выбирает хонаита, которого они хотят пригласить провести церемонию. Хачамони, приготовленный теургом на третий день, кладется на северную дорогу, чтобы дух мог отнести его в свой будущий дом. В это время ставят вазу с едой, чтобы накормить духа в его путешествии, и, если были найдены какие-либо другие предметы одежды, их разрезают и бросают через северную дорогу. Одежду ни в коем случае нельзя сдавать на хранение целиком, так как дух одежды не мог бы покинуть тело, если бы оно было в идеальном состоянии.

Дорога в нижний мир, которая находится на севере (умершие возвращаются в мир, откуда они пришли), настолько переполнена, что духи часто мешают друг другу, ибо по этой дороге проходят не только духи сия, но и духи всех индейцев. Духи умерших отправляются в свой первый дом, а нерожденные духи направляются в деревни, в которых через некоторое время им предстоит родиться.

Достигнув входа в нижний мир, дух встречается с двумя стражниками у входа, которые говорят им: “Итак, вы пришли сюда”, и дух отвечает: “Да”. “Где твое удостоверение?” - спрашивает начальник охраны, и дух показывает свое хачамони, и охранник, рассмотрев его, говорит: “Да, вот твое хачамони для твоей матери, Суссестиннакоа, чтобы она знала, что ты быстро перешел прямую дорогу; она будет довольна”. Если дух не будет снабжен хачамони, он не сможет войти в нижний мир, а должен будет бродить где-то на севере. Осмотрев хачамони, охранник говорит: “Ты можешь войти в Шипапо и отправиться к своей матери в

нижний мир". Первый, кого дух встречает в нижнем мире, - это Отцат, который говорит: "Ты пришел из другого мира?" и дух отвечает: "Да". Тогда Отс говорит: "Ты принес хачамони?" - и дух отвечает: "Да". "Дай-ка мне взглянуть на твой хачамони", - и, внимательно осмотрев его, она протягивает Суссестинако, которая говорит: "Хорошо! хорошо!" и, указывая на умерших родственников новоприбывшего духа, она добавляет: "Вот, дитя мое, твои родственники; иди к ним и будь счастлива". Когда человек был очень порочен в этом мире, ему не разрешается входить в низший мир, даже если у него есть хачамони. Стражники у входа могут читать сердца и мысли людей, и они помещают таких духов в огромный костер, который горит внизу, где-то недалеко от Шипапо. Дух сгорает заживо в этом огне и никогда ничего не может узнать, так как он полностью уничтожен. Когда тиямони и хонаиты выполняют свои обязанности в этом мире с неохотой в сердце, это становится известно матери в нижнем мире, и когда такие люди попадают туда после смерти, им приходится жить отдельно и в одиночестве, без пищи в течение определенного периода времени, в зависимости от степени требуемого очищения. Некоторые сидят в одиночестве два года, другие - пять, а некоторые - десять, прежде чем мать сочтет их достойными обрести покой.

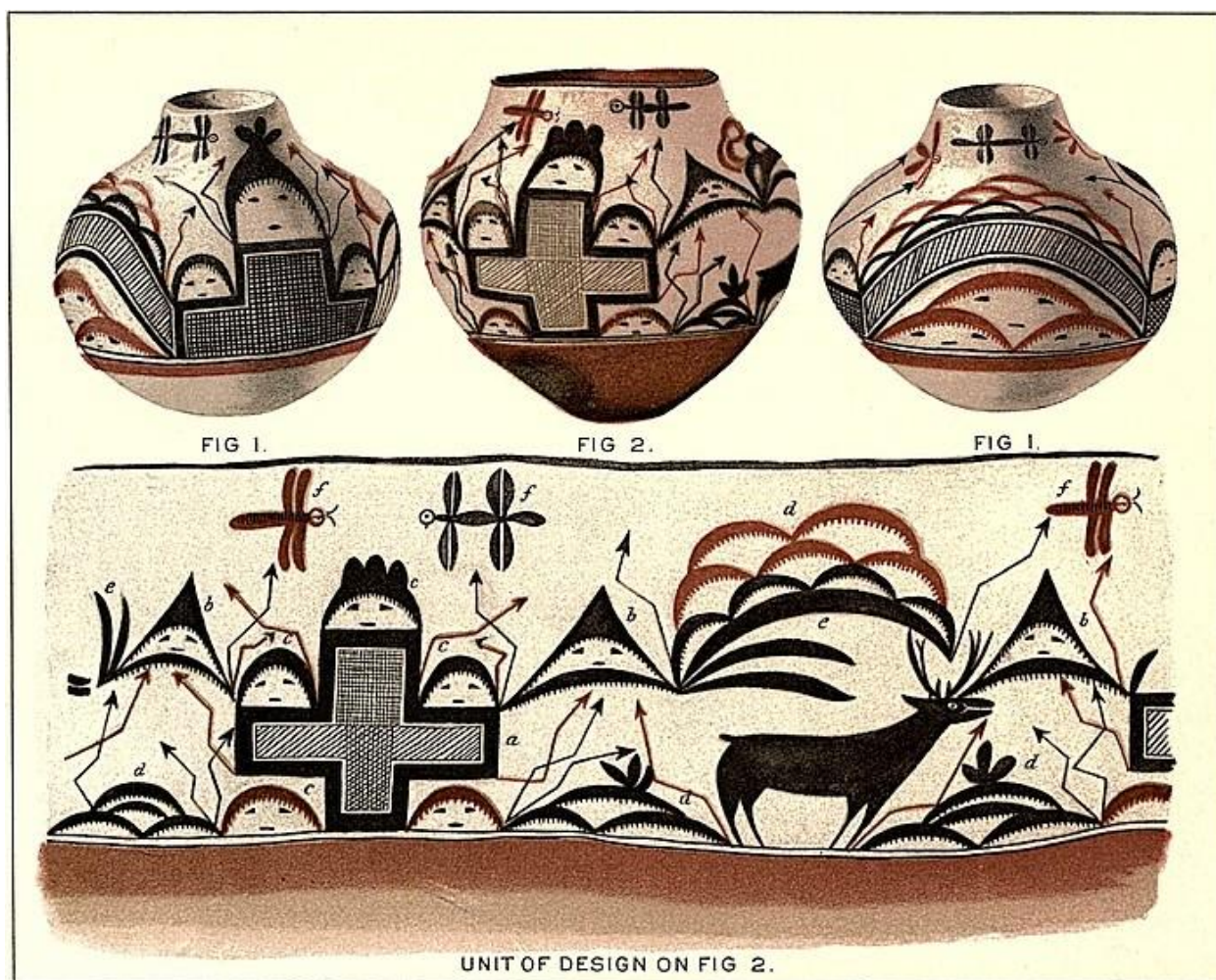
Духи всех животных отправляются в нижний мир; домашние животные служат хозяевам там так же, как они служили здесь. Хозяева не всегда узнают их, но Суссестинако знает собственность всех. Духи хищных животных возвращаются и узнают своих друзей в нижнем мире. Для убитого животного готовят хачамони, а также устраивают танцы и церемониал. Животное носит хачамони в качестве своего удостоверения точно так же, как дух человека.

Облачные люди никогда не умирают; то есть никто, даже деды самых старых людей, никогда не знали и не видели, как умирает облачный человек.

МИФЫ.

Во время учебы в Sia писатель изучал мифы, не связанные напрямую с их космогонией и культом, но ограниченно. Умы нескольких пожилых людей наполнены историями о создателях мифов давным-давно, и они верят в правдивость этих басен так же, как верят в свое собственное существование, что, без сомнения, является причиной отсутствия мифотворчества в настоящее время. Однако следует иметь в виду, что у этих людей есть свои зимние сказки и романсы, которые они считают вымыслом. Записанные здесь мифы о животных были пересказаны автору в самой драматической манере викарием Общества Змей, эти части историй, в которых койота постигает разочарование и у него отнимают добычу, доставляют особое удовольствие рассказчику.

Койот, по-видимому, презираемый, хотя и необходимый объект в мифическом мире индейцев Юго-Запада. Его, конечно, не почитают, и он не является существом, перед которым они испытывают ужас. Хотя он и является объектом насмешек, он также часто приносит большую пользу. Благодаря своей хитрости он снабдил Сиа верхнего мира огнем, украв его у Суссестиннакоа в нижнем мире. Когда мир был новым, люди носили депиляцию только на голове. Койот сказал (тогда животные могли общаться с людьми): “Тебе нехорошо быть волосатым”, - и из волосяной поросли вокруг рта и живота он покрыл лобок и подмышечную впадину Сиа.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ВАЗЫ ДЛЯ ВОДЫ—SIA.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ Нью-Йорка

КОЙОТ СТАЛКИВАЕТСЯ С РАЗОЧАРОВАНИЯМИ.

Однажды шурцунна (койот) проходил мимо и увидел зайца, сидящего перед его домом, и койот подумал: "Через минуту я тебя поймаю", и он прыгнул и поймал зайца, который закричал: "Человек-койот, не ешь меня; подожди минутку, я должен тебе кое-что сказать, кое-что, что ты будешь рад услышать, кое-что, что ты должен услышать". "Хорошо, - сказал койот, - я подожду". "Позволь мне сесть у входа в мой дом, и я смогу". поговорим с тобой", - и, встав рядом, он позволил зайцу занять свое место там. Заяц сказал: "О чем ты думаешь, койот?" "Ни о чем", - ответил койот. "Тогда послушай, что я хочу сказать; я заяц, и я очень боюсь людей; когда они приходят со стрелами, я очень боюсь их, потому что, когда они видят меня, они целятся в меня своими стрелами, и я очень боюсь, и о! как я дрожу!" - и, соответствуя своим словам, заяц сильно задрожал, пока не увидел, что койот немного растерялся; в этот момент заяц пустился бежать. Койоту потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями, когда он последовал за зайцем, но он всегда немного отставал; пробежав некоторое расстояние, заяц вошел в дом своего компаньона как раз вовремя, чтобы убежать от койота. Добравшись до дома, койот обнаружил, что это твердый камень, и очень рассердился. "Увы! - воскликнул он. - Я был очень глуп. Почему я позволил этому зайцу одурачить меня? Мне так хотелось убить его; я должен заполучить его. Как мне поймать его? Увы! этот дом очень прочный, как я могу открыть его?" и он начал работать, но через некоторое время закричал: "Камень такой прочный, что я не могу открыть его". Вскоре заяц позвал: "Человек-койот, как ты собираешься убить меня?" "Я знаю, как я

собираюсь убить тебя, ” ответил койот. “ Я убью тебя огнем”. “Где дрова?” - закричал заяц, потому что в доме зайца не было дров. “Я принесу травы, - сказал койот, - и подожгу ее, и огонь проникнет в твой дом, попадет в твои глаза, нос и рот и убьет тебя”. “О, - сказал заяц, - “Трава моя, это моя еда, она не убьет меня; почему моя еда должна убивать меня?” Это мой друг. Нет, трава меня не убьет”. “Тогда, - воскликнул койот, - я соберу все деревья в лесу и подожгу их”, и заяц ответил: “Все деревья знают меня, они тоже моя пища, они не убьют меня, они мои друзья”. Койот сказал: “Я принесу жвачку от пиньона и подожгу ее”, - и заяц воскликнул: “О, теперь я очень боюсь, я это не ем, и это не мой друг”, - и койот обрадовался, что придумал, как добыть зайца. Он поспешил, принес столько жвачки, сколько смог унести, положил ее у двери заячьего домика и поджег, и через короткое время жвачка закипела, как горячий жир, и заяц закричал: “Теперь я знаю, что умру, что же мне делать?” - и сердце койота возрадовалось. Через некоторое время заяц крикнул: “Огонь проникает в мой дом”, и койот крикнул ему: “Задуй его”. В то же время, подойдя поближе к огню, он изо всех сил подул, чтобы увеличить пламя. “О!” воскликнул заяц, “твой рот так близко, что ты дуешь на меня огнем, и я скоро умру”; и койот приблизил свой рот еще ближе к огню и подумал, что заяц должен умереть; он дул изо всех сил, приближаясь в своем стремлении уничтожить зайца, пока его лицо не оказалось совсем близко от него, тогда заяц плеснул кипящей жвачкой в морду койоту и убежал. Мысли койота были теперь направлены на то, чтобы смыть горячую жвачку с глаз и лица. Прошло много времени, прежде чем он смог что-либо видеть, и его глаза болели. Когда он понял, что заяц снова ускользнул от него, он воскликнул: “Я очень, очень глуп”, - и пошел прочь, чувствуя отвращение к самому себе, и ему было очень грустно. Пройдя большое расстояние и перейдя гору, он наткнулся на спящего человека (рысь). Койот был рад видеть человека и подумал: “Вот товарищ. Я предполагаю, что этот парень либо усердно работал всю ночь, либо много путешествовал, потому что спит крепко. И, подумав довольно долго, койот раздобыл тонкую круглую палку, воткнул ее себе в живот и очень осторожно покрутил, чтобы собрать жир. Рысь все еще крепко спала. “Я скажу своему товарищу, когда он проснется, ” сказал койот, “ что у меня на палке жир оленя”, - и он отложил ее в сторону и начал думать. “Ах, у меня есть мысль. В старые времена рот моего товарища не был таким большим; он был маленьким; я сделаю его таким, каким он был. Его уши были не такими большими; я сделаю их такими, какими они были. Его хвост был не таким длинным; я его укорочу. Его ноги, руки и туловище были длиннее; я удлиню их”; и он работал и надавливал на рот, пока тот не уменьшился в размерах, и так он трудился над ушами, пока они не стали маленькими, и надавливал на хвост, пока он не стал короче, а затем вытягивал ноги, руки и туловище, пока они не стали нужной длины. После того, как его работа была завершена, койот подумал: “Это хорошо”. Рысь по-прежнему спала, и койот позвал: “Компаньон!” - но ответа не последовало; во второй раз: “Компаньон!” - и ответа не последовало; на третий зов никто не пришел, и койот подумал: “Почему это мой компаньон так крепко спит? должно быть, он много путешествовал или усердно работал всю ночь”, - и снова он позвал: “Товарищ!” - и рысь открыл глаза и огляделся, как человек, только что проснувшийся, но ничего не сказал.

Когда он обнаружил, что не похож на себя прежнего, он ничего не сказал, но подумал: “Этот человек-койот проделал эту работу”. Затем койот принес палку с намазанным на нее жиром и сказал: “Товарищ, я хочу о многом поговорить с тобой; ты спал очень крепко; Я принес тебе немного оленьего жира; съешь его; тебе понравится. На днях я убил оленя, и именно по этой причине я могу принести тебе немного жира”, - и рысь, думая, что койот сказал правду, съела жир с большим удовольствием. Когда жир был съеден, койот сказал: “Ну, товарищ, что ты думаешь об оленьем жире?” но прежде чем рысь успела что-либо ответить, койот добавил: “Я солгал тебе; это твой собственный жир, который я взял из твоего желудка, пока ты спал”. Рыси сразу же стало очень плохо, и ее вырвало. “Я это не ела”, - закричала рысь. “Да, ты ела”, - сказал койот. “Видишь, ты не можешь удержать это”, - и рысь

продолжала рвать до тех пор, пока весь жир не был выброшен из его желудка. Он был очень зол на койота и подумал: "Когда-нибудь я сыграю ту же шутку с тобой, человек-койот".

Теперь они разделились и пошли разными дорогами; но через короткое время рысь вернулась и последовала за койотом, стараясь держаться поближе к нему; но койот вскоре отдалился от рыси, оставив ее далеко позади; койот, однако, не знал, что рысь следует за ним. Пройдя большое расстояние, он устал и прилег отдохнуть и уснуть. Через некоторое время прибежала рысь и, увидев спящего койота, сказала: "А! а! теперь я сыграю свою шутку"; и он крикнул койоту: "Товарищ!" - и не получил ответа; он снова крикнул: "Товарищ!" - и не получил ответа; и третий и четвертый крики не принесли ответа. Койот крепко спал. "Он наверняка спит", - сказал рысь и палкой, похожей на ту, которой пользовался койот, он извлек жир из живота койота и отложил его в сторону; затем он продолжил изменять внешний вид койота; он оттягивал рот, пока он не выпятил его, и он стал намного больше, чем раньше; затем он потянул за уши, пока они не стали длинными, и он удлинил хвост вдвое по сравнению с ним, а также вытянул тело и руки. Закончив свою работу, он четыре раза крикнул койоту: "Товарищ!" В четвертый раз койот проснулся, и рысь сказала: "Я принесла тебе немного оленьего жира"; и койот был достаточно глуп, чтобы поверить этой истории, и съел жир, потому что был очень голоден. Тогда рысь сказала: "Человек, что ты думаешь? Ты думаешь, я солгала тебе? Что ж, я солгал тебе, потому что жир - из твоего собственного желудка". И койот очень разозлился, и его вырвало всем, что он съел. И он крикнул: "Человек-рысь, мы квиты", - и через некоторое время они разделились, выбрав разные дороги.

Койот прошел большое расстояние, и в середине дня было очень жарко, и он сел отдохнуть, и он подумал, глядя на тинию: "Как бы я хотел, чтобы облачный народ освежил мой путь и сделал его прохладным"; и через некоторое время облачный народ собрался над дорогой, по которой койоту предстояло идти, и он обрадовался, что его путь будет тенистым и прохладным; но после того, как он прошел небольшое расстояние, он снова сел и, посмотрев вверх, сказал: "Я бы очень хотел, чтобы облачный народ отправил меня в путь". дождь, чтобы моя дорога была свежее и прохладнее". Вскоре пошел дождь, и койот был доволен и радостно продолжил свой путь; но вскоре он снова сел и пожелал, чтобы дорога была очень влажной, чтобы она была свежей для его ног, и почти сразу дорога стала мокрой, как будто по ней протекла река, и койот был очень доволен.

Но, пройдя небольшое расстояние, он снова сел на свое место и сказал себе: "Пожалуй, я снова поговорю с облачным народом"; и он сказал им: "Я хочу, чтобы на моей дороге была вода; вода по локоть, чтобы я мог передвигаться на руках и ногах в прохладной воде; тогда я буду освежен и счастлив"; и через некоторое время его дорога была покрыта водой, и койот двинулся дальше; но через некоторое время ему захотелось чего-то большего, и он сел и сказал облачному народу: "Я очень хочу, чтобы на моей дороге была вода". плечи; тогда я буду очень счастлив и удовлетворен"; и через мгновение вода поднялась, как он и хотел; но он не успел отойти далеко, как снова сел и поговорил с облачным народом, сказав: "Если вы только дадите мне воды так высоко, чтобы мои глаза, нос, рот и уши были одни над ней, я буду счастлив и удовлетворен; тогда моя дорога действительно будет прохладной"; и его молитва была услышана.

Но даже это не удовлетворило его, и, пройдя небольшое расстояние, он сел и стал умолять облачных людей дать ему реку, чтобы он мог плыть над дорогой, и тотчас же появилась река, и койот поплыл вместе с потоком. Он был высоко в горах и хотел спуститься вниз, в страну зайцев. Проплыв большое расстояние, он добрался до заячьей земли и увидел немного поодаль множество зайцев, как больших, так и маленьких, и они были по обе стороны реки. Койот лег, как мертвый (он был весь в грязи), и прислушался, и вскоре он

увидел приближающуюся женщину кавате (мефитис), которая несла свою вазу и тыквенную тыкву; она шла за водой. Прежде чем койот увидел кавате, он услышал, как тыква ударилась о вазу. Когда она приблизилась, койот взглянул на нее, и она посмотрела на него и сказала: "Вот мертвый койот. Откуда он взялся? Я думаю, с гор наверху. Я думаю, он упал в воду и умер". Когда она подошла ближе, он посмотрел на нее и сказал: "Иди сюда, женщина". "Чего ты хочешь?" - спросил кавате. "Я хочу, чтобы ты был моим компаньоном", - сказал койот. "Я хорошо знаю всех зайцев и других мелких животных, и я думаю, что через некоторое время они все придут сюда, и когда они подумают, что я мертв, они будут очень счастливы". И эти двое много разговаривали друг с другом, и койот сказал: "Давай будем компаньонами, что ты об этом думаешь?" "У меня вообще нет никаких мыслей", - сказал кавате. "Я, " сказал койот, - думаю, нам лучше работать вместе". И кавате ответил: "Это хорошо". Тогда сказал койот: "Пойди и принеси мне четыре дубинки; они нужны мне для зайцев". Когда кавате вернулся с дубинками, койот сказал: "Положи их на землю и засыпь землей". Когда это было сделано, он лег на них. Тогда сказал койот: "Пойди и принеси мне семена патьяна". (Очень высокая трава; семена, когда созревают, черные.) Он положил семена себе в рот, ноздри, глаза и уши и разбросал их по всему телу. Он сделал это, чтобы зайцы подумали, что он мертв и его поедают черви. Затем он сказал кавате: "Оглянись повсюду в поисках зайцев; когда ты увидишь их, скажи, что койот мертв; они скоро придут посмотреть на меня и будут танцевать вокруг меня от радости, потому что я мертв. Ты вернешься с ними, и когда они будут танцевать, скажи им, чтобы они смотрели на облачных людей, пока они танцуют, а затем выплесни свой яд (мефитовую жидкость) вверх и пусть он прольется им на лица, как дождь, и когда он попадет им в глаза, они не смогут видеть, потому что яд кавате обжигает, как красный перец, и когда они ослепнут, мы сможем убить их; ты возьмешь две дубинки, а я возьму две, по одной в каждой руке ". Когда кавате добралась до зайцев, она обратилась к вождю зайцев. "Заяц, послушай; я видел вон там мертвого койота". "Где?" - крикнул вождь. "Там, у реки". "Ты не лжешь?" сказал вождь. "Нет, я говорю правду, там мертвый койот". "Что убило койота?" "Я не знаю, что его убило, но я думаю, что он, должно быть, упал в воду далеко вверху и был принесен сюда рекой". И вождь сообщил эту новость всем своим товарищам, и они решили послать одного зайца посмотреть, правду ли сказал кавате. "Иди скорее, " сказали они зайцу, - и посмотри, правду ли говорит эта женщина". Заяц поспешил прочь, и когда он добрался до койота, то внимательно осмотрелся вокруг и пришел к выводу, что койот был мертв некоторое время назад, потому что он увидел, что тело было покрыто червями, и, вернувшись, он рассказал своим людям о том, что видел, но некоторые отказывались верить, что койот мертв. Было решено послать другого гонца, и был послан второй заяц, чтобы проверить, верен ли рассказ первого. Он вернулся с теми же новостями, и поэтому были посланы третья и четвертая, и каждая принесла историю о том, что койот мертв и его съедают черви. Тогда зайцы решили залезть в тело и посмотреть на мертвого койота. Мужчины, женщины и дети поспешили посмотреть на мертвое тело койота и, радуясь его смерти, били его руками и пинали ногами. Там были толпы зайцев, и они решили устроить отличный танец. Время от времени заяц отделялся от группы танцующих и наступал на койота, который все это время лежал как мертвый, а во время танца они прикрывали рот руками и издавали клич, похожий на боевой клич.

Через некоторое время кавате отошел от группы и сказал: "Все вы, зайцы, смотрите вверх, не опускайте головы, смотрите на облачных людей, когда поете и танцуете; гораздо лучше держать головы высоко". Все запрокинули головы и посмотрели на тинию. Тогда кавате высоко плеснула своей мефитовой жидкостью, которая дождем полилась на лица и в глаза всем зайцам, и глаза их загорелись; все, что они могли сделать, это потерять их; они ничего не могли видеть. И койот быстро поднялся и вручил кавате две дубинки, оставив две себе, и они убили всех зайцев; их было великое множество, и они были свалены в кучу, как камни. Тогда койот сказал: "Где мне найти огонь, чтобы приготовить зайцев? А, " сказал он,

указывая на очень высокую скалу, “ вон та скала дает хорошую тень, и там прохладно; я найду костер и приготовлю мясо в тени скалы.” и они с кавате отнесли всех зайцев к этому месту, а койот развел большой костер и бросил их в него. Когда это было сделано, ему стало очень тепло от работы у костра, и он тоже устал и прилег поближе к скале в тени. Теперь он был совершенно счастлив и довольствовался тишиной, но лишь на короткое время. Должно быть, он над чем-то работал, и он спросил кавате: “Что нам теперь делать?” и она ответила: “Я не знаю”, - тогда койот сказал: “Мы будем работать вместе над чем-нибудь красивым; мы устроим гонки, и тот, кто победит, получит всех зайцев”. “О, ” сказал кавате, “ как я мог победить тебя? твои ноги намного больше моих”. “Что ж, - сказал койот, - я позволю тебе начать с меня”. Койот сделал факел из внутренних лоскутков кедровой коры, обмотал его нитью юкки и, зажегши, привязал этот факел к концу своего хвоста. Огонь был прикреплен к его хвосту, чтобы поджигать траву, которую он мог видеть повсюду вокруг себя, чтобы следить за кавате, чтобы она не сбежала от него. Затем он сказал: “Женщина, я знаю, что ты не можешь быстро бегать, ты должна идти первой, и я подожду, пока ты не пройдешь определенное расстояние”. Кавате двинулась в путь, но когда койот скрылся из виду, она проскользнула в дом барсука. В нужное время койот отправился в путь с огнем, прикрепленным к его хвосту. Везде, где он прикасался к траве, он поджигал ее. Кавате подождала, пока он пройдет мимо, а затем вышла из домика барсука и, поспешив обратно к скале, отнесла всех зайцев на высокий выступ, оставив внизу только четырех крошечных детенышей. Койот был удивлен, что на бегу не догнал кавате. “Она, должно быть, очень быстрая”, - подумал он. “Как она могла так быстро бегать”, - и, обогнув гору, все время ожидая увидеть кавате впереди себя, он вернулся к скале, наверняка ожидая найти ее там. Не видя ее, он закричал: “Где может быть кавате?”

Он устал и сел в тени скалы. “Почему она не приходит, - подумал койот. - Может быть, она вернется не раньше ночи, у нее такие маленькие ножки; может быть, она вообще не придет. Странно, что я ее не видел; она, должно быть, далеко. Кавате, который был прямо над ним, слышал все, что он сказал. Она наблюдала за ним и увидела, как он взял палку и заглянул в курган в поисках зайцев. (Они накрыли зайцев, прежде чем покинуть это место.) Он вытащил очень маленького, которого выбросил. Затем он нарисовал второй, еще меньше первого, и его он тоже сбросил, и снова третий, и четвертый, каждый меньше другого. “Я не забочусь о маленьких, - сказал он, - у меня их здесь много, я не буду есть маленьких”, и он все охотился и охотился в кургане за зайцами, но больше ничего не нашел; все ушли, и он огляделся и сказал: “Эта женщина ограбила меня”, и он был рад собрать четырех, которых выбросил, и съесть их, потому что был очень голоден. После еды он огляделся и обнаружил следы кавате на камнях. Он повсюду искал ее, но ему и в голову не пришло посмотреть вверх, и после долгих поисков он устал и прилег отдохнуть. Посмотрев вверх, он увидел женщину, сидящую на выступе скалы, а рядом с ней были сложены зайцы. Койот проголодался по зайцам, и он попросил кавате принести ему немного, и она бросила ему очень маленького зайца, и койот разозлился на нее и еще больше на себя, потому что он не мог взобраться на скалу; она забралась туда, куда он не мог забраться. Койот был очень зол, когда расстался с кавате. Пройдя немного, он увидел маленькую птичку. Птица довольно прыгала, и койот подумал: “Какая красивая птица, она так грациозно передвигается. Думаю, я немного поработаю с этой птицей”, - и, подойдя ближе к птице, он спросил: “Над какими прекрасными вещами ты работаешь?” но птица не могла понять койота, и ему оставалось только стоять и любоваться птицей. Он увидел, как птица вынула два своих глаза и бросила их прямо вверх, как два камня, тинии, а затем посмотрела вверх, но у него не было глаз на голове; вскоре птица сказала: “Спускайся, мои глаза, спускайся скорее, ко мне в голову”, - и сразу же глаза птицы опустились в глазницы, и птица, по-видимому, была довольна, и глаза казались намного ярче, чем раньше. Койот, обнаружив, насколько улучшились глаза птицы, попросил птицу вынуть глаза и подбросить их вверх, чтобы они стали ярче, и птица вынула

глаза койота и некоторое время держала по глазу в каждой руке, затем бросила их тинии, и койот посмотрел вверх, но у него не было глаз, и он закричал: “Вернись, мои глаза, возвращайся скорее”, и глаза упали на голову койота. Он был в восторге от улучшения состояния своих глаз и, подумав, что их можно было бы сделать еще более блестящими и проницательными, подняв их во второй раз, попросил птицу повторить это представление. Птица больше не хотела работать на койота и сказала ему об этом, но койот настойчиво уговаривал птицу еще раз поднять глаза. Птица, немного рассердившись, сказала: “Почему я должна работать на тебя, койот? Нет, я больше на тебя не работаю”, но койот был настойчив, и птица во второй раз выклевала ему глаза, на этот раз причинив койоту такую боль, что он заплакал. Когда птица вскинула глаза, койот посмотрел на тинию и крикнул: “Приди, мои глаза, приди ко мне!” но глаза продолжали подниматься и не вернулись. Койот был очень опечален и передвигался медленно и неуклюже, потому что ничего не видел, и горько плакал из-за потери глаз.

Птице было очень досадно, что ее так беспокоят с койотом, и она сказала ему: “А теперь уходи; ты мне надоел, уходи и поищи другие глаза, не оставайся плакать и беспокоить меня”, но койот отказался уходить и умолял птицу найти для него глаза. Наконец птица собрала жвачку с дерева пиньон и покатила два маленьких кусочка между ладонями, и, когда они стали круглыми, она поместила два шарика в глазницы койота, который тогда смог видеть, но не так ясно, как раньше, и эти глаза, вместо того, чтобы быть черными, как его другие глаза, были слегка желтоватыми. “Теперь, - сказала птица, - ты больше не можешь оставаться”.

Пройдя некоторое расстояние, койот встретил оленя с двумя оленятами; оленята были красиво окрашены, и он спросил оленя: “Как ты нарисовал своих детей, они такие красивые?” Олень ответил: “Я нарисовал их огнем из кедра”. “И как ты проделал эту работу?” - спросил койот. “Я поместил своих детей в пещеру, - ответил олень, - и развел костер из кедра перед пещерой, и каждый раз, когда искра вылетала из огня, она попадала на моих детей, образуя красивое пятно”. “О, - сказал койот, - я сделаю то же самое и сделаю своих детей красивыми”, - и он поспешил в свой дом, поместил своих детей в пещеру и развел костер из кедра, а затем отошел в сторону, чтобы посмотреть на огонь. Дети много плакали, потому что огонь был очень горячим. Койот пытался остановить их крики, говоря им, что скоро они станут такими же красивыми, как дети оленя. Через некоторое время их плач прекратился, и койот подумал, что его слова утешили их, но на самом деле дети сгорели заживо. Когда кедр был съеден, койот поспешил в пещеру, ожидая найти своих детей очень красивыми, но вместо этого он нашел их мертвыми; он пришел в ярость из-за оленя и быстро побежал за ней, но нигде не мог ее найти, и вернулся в свой дом очень расстроенный и испытывающий отвращение к самому себе за то, что олень так легко одурачил его.

КОЙОТ И ПУМА.

Когда мир был новым, койот был очень трудолюбив. Он всегда был на работе, объезжая весь мир повсюду. Он никогда не был ленивым, но его мысли не были хорошими. Он посетил один лагерь людей и сказал им, что принадлежит к народу Кукурузы; в другом лагере он сказал, что принадлежит к народу Ножа. Оба раза он солгал. Через некоторое время койот сказал кугуару, который был отцом всей дичи, что хотел бы стать хонаитом. Кугуар ответил: “Когда твои мысли будут хорошими, тогда ты сможешь стать одним из них”. “Я думаю, койот не лжет, у него сейчас хорошие мысли”, и пума сказала ему: “Приходи ко мне через четыре дня, и мы приготовим хачамони”. Койот вернулся на четвертый день и восемь дней работал с пумой, готовя хачамони. Предполагалось, что в течение этого времени он должен был воздерживаться от еды, питья и курения, а также соблюдать воздержание. Кугуар также постился и практиковал воздержание в течение того же периода времени. Каждую ночь,

когда темнело, кугуар говорил: “Ты, человек-койот, сейчас ночь, возьми эту еду, которую я даю тебе, и предложи ее Копштайе”. В первую ночь койот вернулся с довольным сердцем и, войдя в дом кугуара, сел. На вторую ночь после того, как койот ушел из дома с едой для Копештайи, он почувствовал небольшой голод и сказал себе: “Прошлой ночью я не был голоден, теперь я голоден, увы! Я боюсь, иначе я бы ел эту пищу. Почему я захотел стать хонаитом? У меня здесь есть еда, и я хочу ее съесть, потому что я голоден и все же мне страшно”. И так он спорил сам с собой, пока не преодолел все угрызения совести и не съел еду. “Теперь, - сказал он, - я доволен; я больше не голоден”, - и он вернулся к кугуару, притворившись, что предложил еду Копштайе, и так оставшиеся восемь ночей койот ел пищу, которую дала ему кугуар, чтобы предложить Копштайе, но он никому об этом не сказал. Кугуар вырос, выпрямился и у него не было живота, но внешне койот не изменился, и на шестую ночь кугуар начал подозревать, что койот не приносил свои жертвы Копештайе. Каждый вечер койот говорил кугуару, что он доволен и не голоден. “Я думаю, тебе немного грустно”, - ответил кугуар. “Нет, мне не грустно; у меня крепкий желудок, - сказал койот, - я могу поститься восемь дней; я удивляюсь, что мне ни капельки не грустно. Почему я не голоден? Я чувствую себя сильным все время, пока прохожу мимо”.

На седьмой день кугуар и койот весь день очень усердно работали, готовя хачамони, и когда работа была завершена, кугуар научил койота песне, которую он будет петь как хонаайт Общества койотов. Они пели весь восьмой день и ночь, и в конце песни койот был посвящен в хонаиты. Тогда пума сказала койоту: “Иди теперь и убей оленя, а когда убьешь оленя, принеси мясо сюда, и мы поедем”, и койот сказал: “Это хорошо”, - и он пошел охотиться на оленя. Ранним утром койот увидел оленя, но олень бежал быстро, и, хотя он следовал за ним весь день, он не мог подобраться достаточно близко, чтобы поймать его; у него не было стрел, но он должен был ловить его руками, и ночью койот вернулся измученный. Пока койота не было, кугуар подумал: “Я думаю, койота не будет весь день”, а когда наступил вечер, а койота все еще не было, он подумал: “У койота не слишком хорошая голова и мысли для хонаита”. Когда койот вернулся ночью, пума спросила: “Почему тебя не было весь день и ты вернулся без оленя?” “Я видел оленя, - сказал койот, - сегодня рано утром, и я весь день бежал за ним; я забрался очень далеко и устал”. “Ну, ” сказал кугуар, “почему это твоя голова и сердце хотят быть хонаитами?” Я дал тебе еды для Копштайи, а ты, койот, ты съел пищу, которую следовало дать Копштайе; вот почему ты не поймал оленя сегодня. Если бы ты отдал еду Копештайе, вместо того чтобы есть ее, ты бы поймал оленя. Койот задумался, но не сказал ни слова. Ту ночь он провел в доме кугуара, и на рассвете кугуар сказал одному из своих соплеменников: “Иди и поймай оленя”. “Что ж, пусть будет так”, - сказал спутник и направился к оленю еще до восхода солнца. Вскоре он увидел одного из них; оно было совсем рядом с ним, и одним прыжком он настиг дичь и поймал ее еще до восхода солнца, и, поспешив обратно в дом своего вождя, он сказал: “Вот мясо оленя”.

Вождь был очень доволен, но койот был очень опечален. Все спутники кугуара были счастливы. “Хорошо, сын мой!” - сказал кугуар. “Я очень доволен; мы заплатим Копештайе перьями; теперь мы будем есть мясо оленя”. Вождь поел первым, а остальные последовали за ним; он не стал отдавать койоту ни кусочка мяса, потому что мысли койота были нехорошими. Вождю очень понравилась еда, поскольку это было девятое утро с начала его поста. Кугуар сказал койоту: “Твои мысли и сердце нехороши; ты больше не хонаит; уходи! Отныне ты будешь быстро путешествовать по миру; ты будешь много работать, проезжая мимо, но ты никогда не поймешь, как убить оленя, антилопу или любую другую дичь; Я путешествую не быстро, но мои мысли хороши, и когда я зову оленя, они приходят быстро”. С тех пор койот постоянно охотится на оленя, кролика и другую дичь, но безуспешно.

КОЙОТ И ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЯ.

Дом койота находился рядом с домом гремучей змеи. Койот сказал змее: "Давай прогуляемся вместе", - и на ходу сказал змее: "Завтра приходи ко мне домой". Утром змея отправилась в дом койота и медленно поползла по полу, потрясая своей погремушкой. Койот сидел в стороне, сильно напуганный; он испугался после того, как понаблюдал за движениями змеи и услышал звук погремушки. У койота на огне варился горшочек с кроличьим мясом, который он поставил перед змеей, приглашая ее поесть, говоря: "Товарищ, ешь". "Нет, товарищ, я не буду есть твое мясо; я не разбираюсь в твоей еде", - сказала змея. "Что ты ешь?" - спросил койот. "Я ем желтые цветки кукурузы", - последовал ответ, и койот немедленно начал искать пыльцу вокруг, и когда он нашел пыльцу, змея сказала: "Посыпь немного мне на макушку, чтобы я мог ее съесть", - и койот, стоя как можно дальше, уронил немного пыльцы на голову змеи. Змея сказала: "Подойди поближе и положи мне на голову достаточно пыльцы, чтобы я мог ее найти". Он был очень напуган, но через некоторое время он подошел поближе к змее и положил пыльцу себе на голову, и, съев пыльцу, змея поблагодарила койота, сказав: "Я пойду сейчас", но перед уходом он пригласил койота к себе домой: "Товарищ, завтра приходи ко мне домой". "Очень хорошо, " сказал койот, " завтра я пойду к тебе домой". Койот много думал о том, что змея будет делать завтра. Он сделал маленькую погремушку (положив крошечные камешки в тыквенную вазу) и прикрепил ее к концу своего хвоста, и, попробовав ее, остался вполне удовлетворен и сказал: "Это хорошо"; затем он направился к дому змеи. Подойдя к дому, он потрянул хвостом и сказал себе: "Это хорошо; я думаю, когда я войду в дом, змея будет очень сильно меня бояться". Он не вошел в дом, но двигался как змея. Койот не мог потрясти погремушкой, как змея своей; ему приходилось держать свой хвост в руке. Когда он потряс своей погремушкой, змея, казалось, испугалась и сказала: "Товарищ, я очень боюсь тебя". Змея приготовила на огне рагу из крыс, которое она поставила перед койотом и пригласила его поесть, сказав: "Товарищ, съешь немного моей еды", и койот ответил: "Я не понимаю, что ты ешь; я не могу есть это, потому что я в этом не разбираюсь". Змея настаивала на том, чтобы он поел, но койот продолжал отказываться, говоря: "Если ты положишь немного цветка кукурузы мне на голову, я буду есть". буду есть; я понимаю, что такое еда". Змея быстро раздобыла немного кукурузной пыльцы, но он притворился, что боится подходить слишком близко к койоту, и отошел на некоторое расстояние. Койот велел ему подойти поближе и хорошенько присыпать пыльцой его макушку; но змея ответила: "Я боюсь тебя". Койот сказал: "Подойди ко мне поближе, я не плохой", и змея подошла поближе и присыпала пыльцой голову койота, и койот попытался съесть пыльцу; но у него не было змеиного языка, поэтому он не мог снять ее со своей головы. Он предпринял множество попыток дотянуться до макушки, проводя языком сначала по одной стороне носа, а затем по другой, но смог дотянуться только до обеих сторон носа. Его неоднократные неудачи заставляли змею от души смеяться. Змея прикрыла рот рукой, чтобы койот не видел, как она смеется; на самом деле он спрятал голову в свое тело. Койот не знал, что змея обнаружила, что он не может добыть пищу. Покидая дом змеи, он держал свой хвост в руке и тряс погремушкой; и змея воскликнула: "О, друг! Я так боюсь тебя", но на самом деле змея затряслась от смеха. Койот, возвращаясь в свой дом, сказал себе: "Я был таким дураком; у змеи было много еды, и я не стал ее брать. Теперь я очень голоден", - и он отправился на поиски еды.

СКАТОНА.

Миф о скатоне (чудовищном пернатом змее), который в древности пожирал людей, знаком каждому мужчине, женщине и ребенку Сиа. Этот змей, живший в горах, не двигался, чтобы поймать людей, но притягивал их к себе своим дыханием; он никогда не звал никого, кроме одного человека за раз, заставляя каждого подходить сбоку, чтобы его не было видно. Обычно сначала хватали за руку, затем змей брал ее в рот и постепенно пожирал свою жертву.

СНОСКИ:

[1] Автор с благодарностью упоминает долю этой работы, выполненную ее покойным мужем, мистером Джеймсом Стивенсоном, чьи заметки, сделанные во время его прошлогодней работы в этой области, были свободно использованы ею и чей жизненный интерес к североамериканским индейцам был ее источником вдохновения.

[2] Дэвис, Испанское завоевание Нью-Мексико, 1869, стр. 351, 352.

[3] Автор в долгу перед мистером А. Ф. Банделье за информацию о католических миссиях.

[4] Суссестиннакоа называют и отцом, и матерью, он является родителем всех, а иногда и бабушкой или первым родителем.

[5] В этой статье слова “стороны света” используются для обозначения севера, запада, юга, востока, зенита и надира.

[6] Яррико или яя (мать) - это початок кукурузы, который может быть любого цвета, но должен быть симметрично совершенным, и не должно отсутствовать ни зернышка. Перья орла и попугая располагаются пирамидальной формой вокруг мозоли. Чтобы центральные перья были достаточно длинными, каждое из них прикреплено к очень тонкой шине. Основание этой пирамиды сформировано из лубков, сплетенных вместе из местного хлопчатобумажного шнура и украшенных наверху ракушками и драгоценными бусинками. К нижнему концу кукурузы прикреплена подушечка из местного хлопка. Когда яя завершается, не остается никаких следов кукурузы, которая обновляется каждые четыре года, когда сажают старую кукурузу. Яя готовится только теургами культовых обществ, и за четыре дня до приготовления Яррико необходимо соблюдать воздержание, а каждое из четырех утра перед прекращением поста принимать рвотное средство для очищения от супружеских отношений. Теург вручает яя каждому официальному члену, причем младшие, по-видимому, так же благодарны и гордятся оказанной им честью, как и старшие. Яррико - главный идол Sia. Тот, что был подарен писателю теургом общества ножей, сейчас находится в Национальном музее.

[7] Хотя в рассказе об этом не упоминается, кажется, понятно, что в эти игры играли дома, потому что, если бы Пошайянке проиграл игры, он потерял бы дома.

[8] Древние плоские бусины из ракушек, тонкие, как бумага.

[9] Эта ссылка на таблицы, по-видимому, свидетельствует о том, что эта часть космогонии относится к более позднему времени, и весь абзац имеет оттенок христианского или библейского учения.

[10] Культурный герой Sia носит имя, похожее на имя соответствующего вундеркинда среди зуни. То же самое верно и в отношении других их мифологических существ.

[11] Пятая эна. Rept. Bu. Eth., стр. 539-553.

[12] Председатель культового общества.

[13] Это общество отличалось от общества с таким же названием, впоследствии организованного в верхнем мире; нож в первом случае относится к орудию, используемому для бытовых и других целей, в то время как слово во втором указывает на стрелы, подаренные Масеве и Уюевеё, двум героям войны, сыновьям солнца, их отцом.

[14] Хонаит, в данном случае, строго говоря, не является теургом, поскольку священник-врач общества воинов практикует исключительно хирургические операции, такие как извлечение ядер и стрел, в то время как теургу приходится иметь дело с недугами, вызванными колдовством и гневом определенных животных и насекомых, он действует просто как агент хищных животных. Функции хонаитов кошаири и кверранны также отличаются от функций других обществ. Поскольку эти два общества получили свои песни и медицину непосредственно от солнца, они не имеют права на дощатые алтари, используемые в церемониях и подаренные Ūtsēt обществам нижнего мира; только те хонаиты, которые практикуют с помощью силы хищных животных, владеют рисунками на песке. Воины, Кошайри и Кверранна, делают свои облачные эмблемы трапезы.

[15] Священная трапеза, или смесь из ракушек, как ее часто называют в Sia, может быть приготовлена взрослым человеком любого пола; она состоит из муки грубого помола, измельченных ракушек и индейки.

[16] Хонаиты выбирают члена общества для сбора ивовых прутьев, из которых делают хачамони. Хонаит раскладывает пучок птичьих перьев, который сборщик прикрепляет к ветке ивы, говоря: “Я пришел собрать веточки для хачамони, и я плачу вам этими перьями”. Прикасаются не к дереву, к которому прикреплены перья, а к ближайшему к нему. Штрих в том месте, где веточка должна быть срезана, делается древним каменным ножом, и веточка отсекается от дерева по линии под прямым углом к самой себе, длина палки варьируется от четырех дюймов до фута, в зависимости от симметрии веточки, которую разделяют тремя надрезами (они сначала обозначены каменным ножом), оставляя выбранную часть с заостренным концом, который в поперечном сечении представлял бы равносторонний треугольник.

[17] Индейцы сия не отличаются от зуни, тусаян и навахо в процессе приготовления картин песком, порошкообразный пигмент рассыпается между указательным и большим пальцами. Все эти индийские художники работают быстро.

[18] Неокрашенные иллюстрации взяты из фотографий мисс Мэй С. Кларк, внутренние виды сделаны при свете вспышки. Автор рад поздравить мисс Кларк с тем, что она добилась успеха в самых трудных обстоятельствах.

[19] На всех рисунках изображены ступни в том виде, в каком они окрашены перед надеванием мокасин. Красное пятно на теле обозначает сердце, черное пятно на фигуре члена пожарного общества указывает на съеденный уголь. Белый цвет вокруг лица, рук и ног спускается с груди ястреба.

[20] Представительницы женского пола никогда не присутствуют на церемонии расчесывания соломинками и перьями, и поэтому яя, принадлежащая женщине и ребенку, в этот раз не была видна, как и та, что была захвачена у навахо.

[21] Портреты хонаитов были сделаны в уединенных местах в лесу. Волосы уложены не так, как на церемониях, боязнь разоблачения мешает правильно расположить их и украсить перьями. (Pl. xxx.)

[22] Однако были и другие камсуны, которые жили в верхнем мире до прихода Сиа. Хотя Sia не может объяснить их происхождение, они также олицетворяются ими.

[23] Престарелый хонаит с тех пор скончался.

[24] Здесь певцы легким взмахом руки рассыпают пыльцу на север.

[25] Не поддается переводу.

[26] Смесь из ракушек и священная трапеза являются синонимами.

[27] После религиозных служб хонаит обычно отлучается, даже если он муж или отец женщины; его присутствие свидетельствует о необычной набожности. Свекровь может присутствовать при родах, но не свекор, если только он не является избранным хонаитом для данного случая, и его привязанность к невестке побуждает его остаться, что, однако, бывает очень редко. “Если будущая мать не сумеет сосредоточить свои мысли на грядущем событии, ребенок не захочет родиться, будет лежать неподвижно и умрет”. Редко бывает, чтобы женщина из Sia умерла при родах; или чтобы ребенок родился мертвым.

[28] Врачиха дает имена всем младенцам, одно имя обычно служит женщине всю жизнь, но у мужчины может быть несколько имен; например, по возвращении после долгого путешествия или после совершения какого-либо доблестного поступка какая-нибудь женщина-член культового общества, к которому он принадлежит, или член его клана, когда она дает соответствующее имя.

Примечания переписчика:

Пустые страницы удалены.

Очевидные опечатки были незаметно исправлены.

Различия в интервалах между словами на родном языке, переносах и разметке оставлены как есть.